



**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
СОЦИОЛОГИЯ**

2020 Том 20 № 1

**Научный журнал
Издается с 2001 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF SOCIOLOGY**

2020 Volume 20 No. 1

**Founded in 2001
by the Peoples' Friendship University of Russia**

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 22.00.00 — социологические науки и 09.00.11 — социальная философия. Журнал включен в ядро РИНЦ, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. Журнал индексируется в базе данных Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics). Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20826.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» — периодическое международное рецензируемое научное издание в области социологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала: публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам социологической науки, широкий обмен результатами теоретических и эмпирических исследований между специалистами, работающими в различных областях социально-гуманитарного знания. На страницах журнала публикуются материалы по историографии мировой социальной мысли как классического, так и современного периода; статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований по проблематике специальных социологических теорий, по методологии и методике социологических исследований и др. В журнале выступают специалисты, представляющие ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также вузы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность публиковаться в нем представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/sociology>.

Электронный адрес: socioj@rudn.ru.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. The journal is indexed and abstracted in the Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN Journal of Sociology) is a peer-reviewed international academic journal publishing research in sociology and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal: to publish the results of fundamental and applied research on the topical issues of sociology, and to ensure a broad exchange of the results of theoretical and empirical studies between scientists from different fields of social sciences and humanities. In the journal one can find papers on the historiography of the classical and modern periods of the world social thought; on the results of fundamental and applied research devoted to the problems considered by special sociological theories; on the difficulties in choosing methodological approaches and techniques for the study of complex social phenomena, etc. The journal publishes papers of the authors representing the leading sociological centers, institutes, organizations, and universities in Russia and abroad. The thematic 'repertoire' of the journal presents opportunities for authors from many disciplinary fields (political scientists, historians, economists, etc.) relying on the empirical sociological data in their research. The journal also welcomes book reviews, literature overviews, and conference reports.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/sociology>.

E-mail: socioj@rudn.ru.

Подписано в печать 14.02.2020. Выход в свет 25.02.2020. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 22,32. Тираж 500 экз. Заказ № 8. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

+7 (495) 952-04-41; E-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Херпфер К., доктор политологии, профессор университета Вены; директор Института сравнительных социальных исследований «Евразийский Барометр»; президент Исследовательской ассоциации «Всемирное исследование ценностей», Австрия. E-mail: c.w.haerpfel@gmail.com

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии РУДН, Россия. E-mail: narbut-np@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Троцук И.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии РУДН, Россия. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Бакиров В.С., доктор социологических наук, профессор, ректор Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, академик НАН Украины, президент Украинской социологической ассоциации (Украина)

Гаспаршвили А.Т., кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Центра стратегии развития образования МГУ им. М.В. Ломоносова

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Горшков М.К., академик РАН, доктор философских наук, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Диас Николас Х., доктор политологии, профессор факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе (Испания)

Егорышев С.В., доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Иванов В.Н., член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, советник РАН

Куропятник М.С., доктор социологических наук, профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Назарова И.Б., доктор экономических наук, директор Аналитического центра Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Пан Д., доктор социологических наук, профессор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Пузанова Ж.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, заведующая социологической лабораторией факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Ротман Д.Г., доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Хазендорн Л., доктор философии (социальная психология), почетный профессор Утрехтского университета (Нидерланды)

Чамбаликова М., доктор философии (социология), профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Шафранец К., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии образования и молодежи Института социологии Университета Николая Коперника в Торуне (Польша)

Шнайдер С., доктор философии (социология), профессор Федерального университета Рио Гранде-ду Суль (Бразилия)

Шубрт И., доктор философии (социология), профессор, заведующий кафедрой исторической социологии факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

Шувакович У., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Белградский университет (Сербия)

Литературный редактор *К.В. Зенкин*

Компьютерная верстка *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: socioj@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

HONORARY EDITOR

Haerper C., D.Sc (Political Sciences), Professor, University of Vienna; Director, Institute for Comparative Survey Research “Eurasia Barometer”; President, World Values Survey Association, Austria. E-mail: c.w.haerper@gmail.com

EDITOR-IN-CHIEF

Narbut N.P., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: narbut-np@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Trotsuk I.V., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Bakirov V.S., D.Sc (Sociology), Professor, Rector of V.N. Karazin Kharkiv National University, Academician of National Academy of Sciences of Ukraine, President of Ukrainian Sociological Association (Ukraine)

Gasparishvili A.T., PhD (Philosophy), Associate Professor, Deputy Director, Center for Educational Development, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Center for Social Structure and Social Differentiation, Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Gorshkov M.K., D.Sc (Philosophy), Academician of Russian Academy of Sciences, Head of Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Hagendoorn L., D.Sc (Social Psychology), Professor Emeritus, Utrecht University (Netherlands)

Díez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor, School of Political Sciences and Sociology, Complutense University of Madrid (Spain)

Egoryshev S.V., D.Sc (Sociology), Senior Researcher, Institute of Social and Economic Studies, Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor, Russian Academy of Sciences (Russia)

Kuropatnik M.S., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Saint Petersburg State University (Russia)

Nazarova I.B., D.Sc (Economics), Head of Analytical Center, National Research University “Higher School of Economics” (Russia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoyskiy D.G., PhD (Philosophy), Associate Professor, Sociology Chair, RUDN University (Russia)

Puzanova Zh.V., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociological Laboratory, RUDN University (Russia)

Rotman D.G., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Center for Sociological and Political Research, Belorussian State University (Belorussia)

Schneider S., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology of Rural Development and Food Studies, Federal University of Rio Grande do Sul (Brazil)

Szafraniec K., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Sociology of Education and Youth, Institute of Sociology, Nicolaus Copernicus University in Toruń (Poland)

Čambáliková M., PhD (Sociology), Professor, Researcher, Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences; Head of Sociology and Social Psychology Chair, Higher School Danubius (Slovakia)

Šubrt J., PhD (Sociology), Professor, Head of Historical Sociology Chair, Charles University (Czech Republic)

Šuvaković U., D.Sc (Sociology), Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, University of Belgrade (Serbia)

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*
Computer design *Ekaterina P. Dovgolevskaya*

Editorial office:

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: socioj@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

- Масловская Е.В., Масловский М.В.** Историческое наследие советской версии модерна: новые теоретические подходы 7
- Щекотуров А.В.** Социальные медиа: становление нового макдональдизированного института 18

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

- Кечина Е.А., Филинская Л.В.** Качество жизни пожилых людей в Беларуси 30
- Ильинский И.М., Луков В.А.** Московские студенты: трансформации ценностных ориентаций 50
- Буланова М.Б., Артамонова Е.А.** NEET-молодежь: европейский контекст и российские реалии 64
- Слизовский Д.Е., Иванова М.Г., Мартыненко Е.В.** Интеллектуальные конкурсы школьников: основные задачи и социальное значение 73
- Егорышев С.В.** Влияние криминальной девиации на демографические процессы в Республике Башкортостан 89
- Никула Й., Копотева И.** Проекты местного развития в Приладожье: причины успешности и подходы к финансированию (на англ. яз.) 102
- Милошевич Шошо Б.Ч.** Социологические аспекты алкоголизма как социальной девиации в Боснии и Герцеговине (на англ. яз.) 115
- Поляков А.В., Унусян У.В.** Социологические аспекты оценки безопасности на организационном уровне (на примере дошкольных учреждений Московской области) 124

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

- Шарков Ф.И., Силкин В.В.** Социология спорта и пространство спортивных практик: социальный генезис и современные теории (на англ. яз.) 137
- Платонов В.М.** Принцип единства исполнительной власти в федеративном устройстве современной России 145

РЕЦЕНЗИИ

- Коваль Е.А., Ушкин С.Г.** Будущее исследований будущего: от технократии к новым моделям социальности 161
- Шульц И.** Перспектива «duplex» как попытка преодоления ключевой социологической дилеммы 170
- Залевская Т.Д.** Государственные расходы: меньше или больше? 176

- НАШИ АВТОРЫ** 183

CONTENTS

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

- Maslovskaya E.V., Maslovskiy M.V.** The soviet version of modernity and its historical legacy: New theoretical approaches 7
- Shchekoturov A.V.** Social media: The development of a new McDonaldized institution 18

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

- Kechyna E.A., Filinskaya L.V.** The quality of life of the older generation in Belarus 30
- Ilyinsky I.M., Lukov V.A.** Moscow students: Changes in value orientations 50
- Bulanova M.B., Artamonova E.A.** The NEET youth: European context and Russian realities 64
- Slizovskiy D.E., Ivanova M.G., Martynenko E.V.** Intellectual competitions for schoolchildren: Main tasks and social significance 73
- Egoryshev S.V.** The influence of criminal deviation on the demographic processes in the Republic of Bashkortostan 89
- Nikula J., Kopoteva I.** Local development initiatives in the Lake Ladoga Region: Reasons for success and approaches to funding 102
- Milošević Šošo B.Č.** Sociological aspects of alcoholism as a social deviation in Bosnia and Herzegovina 115
- Polyakov A.V., Unusyan U.V.** Sociological aspects of assessing security at the organizational level (on the example of preschools) 124

SOCIOLOGICAL LECTURES

- Sharkov F.I., Silkin V.V.** Sociology of sports and the space of sports practices: Social genesis and sociological theories 137
- Platonov V.M.** The principle of the executive power unity in the contemporary Russian federative model 145

REVIEWS

- Koval E.A., Ushkin S.G.** Future research of the future: From technocracy to new models of sociality 161
- Šulc I.** The 'duplex' perspective as an attempt to resolve the key sociological dilemma 170
- Zalevskaia T.D.** Budget expenditures: less or more? 176

- AUTHORS** 183



ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-7-17

Историческое наследие советской версии модерна: новые теоретические подходы*

Е.В. Масловская, М.В. Масловский

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
Ул. 7-я Красноармейская, 25/14, Санкт-Петербург, 190005, Россия
(e-mail: ev_maslovskaya@mail.ru; m.maslovskiy@socinst.ru)

В статье рассматривается академическая дискуссия вокруг сложившихся в последние годы подходов к анализу посткоммунистических трансформаций в России и странах Центральной и Восточной Европы. В исследованиях социально-политических изменений в посткоммунистических обществах осознается необходимость более глубокого анализа длительных исторических процессов и культурного контекста. В статье подчеркивается, что «новый историзм» в изучении посткоммунистических трансформаций имплицитно следует социологическому анализу множественных модернов, хотя значение этой концепции не всегда признается. Авторы прослеживают преемственность анализируемой научной традиции и неизбежные интеллектуальные разрывы и концептуально-методологические пересмотры. Первоначальная версия концепции множественных модернов, предложенная Ш. Эйзенштадтом в 1990-е годы, связана с понятием «культурной программы», что предполагает зависимость от колеи предшествующего развития. Ограниченность данного подхода преодолевается в работах таких социологов, как Й. Арнасон и П. Вагнер. Авторы обосновывают актуальность обращения к концепции множественных модернов для переосмысления значения исторического и культурного наследия в посткоммунистических обществах. Исследования посткоммунистических трансформаций нередко опирались на более ранние версии теории модернизации, предполагавшие достаточно плавный переход к рыночной экономике и демократическим институтам. Однако такой подход сталкивался с трудностями, когда происходил откат в экономической и политической либерализации. Концепция множественных модернов позволяет преодолеть недостатки данного подхода. В новейших исследованиях роли исторического наследия в жизни посткоммунистических обществ оно не рассматривается как культурная программа, однозначно определяющая развитие в заданном направлении. В качестве примера сохраняющегося влияния исторического наследия советской системы в статье рассмотрены разные версии консервативной идеологии в российском обществе и отмечено, что основные «идеологические экосистемы» предлагают собственные интерпретации модерна.

Ключевые слова: социологическая теория; историческая социология; советское общество; модерн; посткоммунизм; социальные трансформации; историческое наследие

* © Масловская Е.В., Масловский М.В., 2020.

Статья поступила 30.05.2019 г. Статья принята к публикации 10.09.2019 г.

В последние два десятилетия в изучении обществ советского типа и посткоммунистических трансформаций с позиций разных научных дисциплин наблюдаются новые тенденции. Так, с конца 1990-х годов в работах зарубежных историков наметились два основных направления — выделяющие модернистские (например, рациональная организация труда и надзора за населением) или неотрадиционалистские (прежде всего, распространение неформальных связей и отношений) черты советской системы. Как отмечает американский историк М. Дэвид-Фокс, сторонники модернистского подхода рассматривали главным образом артикулированные элитами программы и осуществлявшиеся «сверху» процессы социальной трансформации. Неотрадиционалистская интерпретация советской истории сформировалась в значительной степени как реакция на модернистский подход. Одно из основных положений неотрадиционалистской критики — утверждение, что «большевистский проект столкнулся с российской действительностью, породив неожиданные перевоплощения традиционного общества» [12. Р. 27]. Можно говорить о взаимном пересечении указанных подходов: как «модернисты», так и «неотрадиционалисты» согласны с тем, что советский порядок в определенной степени сочетал современные и традиционные черты [12. Р. 45].

Проблема влияния исторического наследия периода реального социализма на социально-политические процессы в бывших советских республиках и странах Восточной Европы является одной из наиболее дискуссионных. В обсуждении данной проблемы можно выделить три основных этапа: на рубеже 1980—1990-х годов исследователи подчеркивали уникальность исторического опыта коммунизма и неизбежность его влияния на дальнейшее развитие. Наибольшую известность получил тезис К. Джоуита, что новые институциональные паттерны в странах Восточной Европы будут сформированы наследием «ленинистских» режимов [17]. Но вскоре посткоммунистические страны стали рассматриваться в ряду других государств, где происходили процессы демократизации. На протяжении 1990-х годов в сравнительных исследованиях этих обществ господствовала парадигма «транзитологии», но к началу 2000-х годов стали очевидны недостатки данной парадигмы, не позволявшие объяснить разнообразие траекторий социально-политического развития. В результате наметился переход к третьему этапу с выраженным акцентом на историческом и культурном наследии [16].

Большинство исследователей, занимающихся изучением посткоммунистических обществ, проводит основное разграничение между странами Центральной и Восточной Европы, включая три прибалтийские республики, с одной стороны, и остальными бывшими советскими республиками — с другой. Считалось, что «посткоммунистические политические и экономические трансформации следует рассматривать как часть длительного исторического процесса демократизации и модернизации на европейском континенте, временным отклонением от которого было коммунистическое правление. Это в особенности относится к странам Центральной и Восточной Европы, которые исторически тяготели к западному ядру континента, а также и к России, которая вновь утверждает свое отличие от Европы» [16. Р. 332]. Кроме того, подчеркивалось, что переосмысление роли

исторического и культурного наследия предполагает фокус на «выходящих за рамки национальных границ регионах и более широких „цивилизационных“ идентичностях на макроуровне» [16. Р. 335].

Именно такой подход отличает цивилизационный анализ в исторической социологии и сформировавшуюся на его основе концепцию множественных модернов. Однако в работах исследователей, обратившихся в последнее время к переосмыслению проблематики исторического наследия коммунизма, данному подходу уделяется пока недостаточное внимание. В какой-то степени повторяется ситуация с новыми подходами к изучению советской истории. Как отмечает М. Дэвид-Фокс, с конца 1990-х годов «модернистское» направление в исследованиях советской истории «имплицитно» следовало за социологическим анализом множественных модернов, хотя труды Ш. Эйзенштадта и его коллег оказались вне поля зрения представителей этого направления [11. Р. 539]. Тем не менее, концепция множественных модернов обладает значительным потенциалом для анализа исторической динамики обществ советского типа [6].

Социологическая концепция множественных модернов и анализ советской системы

Понятие множественных модернов первоначально ассоциировалось, прежде всего, с трудами Ш. Эйзенштадта, однако с конца 1990-х годов в исторической социологии сложилось несколько подходов к анализу модернизационной динамики, не всегда связанных с его идеями. Концепция множественных модернов исходит из того, что традиции являются фактором модернизации любого общества, поскольку они предоставляют культурные ресурсы, оказывающие влияние на выработку и реализацию разных проектов модерна. В то же время сами традиции изменяются и конструируются в ходе модернизации. Результатом является неизбежное разнообразие культурных и институциональных форм модерна [5; 15]. «Опыт новейшей и притом успешной модернизации в ряде стран, прежде всего азиатско-тихоокеанской зоны, показывает, что традиции могут сосуществовать с реалиями модерна, образуя множество взаимных композиций и переплетений» [8. С. 11—12].

Сформулированная Эйзенштадтом идея «культурной программы» предполагает высокую степень стабильности каждой формы модерна, опирающейся на определенные цивилизационные основания. По мнению ряда исследователей, данный подход преувеличивает степень преемственности в развитии обществ и не уделяет должного внимания процессам социальных изменений. Как указывает В. Кнебль, социологическая концепция Й. Арнасона, подчеркивающая связь цивилизаций с имперскими политическими структурами, позволяет лучше объяснить как преемственность в развитии цивилизаций, так и процессы исторических изменений [18. Р. 93—95]. При этом Арнасон отмечает значение межцивилизационного взаимодействия в формировании разных версий модерна [3; 14. Р. 24—25]. Арнасон понимает культуру как «констелляцию», в которой креативность социального действия и влияние случайных событий могут существенно изменить траекторию цивилизационной динамики [19. Р. 18].

В ряде работ Арнасон демонстрирует возможности применения разработанного им аналитического инструментария на примере концептуализации особенностей развития обществ советского типа [2; 9]. По его мнению, советская модель объединила имперскую традицию осуществляемой сверху социальной трансформации и революционное видение нового общества, результатом чего стал «альтернативный» тип модерна. Согласно Арнасону, можно говорить не о советской цивилизации, а о коммунистической модели модерна, обладавшей лишь некоторыми цивилизационными особенностями. В то же время советская система определяла себя через сопоставление с институциональными рамками западного либерального модерна — как советский ответ на развитие капитализма, демократии и науки в странах Запада. Арнасон подчеркивает, что в каждом случае претензии на то, чтобы превзойти западный модерн, соединяли критику существующих образцов с воображаемым выходом за их пределы.

Коммунистическая версия модерна была подвержена постоянному воздействию кризисных тенденций. Арнасон приходит к выводу, что «проект, развившийся в советскую модель, был рационализирован в качестве ответа на предполагаемый структурный кризис западного модерна. Противоречия и дисфункции, укорененные в динамике капитализма, но получившие отражение во всех сферах жизни модернизовавшихся обществ, должны были устраняться путем перестройки всего процесса вокруг определенного набора целей и эффективного координирующего центра. Но модель, которая выросла из этого проекта, взаимодействуя с более широким историческим контекстом, воспроизвела кризисные тенденции модерна в более острой форме» [2. Р. 25].

В работах Арнасона проводится сравнительный анализ коммунистической версии модерна в СССР, Китае и странах Восточной Европы. В частности, реконструируя логику социальных процессов в Чехословакии [10], Арнасон развивает некоторые положения концепции «организованного модерна» П. Вагнера [24]. Вагнер обращается главным образом к истории стран Западной Европы и Северной Америки, но в данном случае речь идет скорее о модификациях культурных и институциональных образцов, сложившихся на Западе, а не об альтернативных моделях модерна. В настоящее время Вагнер разрабатывает исследовательскую программу глобальной сравнительно-исторической социологии, призванную расширить сферу применения его подхода.

В рамках широкого социологического течения, связанного с изучением различных типов современного общества, Вагнер сформулировал концепцию модерна как «опыта и интерпретации» [26]. С его точки зрения, недавняя история может быть представлена как чередование интерпретаций модерна, отличавшихся региональным разнообразием и опиравшихся на ранний исторический опыт. Вагнер рассматривает главным образом период с 1960-х годов до настоящего времени: в начале периода преобладавшие интерпретации модерна отличались рядом сходных черт в западных демократиях, социалистических режимах советского типа и авторитарных государствах третьего мира — для всех было характерно стремление к «стабилизации экономических и политических отношений, ограничению

культурных различий и „замораживанию“ существующей ситуации, допускающему лишь равномерные и предсказуемые изменения» [27. Р. 115]. Со второй половины 1960-х годов в мире сложилась принципиально новая ситуация, в частности вследствие роста активности социальных движений, пик которой пришелся на 1968 год: события этого года представляли собой «сочетание политической революции, которая не удалась, и культурной революции, которая завершилась успехом» [25. Р. 38]. Новый этап в противостоянии интерпретаций модерна начинается на рубеже 1980—1990-х годов, когда получает широкое распространение «социальное воображаемое», основанное на идеях глобализации и индивидуализации, — идея, что между индивидом и глобальным уровнем практически отсутствуют промежуточные институты. Вместе с тем, как утверждает Вагнер, подобная интерпретация модерна во многом неадекватна, о чем свидетельствуют экономические кризисы, экологические проблемы, конфликты по поводу исторической справедливости, обращение вспять процессов демократизации [27. Р. 117].

Вагнер стремится противопоставить неолиберальному видению модерна альтернативные интерпретации, предполагающие активное политическое участие широких слоев и преодоление исторических несправедливостей, — он ссылается на процессы демократизации, в частности, в ряде стран Латинской Америки и Южной Африке. Хотя он допускает, что интерпретации модерна могут направляться элитами, стремящимися сохранить свою власть [27. Р. 127], основной акцент он делает на более «прогрессивных» примерах. В любом случае идея столкновения интерпретаций модерна и общие принципы их анализа, предложенные Вагнером, заслуживают серьезного внимания, в частности, можно говорить о различных интерпретациях модерна в современных идеологических течениях.

Последовательная смена разных форм модерна в Центральной и Восточной Европе анализировалась П. Блоккером, который опирался на идеи Арнасона и Вагнера [4]. Как подчеркивает Блоккер, в данном регионе существовало многообразие как соперничавших, так и сменявших друг друга версий модерна. При этом можно выделить чередовавшиеся тенденции к большей открытости либо закрытости по отношению к западному либеральному модерну. С одной стороны, тенденция к открытости проявилась в попытках создания более свободного общества. С другой стороны, противоположная тенденция была реализована в радикальном виде в фашистских и коммунистических проектах. В 1920—1930-е годы в регионе распространилась тенденция к закрытости — как проявление общеевропейского кризиса либерализма. Эта тенденция отмечена в большей или меньшей степени во всех восточноевропейских странах, хотя в Чехословакии сохранилась приверженность конституционно-демократическому устройству государства.

Блоккер разделяет точку зрения Арнасона, согласно которой установление в странах региона коммунистических режимов после окончания Второй мировой войны означало попытку создания альтернативной версии модерна. Вместе с тем Блоккер приходит к выводу, что перенос советской модели в Центральную и Восточную Европу отчасти ослабил тенденцию к закрытости коммунистической системы. В Венгрии, Польше и Чехословакии продолжали существовать тради-

ции, противостоявшие коммунистической идеологии, однако в Албании и Румынии возникли отклонения от советского проекта, связанные с большей степенью изоляционизма (усилилась закрытость по отношению к изначальной модели коммунистического модерна). Согласно Блоккеру, региональные особенности формирования и кризиса коммунистической системы наложили отпечаток на трансформационные процессы в восточноевропейских обществах после ее распада. К сходным выводам приходит Дж. Деланти, который в анализе европейского модерна ориентируется на идеи Арнасона и Вагнера [7; 13].

Ряд исследователей отмечали значение концепции множественных модернов для объяснения крушения советской системы. В частности, к этой проблеме обращается британский политолог Р. Саква. По его мнению, для ее анализа следует использовать теорию модернизации, но не в ее первоначальной версии 1950—1960-х годов [22. Р. 72]. Саква ссылается на Дж. Александера, выделявшего четыре теоретических подхода к проблеме модернизации, последовательно сменявших друг друга: классическая теория — антимодернизм — постмодернизм — неомодернизм [1. С. 505—600]. Опираясь на данную классификацию, Саква выделяет две версии «неомодернизационной» теории: к критической версии он относит пересмотр первоначальной теории модернизации, осуществленный в 1990-е годы рядом социологов, включая Александера; цивилизационный подход представлен, прежде всего, трудами Эйзенштадта [22. Р. 74]. Но Саква ссылается и на осуществленный Арнасоном анализ советской версии модерна, в соответствии с которым советский эксперимент — неудавшаяся попытка создания альтернативного социального порядка. Советская модель оказывалась, таким образом, не антимодернистской, но модернизированной «неправильным образом» (*mismodernized*). Согласно этой точке зрения, советская система не смогла справиться со всеми «вызовами модерна» [22. Р. 75]. В конечном счете, как полагает Саква, концепция множественных модернов обладает наилучшими возможностями для объяснения причин «советского коллапса».

Новые подходы к анализу исторического наследия советской версии модерна

Как подчеркивает немецкий социолог В. Шпон, концепция Арнасона может быть использована для изучения не только обществ советского типа, но и посткоммунистических трансформаций. Исследования этих процессов нередко опирались на ранние версии теории модернизации, предполагавшие достаточно плавный переход к рыночной экономике и демократическим политическим институтам, однако такой подход сталкивался с трудностями, когда происходил откат в экономической и политической либерализации [23. Р. 32]. По мнению Шпона, идеи Арнасона могут добавить новые измерения в изучение трансформационных процессов в посткоммунистических обществах, в частности, это относится к переосмыслению исторического наследия советской версии модерна.

Вместе с тем, как отмечают американские исследователи С. Коткин и М. Бейсинджер, не следует безоговорочно принимать тезис о сохраняющемся воздейст-

вии исторического опыта коммунизма на траектории развития посткоммунистических стран [20. Р. 1]. С одной стороны, этот исторический опыт радикально преобразовал те общества, которые оказались под его воздействием. С другой стороны, долгосрочное влияние данного опыта может оказаться не столь значительным, поскольку многие социальные преобразования коммунистического периода имели насильственный характер, «обедняли общества, либо задерживали их развитие, либо изолировали от глобальных процессов изменений» [20. Р. 11]. Хотя исторический опыт коммунистического периода по-прежнему имеет значение подобно колониальному прошлому для многих развивающихся стран, следует ожидать, что его влияние «будет постепенно уменьшаться во многих сферах жизни по мере возникновения новых факторов, формирующих траектории развития» [20. Р. 2]. Кроме того, темпы изменений в некоторых странах бывшего советского блока за последние десятилетия были столь быстрыми, что использование термина «посткоммунизм» кажется все более проблематичным.

С точки зрения Коткина и Бейсинджера, в каждом конкретном случае следует учитывать возможности влияния наследия более раннего периода и новых факторов, возникших после крушения коммунистической системы. При этом определенные формы исторического наследия могут не охватывать «все части бывшего коммунистического блока или даже все части Советского Союза. Коммунистический опыт не является единственным значимым историческим опытом, оставившим свое наследие, могут сохраняться разнообразные виды наследия, в том числе предшествовавшие коммунизму (российские имперские, габсбургские, оттоманские), характерные для коммунизма в целом или специфические для Советского Союза» [20. Р. 7]. Что касается наследия коммунистического периода, то важное значение имеет то, «где, в каких сферах, каким образом и почему оно проявилось либо не проявилось» [20. Р. 7]. Исследователей особенно интересует то, каким образом определенные практики сохраняются и воспроизводятся в условиях масштабных макросоциальных изменений.

Коткин и Бейсинджер выделяют несколько форм, которые может принимать историческое наследие [20. Р. 12—16]. Фрагменты прежних институтов могут сохраняться практически в неизменном виде, эти институты могут быть приспособлены для новых целей, элементы прежних и новых институтов могут соединяться, образуя нечто принципиально новое, или усвоенные в процессе социализации способы восприятия и действия могут налагать ограничения на поведение индивидов. В последнем случае речь идет о *габитусе* в понимании П. Бурдьё. В то же время в ряде случаев сложно четко разграничить подлинное историческое наследие и использование социальными акторами прошлого для достижения сегодняшних целей. Кроме того, сохранение определенных практик может быть обусловлено многообразными причинами — как историческим наследием, так и функциональными требованиями [20. Р. 20].

В новейших исследованиях роли исторического наследия в жизни посткоммунистических обществ оно не рассматривается как культурная программа, однозначно определяющая развитие в заданном направлении. Как подчеркивают Коткин и Бейсинджер, «не все глубоко укорененные формы исторического опыта

вливают на последующее поведение; историческое наследие обычно взаимодействует с другими причинными механизмами и процессами; множественные формы наследия могут взаимно усиливаться или противоречить друг другу; большая часть повседневного поведения может быть связана скорее с контекстом, чем с историческим наследием; та степень, в которой наследие оказывает „определяющее“ влияние, варьирует и требует изучения» [20. Р. 8—9]. Тем самым они выступают против представления о наследии коммунизма как некоем «генетическом коде», с неизбежностью задающем направление развития. В данном случае подход Коткина и Бейсинджера противоречит идее «культурной программы» Эйзенштадта, но вполне сочетается с концепциями Арнасона и Вагнера, допускающими вариативность и взаимодействие факторов социокультурных изменений.

В качестве примера сохраняющегося влияния исторического наследия советской системы можно назвать различные версии консервативной идеологии в российском обществе. В частности, М. Ларюэль использует метафору «экосистемы» для обозначения групп интересов, продвигающих консервативную идеологию [21. Р. 1]. С ее точки зрения, можно выделить три ключевые экосистемы: военно-промышленный комплекс, который охватывает силовые ведомства, государственную и участвующую в ней промышленность; сферу влияния Русской православной церкви, включающую Московскую патриархию, православных бизнесменов и организации гражданского общества; президентскую администрацию, которая в значительной мере выражает идеологическую позицию российской политической элиты. Военно-промышленная экосистема и сфера влияния РПЦ выдвигают более последовательную идеологическую повестку, тогда как президентская администрация является «наименее идеологически жесткой и наиболее способной к адаптации в новых контекстах» [21. Р. 4].

Для анализа различных версий консервативного дискурса российских элит можно использовать понятие интерпретации модерна. Если обратиться к выделенным Ларюэль «идеологическим экосистемам», то следует, прежде всего, отметить преемственность военно-промышленной экосистемы по отношению к советской версии модерна. Несмотря на внутренние противоречия и конфликты в данной среде, ее представители разделяют идею сохранения определенного идеологического контроля над обществом. «Большинство из них верит в систему, вдохновляемую идеями советского типа, в условиях которой людей побуждают проявлять „здоровый патриотизм“, а молодежь воспитывается в военно-патриотическом духе» [21. Р. 3]. На первый взгляд, соотнесение сферы влияния РПЦ с интерпретациями модерна не очевидно, однако Ларюэль отмечает, что сфера влияния православия, как и военно-промышленная экосистема, уходит корнями в советское прошлое. В данном случае необходим более широкий взгляд на взаимоотношение религиозной сферы и социальных процессов, который может опираться на понятие интерпретации модерна. Идеология РПЦ связана с представлениями об «особом пути» России как хранительницы традиций православной цивилизации, которая противостоит, прежде всего, секуляризованному, антитрадиционалистскому Западу, стремящемуся к универсализации собственного дискурса о правах человека. Таким

образом, православная версия «цивилизационного национализма» включает в себя специфическую интерпретацию модерна.

Более широкая идеологическая палитра, которую использует политическая элита, выстраивая консервативный дискурс, включает, согласно Ларюэль, три важнейших элемента: ностальгию по советскому прошлому, прежде всего брежневского периода; государство-центричное видение российской истории; образ глобализированной, но культурно разнообразной России, сочетающей статус великой державы с либеральными экономическими ценностями. Последний элемент содержит заимствования из разных областей, в том числе «американских политических кампаний и маркетинга, западного постмодернизма, американского неоконсерватизма, консюмеризма, нарративов глобализации и трансформаций в Китае» [21. Р. 4]. Иными словами, данная идеологическая палитра содержит элементы интерпретации как советской версии модерна, так и современных глобальных процессов.

Таким образом, различные «идеологические экосистемы» предлагают собственные интерпретации модерна. В случае военно-промышленного комплекса речь идет главным образом о реанимации некоторых черт советской системы. РПЦ отличается установка на противопоставление ценностей православной цивилизации универсалистским устремлениям западного модерна. Политическая элита, с одной стороны, использует ностальгию широких слоев населения по советскому периоду, с другой — по-своему интерпретирует глобальные процессы, связанные с распространением разных версий капиталистического модерна.

В целом новый поворот к историческому наследию в исследованиях трансформационных процессов в посткоммунистических обществах в значительной степени пересекается с социологической концепцией множественных модернов. Первоначальная ее версия, предложенная Эйзенштадтом, связана с понятием «культурной программы», что предполагает серьезную зависимость от колеи предшествующего развития, однако ограниченность данного подхода преодолевается в работах Арнасона и Вагнера. Социологическая концепция множественных модернов может служить теоретической основой для трансдисциплинарного анализа не только исторической динамики обществ советского типа, но и сохраняющегося наследия «альтернативной» версии модерна. Как демонстрируют современные исследования исторического наследия «реального социализма», в каждом конкретном случае следует учитывать возможности влияния как наследия более раннего периода, так и новых факторов, возникших после крушения коммунистической системы. В новейших работах наследие коммунизма уже не рассматривается как культурная программа, однозначно определяющая общественное развитие в заданном направлении.

Библиографический список / References

- [1] *Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М., 2013 / Alexander J. Smysly sotsialnoi realnosti: kultursotsiologiya* [Meanings of Social Reality: Cultural Sociology]. Moscow; 2013 (In Russ.).

- [2] Арнасон Й. Коммунизм и модерн // Социологический журнал. 2011. № 1 / Arnason J. Kommunizm i modern [Communism and modernity]. *Sotsiologicheskyy Zhurnal*. 2011; 1 (In Russ.).
- [3] Арнасон Й. Понимание межцивилизационного взаимодействия // Метод. 2015. Вып. 5 / Arnason J. Ponimanie mezhtsivilizatsionnogo vzaimodeistviya [Understanding intercivilizational encounters]. *Method*. 2015; 5 (In Russ.).
- [4] Блоккер П. Сталкиваясь с модернизацией: открытость и закрытость другой Европы // Новое литературное обозрение. 2009. № 6 / Blokker P. Stalkivayas s modernizatsiei: otkrytost i zakrytost drugoi Evropy [Confronting modernization: Openness and closure of the other Europe]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*. 2009; 6 (In Russ.).
- [5] Браславский П.Г. Цивилизационная теоретическая перспектива в социологии // Социологические исследования. 2013. № 2 / Braslavskiy R. Tsivilizatsionnaya teoreticheskaya perspektiva v sotsiologii [Civilizational theoretical perspective in sociology]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2013; 2 (In Russ.).
- [6] Дэвид-Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // Новое литературное обозрение. 2016. № 4 / David-Fox M. Modernost v Rossii i SSSR: otsutstvuyushchaya, obshchaya, alternativnaya ili perepletennaya? [Modernity in Russia and the USSR: Absent, common, alternative or entangled?] *Novoe Literaturnoe Obozrenie*. 2016; 4 (In Russ.).
- [7] Масловская Е.В., Масловский М.В. Концептуализация европейского модерна в социологии Джерарда Деланти // Социологическое обозрение. 2017. № 3 / Maslovskaya E., Maslovskiy M. Kontseptualizatsiya evropeiskogo moderna v sotsiologii Gerarda Delanty [Conceptualization of the European modernity in Gerard Delanty's sociology]. *Sotsiologicheskoe Obozrenie*. 2017; 3 (In Russ.).
- [8] Подвойский Д.Г. Тропами модерна: социологические вариации на тему // Социологические исследования. 2013. № 10 / Podvoisky D. Tropami moderna: sotsiologicheskie variatsii na temu [Paths of modernity: Sociological variations on a theme]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2013; 10 (In Russ.).
- [9] Arnason J. *The Future that Failed: Origins and Destinies of the Soviet Model*. London: Routledge; 1993.
- [10] Arnason J. Alternating modernities: The case of Czechoslovakia. *European Journal of Social Theory*. 2005; 8 (4).
- [11] David-Fox M. Multiple modernities versus neo-traditionalism. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2006; 54 (4).
- [12] David-Fox M. *Crossing Borders: Modernity, Ideology and Culture in Russia and the Soviet Union*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press; 2015.
- [13] Delanty G. The historical regions of Europe: Civilizational backgrounds and multiple routes to modernity. *Historická Sociologie*. 2012; 1—2.
- [14] Delanty G. A transnational world? The implications of transnationalism for comparative historical sociology. *Social Imaginaries*. 2016; 2 (2).
- [15] Eisenstadt S. The civilizational dimension of modernity: Modernity as a distinct civilization. *International Sociology*. 2001; 16 (3).
- [16] Ekiert G. Three generations of research on post-communist politics — a sketch. *East European Politics and Societies*. 2015; 29 (2).
- [17] Jowitt K. *New World Disorder: The Leninist Extinction*. Berkeley: University of California Press; 1992.
- [18] Knöbl W. Path dependency and civilizational analysis: Methodological challenges and theoretical tasks. *European Journal of Social Theory*. 2010; 13 (1).
- [19] Knöbl W. Contingency and modernity in the thought of J.P. Arnason. *European Journal of Social Theory* 2011; 14 (1).

- [20] Kotkin S., Beissinger M. The historical legacies of communism: An empirical agenda. M. Beissinger, S. Kotkin (Eds.) *Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press; 2014.
- [21] Laruelle M. The Kremlin's ideological ecosystems: Equilibrium and competition // PONARS Eurasia Policy Memo No. 493. November 2017.
- [22] Sakwa R. The Soviet collapse: Contradictions and neo-modernization. *Journal of Eurasian Studies*. 2013; 4 (1).
- [23] Spohn W. World history, civilizational analysis and historical sociology: Interpretations of non-western civilizations in the work of Johann Arnason. *European Journal of Social Theory*. 2011;14 (1).
- [24] Wagner P. *A Sociology of Modernity: Liberty and Discipline*. London: Routledge; 1994.
- [25] Wagner P. The project of emancipation and the possibility of politics or what's wrong with post-1968 individualism. *Thesis Eleven*. 2002; 68 (1).
- [26] Wagner P. *Modernity as Experience and Interpretation: A New Sociology of Modernity*. Cambridge: Polity; 2008.
- [27] Wagner P. Interpreting the present — a research programme. *Social Imaginaries*. 2015; 1 (1).

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-7-17

The soviet version of modernity and its historical legacy: New theoretical approaches*

E.V. Maslovskaya, M.V. Maslovskiy

Sociological Institute — branch of the FCTAS RAS
25/14, 7th Krasnoarmeiskaya St., Saint Petersburg, 190005, Russia
(e-mail: ev_maslovskaya@mail.ru; m.maslovskiy@socinst.ru)

Abstract. The article considers some approaches to the analysis of post-communist transformations in Russia and Central and Eastern Europe. In the studies of social-political changes in post-communist societies, there is a new turn towards the analysis of long-term historical processes and the cultural context of contemporary social transformations. The authors emphasize that the ‘new historicism’ in the studies of post-communist transformations follows the sociological theory of multiple modernities, although its importance is not always recognized by researchers. Its original version developed by Shmuel Eisenstadt in the 1990s was not free from certain limitations due to the concept of ‘cultural program’ that presupposes a high degree of path dependence; however, these limitations were overcome in the works of Johann Arnason and Peter Wagner. The studies of post-communist transformations are often based on the early versions of modernization theory which presupposed a smooth transition to the market economy and liberal democracy. However, this approach encountered difficulties under the reversal of economic and political liberalization. The multiple modernities theory overcomes the limitations of this approach, it is relevant for the analysis of transformation processes in contemporary Russia and other post-communist states. In the recent studies of the historical legacies of communism, they are not considered as a ‘cultural program’ determining the trajectory of social development. The article describes some contemporary conservative ideologies in Russia as an example of the Soviet historical legacy’s influence, and argues that various ‘ideological ecosystems’ present their own interpretations of modernity.

Key words: sociological theory; historical sociology; soviet society; modernity; post-communism; social transformations; historical legacy

* © E.V. Maslovskaya, M.V. Maslovskiy, 2020.

The article was submitted on 30.05.2019. The article was accepted on 10.09.2019.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-18-29

Социальные медиа: становление нового макдональдизированного института*

А.В. Щекотуров

Балтийский федеральный университет им. И. Канта
ул. А. Невского, 14, Калининград, Россия, 236016
(e-mail: ASHChekoturov@kantiana.ru)

Статья посвящена переосмыслению феномена социальных медиа с позиции теории макдональдизации общества. Рассматривая социальные медиа в неразрывной связи с системами общества потребления, автор показывает, что формируется новый макдональдизированный институт, исследование которого открывает новые теоретические и методологические возможности. В статье представлен обзор отечественных исследований, демонстрирующих усиление макдональдизирующего влияния на социальные институты российского общества, и проведен анализ социальных медиа с точки зрения факторов макдональдизации. Сквозь призму концепции Дж. Ритцера о «ничто» и «нечто» в системе макдональдизированных институтов рассмотрены социальные сети Facebook и ВКонтакте. Определена теоретико-методологическая значимость рассмотрения социальных медиа в качестве макдональдизированного института. Показано, что функционально социальные медиа полностью соответствуют всем пяти факторам макдональдизации, сформулированным Ритцером. Автор показывает, что социальная сеть Facebook относится к глобализованной форме «ничто» и, следовательно, является важной движущей силой глобализации, тогда как социальная сеть ВКонтакте относится к локальной форме «ничто» и тем самым создает уникальные смыслы на стыке локального и глобального уровней. Одним из таких новых смыслов является то, что ВКонтакте отражает традиционный взгляд на гендерную идентичность, сексуальную ориентацию и институт брака. Автор приходит к заключению, что социальные медиа являются макдональдизированным институтом и могут стать новой исследовательской оптикой: рассмотрение социальных медиа как макдональдизированных институтов актуализирует использование микс-методологии (mixed methods research).

Ключевые слова: макдональдизация; социальные медиа; макдональдизированный институт; Facebook; ВКонтакте; общество потребления

Развитие информационно-коммуникативных технологий и виртуальных платформ, предоставляющих пользователям мультимедийные возможности организации повседневности, достигло такого уровня, что исследователи заявляют о становлении цифрового общества [23], эпохе коммуникационного изобилия [3], Интернете как социальном институте [11], медиатизации социальной жизни [4] и институционализации новой отрасли социологической науки — социологии медиа [2]. Подобная трансформация социокультурной среды стала возможной благодаря ресурсам социальных медиа, позволившим индивиду дополнять самопрезентацию и экспериментировать с идентичностью [29]. Об институционализа-

* © Щекотуров А.В., 2020.

Статья поступила 09.08.2019 г. Статья принята к публикации 30.10.2019 г.

ции социальных медиа свидетельствуют их способности удовлетворять многие личностные и общественные потребности, формировать социальные общности и регулировать их деятельность и социальные связи, а также появление правовых норм и юридической ответственности, регламентирующих как поведение отдельного пользователя, так и взаимодействие пользователей [31].

Важным условием успешной институционализации социальных медиа является их адаптация к специфике социокультурного поля, метасоциальному контексту, который определяет характер социальных взаимодействий на микро- и макроуровне. В соответствии с концепциями крупнейших теоретиков XX—XXI веков (Ж. Бодрийяр, З. Бауман, Р. Барт, Дж. Ритцер и др.) под социокультурным полем мы можем рассматривать общество потребления, т.е. можно предположить, что в социальных медиа артикулированы черты общества потребления. Данная гипотеза позволяет перенести фокус исследовательского внимания на следующие вопросы: какие дополнительные смыслы и коннотации создает рассмотрение социальных медиа в качестве института общества потребления и каково методологическое значение нового знания.

Наиболее системно концепция институционализации новых потребительских практик представлена в работе Джорджа Ритцера «Макдональдизация общества» [9]. Ритцер, отталкиваясь от концепции рационализации общества Макса Вебера, рассматривает принципы работы известного фаст-фуда в качестве естественных правил существования социальных институтов в новой потребительской реальности. Пафос социальных медиа логично вписывается в идеологию всеобщего консьюмеризма, в котором субъекты являются и творцами, и потребителями неконтролируемого объема идей, символов и культурных кодов. Исходя из этого теория Ритцера может стать теоретико-методологической основой исследования социальных медиа в условиях общества потребления. Цель статьи — рассмотреть социальные медиа в качестве макдональдизированного института: представить теорию макдональдизации общества и примеры ее использования, провести анализ социальных медиа с точки зрения факторов макдональдизации и апробировать идею Ритцера о «ничто-нечто» в системе макдональдизированных институтов.

Макдональдизация общества

Первым, кто поднял вопрос о процессах рационализации общества и предложил системный анализ понятия рациональности, стал Макс Вебер. С прогрессирующей рационализацией всех сторон социальной жизни он связывал не только развитие западного капитализма, но и формирование целерационального и ценностно-рационального действия и мышления: «С одной стороны, рационализированные картины мира в высшей степени удовлетворяют требованиям формально-операционального мышления... Но, с другой стороны, рационализированные картины мира в высшей степени удовлетворяют и требованиям современного миропонимания, которое в категориальном плане предполагает расколдовывание мира» [10. С. 54]. Продолжая мысль Вебера о «расколдовывании мира», Джордж

Ритцер экстраполировал его взгляды на исследование современного общества потребления и сформулировал маркеры (факторы), лежащие в основе современных процессов рационализации. Свою теорию Ритцер обозначил как «макдональдизацию общества», но под «макдональдизацией» он понимает не просто распространение сети ресторанов «Макдональдс» по всему миру, а, прежде всего, утверждение принципов работы этой сети в качестве базисных принципов организации всех сфер современного общества с целью его последующей рационализации.

Ритцер выделил четыре фактора макдональдизации: эффективность, просчитываемость, предсказуемость и контроль. Эффективность — подбор оптимальных средств для достижения цели. Просчитываемость — учет факторов, которые поддаются количественному анализу (в макдональдизированных системах количество становится синонимом качества, где больше значит лучше). Предсказуемость — гарантия, что все продукты и услуги будут одинаковыми в любое время и в любом месте. Контроль за счет применения нечеловеческих технологий — замена человеческих технологий для большей автоматизации процессов производства. Благодаря совокупному действию этих факторов макдональдизация дает большие преимущества: доступность товаров и услуг, широкий ассортимент, привычная среда потребления и пр.

Однако, несмотря на преимущества, что Ритцер неоднократно подчеркивает, рациональные системы неизбежно порождают иррациональность, которая ограничивает, дискредитирует и, возможно, даже отменяет их рациональность: «оборотную сторону макдональдизации следует систематически рассматривать именно с точки зрения иррациональности рационального; парадоксальным образом иррациональность можно считать пятым фактором макдональдизации» [9. С. 80]. Иррациональные последствия возникают в условиях максимизации всех факторов макдональдизации, когда эффективность, просчитываемость, предсказуемость и контроль развиты до предела. Иррациональность рационального означает, что макдональдизированные системы порождают непредвиденные и нежелательные последствия, среди которых главное — дегуманизация человеческого труда. В качестве примера Ритцер приводит процесс натаскивания работников ресторана на выполнение ограниченного набора элементарных и однообразных действий, что в итоге лишает их свободы творчества и самовыражения. Кроме того, иррациональным следствием развития сети Макдональдс является ожирение и другие проблемы со здоровьем у наиболее лояльных покупателей.

Теория Ритцера актуальна для изучения современного российского общества: «Если в первые постсоветские годы наблюдалось ускоренное становление институтов рыночной экономики, которые не всегда соответствовали возможностям и нормативно-ценностным ожиданиям населения, то с начала 2000-х постепенный рост покупательской способности обеспечил распространение множества атрибутов капиталистического общества. И всего за неполные 20 лет с момента крушения социалистической системы рыночная конъюнктура и инфраструктура России стала частью глобального общества потребления, примером чего является появ-

ление и широкое распространение ресторанов фаст-фуда, торгово-развлекательных центров, мировых корпораций и т.д.» [12. С. 162].

Становление в России общества потребления и усиление макдональдизирующего влияния на социальные институты и агентов отмечено в исследованиях отечественных специалистов. Макдональдизации высшего образования посвящена статья А.П. Никитина [6], О.С. Лунева обратила внимание на макдональдизацию в здравоохранении [5], элементы макдональдизации обнаружены в издательском деле [7] и волонтерстве [8], в семейной сфере [1] и социализации подрастающего поколения [12].

Общим признаком макдональдизации является переход на более экономные способы функционирования: в высшем образовании — слияние кафедр, факультетов и целых университетов; в здравоохранении — экспресс-услуги, комплексная диагностика; в волонтерстве — онлайн-ресурсы оказания помощи; в издательском деле — использование компьютерных программ для написания шаблонных и хорошо продаваемых сюжетов. В случае макдональдизации семьи речь идет о стандартизации любовных и брачных отношений: «секс можно стандартизировать, разработать наиболее действенные методики получения наибольшего удовольствия» [1. С. 28]. Суть макдональдизации в социальных медиа состоит в «навязывании серийности контента, попытке примирить пользователя с шаблонным характером самопрезентации» [12. С. 164].

Иррационализация этих процессов заключается в развитии объект-центричных отношений (объект — учреждение, цель — повышение его капитализации), вытеснении индивидуально-личностных особенностей в пользу формально-обезличенной структуры [12. С. 162—164]. Так, в образовании — это «самосохранение высшего образования безотносительно непосредственного воздействия на личность», выражающееся в имитации совершенствования образовательной деятельности, спекуляциях преподавателей с количеством и качеством публикаций, где главная цель — увеличение индекса цитирования [6. С. 228]; в здравоохранении и волонтерстве — «обезличенность и деиндивидуализация» [8. С. 55], «недоверие пациента врачу» [5. С. 78]. Контроль нечеловеческих технологий (гаджеты, а также медикаменты типа «Виагры») в системе семейных отношений способствует «макдональдизации семьи на фундаментальном уровне» и меняет «значение и смысл семьи как малой социальной группы» [1. С. 32]. Макдональдизация подростка в социальных медиа уменьшает роль «человеческого» (общение лицом к лицу, взаимовыручка, совместное времяпрепровождение и т.д.) в отношениях [12. С. 168]. Процессы макдональдизации активно распространяются в разных сферах российского общества, что со временем формирует соответствующую научную риторику.

Социальные медиа и факторы макдональдизации

Само понятие социальных медиа может стать предметом отдельного исследования — столь много их трактовок существует в отечественной и зарубежной науке. Обобщенно говоря, социальные медиа — это виртуальные платформы

и технологии, которые позволяют пользователям общаться и выражать разные аспекты идентичности [19], усиливая способность кооперироваться и принимать участие в коллективных акциях [27]. Определяющим свойством социальных медиа является «user-generated content», т.е. ситуация, когда каждый пользователь может стать создателем контента [17], и главной ценностью становится человеческая «связанность» («connectedness») в единую сеть, создавать и поддерживать которую призваны социальные медиа, выполняющие функции онлайн-фасилитатора [20]. Такой фокус рассмотрения социальных медиа позволяет выделить их ключевые параметры: коммуникация и репрезентация, сообщества и группы, сетевой характер связи, кооперация и коллаборация, креативное создание пользователем контента и свобода его распространения. Все это позволяет говорить о социальных медиа как о системе упорядоченных и взаимозависимых элементов и процессов и как о социальном институте, выполняющем социально-значимые функции.

Рассмотрим, насколько социальные медиа соответствуют главным критериям макдональдизированной системы согласно Ритцеру. *Эффективность*: в социальных медиа это использование разнообразных мультимедийных средств для оптимального достижения целей пользователя. Механизмы действия данного фактора: 1) получение/создание контента: в социальных сетях имеются тематические сообщества, группы по интересам, позволяющие быть в курсе (с помощью настроек оповещений — постоянно) наиболее релевантной информации; создаются удобные для записи и чтения редакторы, позволяющие дополнить текст музыкой, видео и другим контентом; возможность распространения обеспечивается опцией «share» (от англ. — «поделиться») или отметить пользователя в опубликованном тексте; 2) развлечение/досуг — множество разножанровых игровых приложений, просмотр фильмов и музыки (например, ВКонтакте) или подборка видео, набирающих популярность в стране и мире (видеохостинг YouTube); 3) самопрезентация — публичная анкета с информацией о себе, аватар, возможность создавать фотоальбомы, музыкальные плейлисты, отображать интересные страницы, обновление ленты новостей, устанавливая удобные настройки конфиденциальности; 4) бизнес — создание и администрирование собственного сообщества, чата (Telegram), публичной странички компании или бизнес-аккаунта (Instagram) для информирования, продвижения и продажи товаров или услуг (социальные медиа предоставляют возможность таргетированной рекламы и монетизации контента).

Просчитываемость: в социальных медиа это отслеживание количества просмотров контента в администрируемых сообществах и собственных профилях для повышения эффективности управления ими. Механизмы действия: 1) количественный анализ виртуальной аудитории, посещавшей профиль пользователя или компании, с точки зрения пола и возраста, географии проживания, типа используемых устройств, обратной связи (количество просмотров, «лайков», «репостов») и комментариев или сокрытия новостей пользователя/группы из ленты новостей); 3) коммерциализация социальных медиа, выражающаяся в размещении рекламных записей и коммерческих объявлений с настройкой целевой аудитории — система

виртуальной платформы собирает данные каждого пользователя, производит расчеты в зависимости от запроса рекламодателя и устанавливает рекомендованную цену за просмотр одной записи (так, блогеры меняют контент в зависимости от количества просмотров, чтобы получить наибольший отклик аудитории) [14].

Предсказуемость — возможность использовать социальные медиа в любой точке земного шара в привычной для пользователя технологической среде с управляемыми и предсказуемыми последствиями. Механизмы действия: 1) глобальный выход в сеть — социальные медиа предоставляют возможность менять географию своего присутствия на планете, выбирать устройства, подключенные к сети Интернет, сохраняя неизменным аккаунт и свой социальный и культурный капитал; 2) неизменный дизайн — все нововведения, непрерывно происходящие в социальных медиа, являются органичным продолжением привычной для пользователя технологической среды; 3) шаблонный характер самопрезентации — пользователи обладают одинаковыми наборами возможностей выразить многогранность своей личности, поэтому их самопрезентации становятся во многом идентичны, причем стандартизация и предсказуемость виртуальной самопрезентации подкрепляются модой на ведение профиля в однообразном стиле [12]; 4) соответствие национальной культуре — социальные медиа тем популярнее, чем они технологически ближе к культурным особенностям своей целевой аудитории, поэтому они воссоздают культурные фреймы пользователей, делая их вхождение в новую виртуальную среду максимально «естественным» (отчасти поэтому социальная сеть ВКонтакте пользуется наибольшей популярностью среди жителей постсоветских стран [31]; 5) предсказуемый контент и реакция аудитории — в большинстве случаев пользователи ожидают увидеть позитивные истории друзей, отзывы о покупках, а также получить лайк [15. С. 377].

Контроль за счет применения нечеловеческих технологий — нейронная сеть или программное обеспечение, которое на основе имеющейся информации о пользователе предлагает ему потенциально релевантный контент. Механизмы действия: на основе сбора данных о пользователе все социальные медиа прогнозируют и предлагают ему похожие по смыслу группы, мероприятия, аудио-видео записи, товары и даже возможных друзей. Получив данные пользователя, платформа автоматически начинает формировать потенциально релевантный круг его друзей и предпочтений и определять значимость этой информации для возможных рекламодателей. Такую особенность социальных медиа называют программированной или платформенной социальностью («programmed sociality», «platform sociality») [19].

Иррациональность рационального — негативные последствия тесной аффилиации с макдональдизированным институтом. Механизмы действия: 1) пользователь указывает информацию о себе в аккаунте (любая виртуальная платформа побуждает быть более открытыми), обозначает свои предпочтения или интересы, однако чем более открытым будет поведение онлайн, тем выше риск стать жертвой мошенника (воровство данных и шантаж) и/или хулигана (хейтинг, троллинг, кибербуллинг) [28. С. 20—21]; 2) люди регистрируются в социальных медиа, в том

числе чтобы облегчить и ускорить процесс коммуникации, но в итоге оказываются эмоционально и информационно перегруженными, страдая от чрезмерного медиапотребления [16. С. 13]; 3) люди поддерживают связь с друзьями, дальними родственниками, становятся участниками множества виртуальных групп и сообществ, но без связи с реальностью это становится иллюзией социальности, ведет к утрате навыков настоящего человеческого общения [24. С. 67].

Таким образом, социальные медиа являются макдональдизированным институтом. Возможность пользователя не только потреблять контент, но и быть его производителем, а также увеличивать социальный капитал посредством виртуального нетворкинга представляет собой отличительную черту современного общества потребления, которую Г. Дженкинс назвал «партиципативной культурой» [21], а А. Бранс — «продьюсейдж» [18]. Вместе с тем, следуя логике Ритцера, мы должны сформулировать еще один вопрос: будучи макдональдизированным феноменом, каково значение социальных медиа на глобальном и локальном уровнях?

Facebook и ВКонтакте как глобальное и локальное «ничто»

Ритцер определяет макдональдизацию как один из типов социальных изменений, убедительно показывая, что она является не просто аспектом глобализации, но ее движущей силой [9. С. 401—406]. Центральным для нашего анализа является его же понятие глокализации, которое означает интеграцию, взаимопроникновение глобального и локального, которое приводит к возникновению уникальных комбинаций в каждой отдельно взятой местности [9. С. 407]: вместо того, чтобы подавлять друг друга, глобальное и локальное перемешиваются, производя уникальный для каждого места результат. Однако понимание сути процессов глобализации не ограничивается глокализацией, и Ритцер формулирует понятие глобализации (англ. *grobalization*: «grow» — рост и «*globalization*» — глобализация), которое обозначает «империалистические амбиции стран и корпораций, их желание и даже потребность навязывать себя разным регионам нашей планеты... с целью установления своей власти, влияния и повышения прибылей» [9. С. 409].

С процессами глобализации и глокализации тесно связаны еще два феномена, обнаруженные Ритцером: во-первых, «ничто» — «социальная форма, которая обычно задумывается и контролируется централизованно и при этом лишена отличительного, существенного содержания» [9. С. 414]. На примере сети фаст-фуда он показывает два ключевых маркера «ничто»: централизацию и отсутствие отличительности — те, «кто создал сеть и кто связан с ее головным офисом, продолжают работать над ее переосмыслением» и контролировать через систему франшиз, и сама идея создания подобной сети заключается в производстве ресторанов-клонов. Во-вторых, «нечто» — это «социальная форма, которая обычно задумывается и контролируется локально и сравнительно богата отличительным, существенным содержанием» [9. С. 416]. Ритцер иллюстрирует «нечто» блюдом, «приготовленным с нуля дома на кухне»: повар (а не головной офис) придумывает блюдо и контролирует процесс его приготовления, делает его непохожим на то,

что готовят другие повара. Ритцер предлагает рассматривать «ничто» и «нечто» не как дихотомию, а как два экстремума одного континуума [9. С. 417].

Свой анализ Ритцер завершает исследованием связи между макдональдизацией и двумя противоположными процессами эпохи глобализации: глокализации «нечто» и глобализации «ничто». Нас интересует, какие формы могут принимать социальные медиа на глобальном и локальном уровнях — рассмотрим их на примере двух известных социальных сетей. Facebook — социальная сеть, основанная в 2004 году в США, и одна из самых популярных виртуальных платформ в мире [22]. Активный маркетинг и продвижение социальной сети в каждой стране свидетельствует о намерении ее руководства глобально доминировать в данном сегменте общественных отношений, что, в терминологии Ритцера, обозначает тенденцию к глобализации. Централизованная система управления и единообразный интерфейс, задающий набор возможностей пользователя для самопрезентации, позволяет отнести Facebook к категории «ничто» (т.е. эта сеть — движущая сила глобализации).

ВКонтакте — российская социальная сеть, созданная в 2006 году, и самая популярная на постсоветском пространстве [22]. Как и Facebook, ВКонтакте имеет централизованное управление, оставляя пользователю лишь возможность подстраиваться под созданные разработчиками опции; не имея франшиз, ВКонтакте, как и его американский визави, верна своему дизайну независимо от страны проживания пользователя, что позволяет отнести и отечественную социальную сеть к категории «ничто». Однако, в отличие от Facebook, ВКонтакте не предпринимает попыток выйти на мировой рынок (исключением является переход на домен vk.com в 2012 году), оставаясь лидером в странах СНГ. Более того, в первые годы дизайн ВКонтакте был практически идентичен дизайну Facebook, что позволяло называть ее копией, клоном американской социальной сети [25; 26]. Вероятно, ВКонтакте — это скорее глокальный феномен, т.е. общественное явление, созданное в отдельно взятом регионе как ответ на глобальный вызов.

Ссылаясь на Мишеля де Серто, Ритцер пишет, что «акторы могут создавать уникальные феномены из взаимодействия глобального и локального» [9. С. 426]. Действительно, если исследовать интерфейс ВКонтакте, то можно обнаружить культурные смыслы, зачастую остающиеся неочевидными для большинства пользователей. Прежде всего подчеркнем основные отличия в интерфейсах ВКонтакте и Facebook [13]: во-первых, в российской социальной сети не виден пол пользователя, сексуальная ориентация исключена из категорий самопрезентации. ВКонтакте не имеет некоторых статусов семейного положения («в свободных отношениях» и «в домашнем партнерстве»), сеть заменяет их категориями «влюблен» и «в активном поиске». Во-вторых, семейное положение, как и выбор партнера, в социальной сети ВКонтакте подчинено гетеро-нормативному стандарту (интерфейс позволяет указать человека только противоположного пола). В-третьих, ВКонтакте предлагает пользователю ограниченный набор вариантов для публичной презентации жизненной позиции и личных предпочтений, подталкивая к религиозной картине мира и политической сегментации, тогда как Facebook предлагает самостоятельно описать религиозные и политические убеждения.

Исходя из этого, можно заключить, что ВКонтакте отражает традиционный взгляд на гендерную идентичность, сексуальную ориентацию и институт брака. Подмена категории «мировоззрение» религиозными взглядами также говорит об ориентации социальной сети на традиционную картину мира. Взаимоисключающий выбор одного из вариантов политических идеологий в ВКонтакте отражает «отсутствие идеологического консенсуса в российском обществе, фрагментацию политических норм и ценностей» [13. С. 50]. Таким образом, социальная сеть ВКонтакте репрезентирует традиционные социально-политические и духовные ценности, что, возможно, и делает ее самой популярной в большинстве стран постсоветского пространства, тогда как социальная сеть Facebook, являясь «глобализованной» формой «ничто», представляет собой одну из мощных движущих сил глобализации.

Рассмотрев феномен социальных медиа с позиций одной из основополагающих теорий социологии потребления — макдональдизации общества — мы убедились, что социальные медиа обладают признаками эффективности, предсказуемости, просчитываемости и контроля со стороны нечеловеческих технологий. Неизменным спутником макдональдизации является иррациональность рационального — риски и угрозы, с которыми сталкиваются пользователи. Будучи макдональдизированным институтом, социальные медиа внушают иллюзию оригинальности, предлагая шаблонные лекала самопрезентации, и упрощают коммуникацию, сводя ее к обмену иконическими символами (смайлы и эмоджи) [12]. Если Ритцер писал, что торгово-развлекательные центры — храмы потребления, то сегодня можно называть социальные медиа храмом медиапотребления, а социальную сеть Facebook — их главным агентом и движущей силой глобализации.

Концептуализация социальных медиа как макдональдизированного института может стать новой исследовательской оптикой, помогающей ставить новые задачи и вскрывать дополнительные смыслы. Так, интерфейс «глобальной» сети Facebook ориентирован на поддержание социокультурного многообразия и космополитичности, а интерфейс глокальной сети ВКонтакте сохраняет традиционные ценности. В свою очередь, такой вывод порождает новые вопросы: насколько противопоставление интернациональных и локальных порядков характерно для других глокальных и глобальных социальных медиа? Кроме того, категоризация ВКонтакте как глокального «ничто» позволила зафиксировать дополнительные смыслы, репрезентируемые социальной сетью и определяющие характер потребления ее контента, символов и знаков, в том числе для самопрезентации в социальной сети.

Особенность самопрезентации в «ВКонтакте» заключается в том, что она происходит в дискурсивном поле, которое заключено в гетеросексуальный стандарт, политически фрагментировано и подменяет мировоззрение религиозными предпочтениями. Специфика данных категорий интерфейса и самопрезентации остается «невидимой» для большинства пользователей. Применяя теорему У. Томаса о том, что ситуация, определяемая как реальная, реальна по своим последст-

виям, можно констатировать, что если эти категории невидимы в социальных медиа, то останутся невидимыми и в реальной жизни, тем более, что границ между онлайн и офлайн пространствами уже практически не существует. Это может привести к росту неготовности воспринимать альтернативные взгляды и к склонности видеть в гендерном, сексуальном, политическом и прочем разнообразии девиацию, а не вариант социальной нормы.

В заключение добавим, что рассмотрение социальных медиа как макдональдизированных институтов актуализирует использование микс-методологии (mixed methods research), совмещающей несколько методов исследования. С одной стороны, любой макдональдизированный институт основан на количественных параметрах, поддающихся измерению и сравнению, с другой стороны, важно увидеть то, что Ритцер называет иррациональностью рационального, что невозможно без качественных методов.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-1909.2019.6 в Балтийском федеральном университете им. И. Канта. Проект «Приватное в публичном: культурные особенности управления самопрезентацией студенческой молодежи в социальных медиа (на примере России и США)».

Библиографический список / References

- [1] *Артамонова А.В.* Макдональдизация семьи // Университетский научный журнал. 2013. № 6 / Artamonova A.V. Makdonaldizatsiya semiy [McDonaldization of the family]. *Universitetsky Nauchny Zhurnal*. 2013; 6 (In Russ.).
- [2] *Дукин Р.А.* Медиатизация современного общества: влияние современных медиа // Теория и практика общественного развития. 2016. № 2 / Dukin RA. Mediatizatsiya sovremennogo obshchestva: vliyanie sovremennykh media [Mediation of contemporary society: The impact of media]. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*. 2016; 2 (In Russ.).
- [3] *Кин Дж.* Демократия и декаданс медиа. М., 2015 / Kin J. *Demokratiya i dekadans media* [Democracy and the Decadence of Media]. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [4] *Коломиец В.П.* Социология массовой коммуникации в обществе коммуникационного изобилия // Социологические исследования. 2017. № 6 / Kolomiets V.P. Sotsiologiya mas-sovoi kommunikatsii v obshchestve kommunikatsionnogo izobiliya [Sociology of mass communication in the society of communication abundance]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2017; 6 (In Russ.).
- [5] *Лунева О.С.* Концепции постмодерна в анализе основных тенденций развития современной российской системы здравоохранения // Экономика и социум: современные модели развития. 2011. № 2 / Luneva O.S. Kontseptsii postmoderna v analize osnovnykh tendentsii razvitiya sovremennoi rossiiskoi sistemy zdravookhraneniya [Postmodern concepts in the analysis of the main development trends of the contemporary Russian healthcare system]. *Ekonomika i Sotsium: Sovremennyye Modeli Razvitiya*. 2011; 2 (In Russ.).
- [6] *Никитин А.П.* Макдональдизация высшего образования // Идеи и идеалы. 2018. Т. 2. № 3 / Nikitin A.P. Makdonaldizatsiya vysshego obrazovaniya [McDonaldization of the higher education]. *Idei i Idealy*. 2018; 2 (3) (In Russ.).
- [7] *Пестрякова П.Д.* Макдональдизация в издательском деле // Труды ГПИТБ СО РАН. 2016. № 11 / Pestryakova P.D. Makdonaldizatsiya v izdatelskom dele [McDonaldization in publishing]. *Trudy GPNTB SO RAN*. 2016; 11 (In Russ.).

- [8] *Похомова А.А.* Влияние макдональдизации как социального процесса на феномен волонтерской деятельности // *Вестник МДУ им. А.А. Куляшова*. 2017. № 1 / Pokhomova A.A. Vliyanie makdonaldizatsii kak sotsialnogo protsessa na fenomen volonterskoi deyatel'nosti [The influence of McDonaldization as a social process on the volunteer activities]. *Vestnik MDU im. A.A. Kulyashova*. 2017; 1 (In Russ.).
- [9] *Ритцер Дж.* Макдональдизация общества 5. М., 2011 / Ritzer G. *Makdonaldizatsiya obshchestva 5* [The McDonaldization of Society 5]. Moscow; 2011 (In Russ.).
- [10] *Хабермас Ю.* Теория рационализации Макса Вебера // *Социологическое обозрение*. 2009. № 8 / Habermas J. Teoriya ratsionalizatsii Maxa Webera [Max Weber's rationalization theory]. *Sotsiologicheskoe Obozrenie*. 2009; 8 (In Russ.).
- [11] *Хлупун В.В.* Становление интернета как социального института // *Известия ВГТУ*. 2011. Т. 9. № 7 / Khlipun V.V. Stanovlenie interneta kak sotsialnogo instituta [The development of the Internet as a social institution]. *Izvestiya VGTU*. 2011; 9 (7) (In Russ.).
- [12] *Щекотуров А.В.* «Макдональдизация» российского подростка: эффект социальных медиа // *Цифровой ученый: лаборатория философа*. 2019. Т. 2. № 1 / Shchekoturov A.V. "Makdonaldizatsiya" rossiiskogo podrostka: effekt sotsialnykh media ["McDonaldization" of the Russian teenager: The effect of social media]. *Digital Scholar: Philosopher's Lab*. 2019; 2 (1) (In Russ.).
- [13] *Щекотуров А.В.* Интерфейс социальных сетей как репрезентация культурных смыслов // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2018. Т. 9. № 4 / Shchekoturov A.V. Interfeys sotsialnykh setey kak reprezentatsiya kulturnykh smyslov [Social media interface as a representation of cultural meanings]. *Slovo.ru: Baltic accent*. 2018; 9 (4) (In Russ.).
- [14] Bakardjieva M., Gaden G. Web 2.0 technologies of the self. *Philosophy & Technology*. 2011; 25 (3).
- [15] Bakardjieva M. Social media and the McDonaldization of friendship. *Communications*. 2014; 39 (4).
- [16] Baumer E.P.S., Guha S., Quan E., Mimno D., Gay G.K. Missing photos, suffering withdrawal, or finding freedom? How experiences of social media non-use influence the likelihood of reversion. *Social Media + Society*. 2015; 1 (2).
- [17] Boyd D. Social network sites as network publics: Affordances, dynamics, and implications. Papacharissi Z. (Ed.). *A Networked Self: Identity, Community, and Culture on Social Network Sites*. New York: Routledge; 2010.
- [18] Bruns A. *Blogs, Wikipedia, Second Life, and Beyond: From Production to Producership*. New York: Peter Lang; 2008.
- [19] Davis K. Young people's digital lives: The Impact of interpersonal relationships and digital media use on adolescence sense of identity. *Computers in Human Behavior*. 2013; 29.
- [20] Dijck J. *The Culture of Connectivity: A Critical History of Social Media*. Oxford University Press; 2013.
- [21] Jenkins H. *Fans, Bloggers, and Gamers: Exploring Participatory Culture*. New York University Press; 2006.
- [22] Kemp S. Digital 2019: Global Internet use accelerates. <https://wearesocial.com/blog/2019/01/digital-2019-global-internet-use-accelerates>.
- [23] Lupton D. *Digital Sociology*. Routledge; 2014.
- [24] Moreau A., Laconi S., Delfour M., Chabrol H. Psychopathological profiles of adolescent and young adult problematic Facebook users. *Computers in Human Behavior*. 2015; 44.
- [25] Popel A. Facebook against VKontakte. <https://popel-studio.com/blog/article/facebook-protiv-vkontakte.html> (In Russ.).
- [26] Rogozhnikov R. Against the Trend: Why Russians Prefer a Local Social Networking Site over the Global Leader of the Industry: Master's Thesis. Uppsala University; 2014.
- [27] Shirky C. *Here Comes Everybody: The Power of Organizing without Organization*. London: Penguin; 2008.

- [28] Whittaker E., Kowalski R.M. Cyberbullying via social media. *Journal of School Violence*. 2014; 14 (1).
- [29] Yang Ch., Holden S., Carter M. Emerging adults' social media self-presentation and identity development at college transition: Mindfulness as a moderator. *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2017; 52.
- [30] Zhao S., Shchekoturov A.V., Shchekoturova S.D. Personal profile settings as cultural frames: Facebook versus Vkontakte. *Journal of Creative Communications*; 2017; 12 (3).
- [31] Zhu Y-Q., Chen H-G. Social media and human needs satisfaction: Implications for social media marketing. *Business Horizons*. 2015; 58 (3).

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-18-29

Social media: The development of a new McDonaldized institution*

A.V. Shchekoturov

Immanuel Kant Baltic Federal University
Nevskogo St., 14A, Kaliningrad, 236016Russia
(e-mail: ASHChekoturov@kantiana.ru)

Abstract. The article examines the phenomenon of social media from the perspective of the McDonaldization theory. The author considers social media as inextricably linked with the consumer society systems to show that such media have become a new McDonaldized institution, the study of which provides new theoretical and methodological possibilities. The article provides an overview of the studies proving the increasing McDonaldizing effect on various social institutions of the Russian society, and considers social media in terms of factors of the McDonaldization theory. Two social networks — Facebook and VK — are described in G. Ritzer's concepts of 'nothing' and 'something' as the McDonaldized institutions. The author identifies the theoretical-methodological significance of considering social media as McDonaldized institutions; shows that social media functionally correspond to all five factors of Ritzer's McDonaldization; explains why the social network Facebook is a globalized form of 'nothing' and, thus, a driving force of globalization, while the social network VK is a glocal form of 'nothing' and, thus, creates unique meanings at the border of local and global levels. One of such new meanings is that the VK reflects the traditional interpretation of gender identity, sexual orientation and marriage. The author concludes that social media are a McDonaldized institution that can become a new research optics, which presupposes the use of mixed methods research.

Key words: McDonaldization; social media; McDonaldized institution; Facebook; VK; consumer society

Funding

The research was supported by the grant of the President of the Russian Federation No. MK-1909.2019.6 at the Immanuel Kant Baltic Federal University. The project "Private in public: Cultural features of managing self-presentation by the student youth in social media (on the example of Russia and the USA)".

* © A.V. Shchekoturov, 2020.

The article was submitted on 09.08.2019. The article was accepted on 30.10.2019.



СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-30-49

Качество жизни пожилых людей в Беларуси*

Е.А. Кечина, Л.В. Филинская

Белорусский государственный университет
Ул. Кальварийская, 9, Минск, Беларусь, 220004
(e-mail: eakech@tut.by; filinskalv@gmail.com)

Демографическое старение, наблюдаемое во многих странах мира, требует от общества все больших финансовых и материальных затрат на обслуживание населения послетрудового возраста. Для Республики Беларусь проблема старения населения весьма актуальна, поскольку удельный вес пожилых людей в общей численности населения ежегодно растет. Статья посвящена анализу социально-демографических характеристик и качества жизни пожилых людей в Беларуси. В качестве эмпирической базы использованы данные Национального статистического комитета Республики Беларусь и результаты социологического исследования «Беларусь: формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях», проведенного в рамках международной исследовательской программы «Поколения и гендер». В статье представлен социолого-статистический подход к анализу основных характеристик жизни пожилых людей в современной Беларуси, заключающийся в интеграции информационных ресурсов социологии и статистики. Рассматриваются как общие статистические данные, характеризующие процесс старения и характеристики населения в старших возрастах, так и социологические индикаторы, дающие представление о восприятии жизни в пожилом возрасте. Характеристика жизни пожилых людей представлена как совокупность индикаторов качества жизни, включающая в себя наряду с объективными статистическими показателями оценки удовлетворенности пожилых людей различными аспектами своей жизни. Впервые в Беларуси качество жизни возрастных когорт 60—69 и 70—79 лет изучается не только на основании данных статистики, но и с учетом оценок различных аспектов своей жизни самими людьми, что позволяет выявить наиболее актуальные направления социальных программ, ориентированных на удовлетворение потребностей старшего поколения.

Ключевые слова: пожилые люди; старение населения; качество жизни; демографическая безопасность; статистические данные; социологические индикаторы

В современном мире численность людей пожилого возраста в развитых странах увеличивается. За период с 2000 по 2050 годы доля населения мира старше 60 лет удвоится — с 11% до 22%. Ожидается, что абсолютное число людей старше 60 лет вырастет за этот период с 605 млн до 2 млрд [14]. Процесс старения населения обусловлен двумя взаимосвязанными факторами, которые традиционно называют «старением снизу» и «старением сверху»: снижением рождаемости в развитых странах, находящихся на заключительном этапе демографического пере-

* © Кечина Е.А., Филинская Л.В., 2020.

Статья поступила 02.07.2019 г. Статья принята к публикации 10.09.2019 г.

хода, и увеличением продолжительности жизни, обусловленным улучшением ее качества в целом и качеством медицинского обслуживания.

Согласно международным критериям население страны считается старым, если доля людей старше 65 лет превышает 7%. На 1 января 2019 года численность населения старше 65 лет в Республике Беларусь достигла 1 440 938 человек, или 15,2% населения страны [15] — это один из самых высоких показателей среди стран СНГ [5]. Отметим, что доля людей старше 65 лет в Беларуси увеличивается ежегодно (рис. 1).

Таким образом, пожилые люди составляют значительную и все увеличивающуюся часть населения, его старение является неотъемлемым элементом демографической ситуации в Беларуси, и половозрастная структура населения устойчиво является регрессивной (старой) (рис. 2).

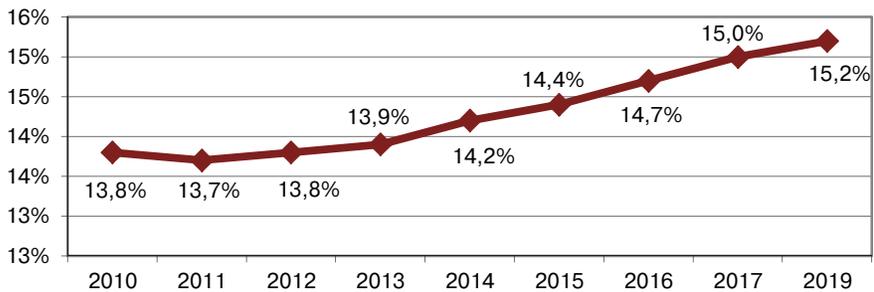


Рис. 1. Удельный вес лиц в возрасте 65 лет и старше в Беларуси (в %) [15]

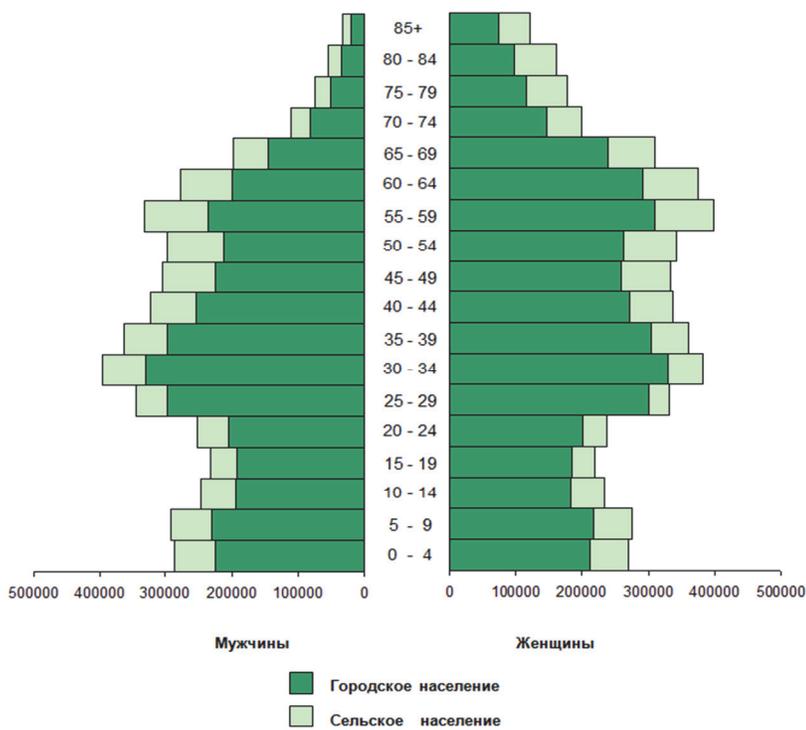


Рис. 2. Половозрастная пирамида населения Беларуси на 1 января 2019 года [15]

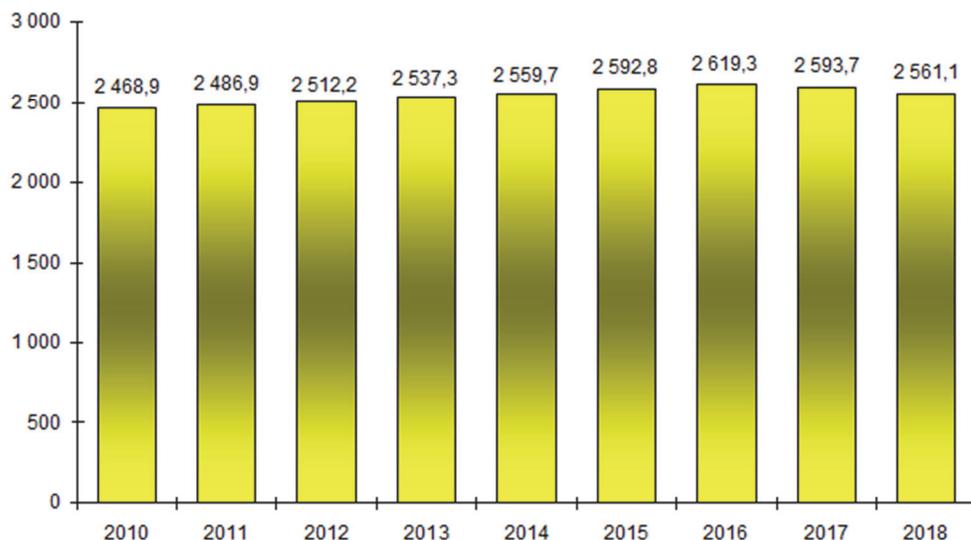


Рис. 3. Численность пенсионеров, состоящих на учете в органах по труду, занятости и социальной защите (тыс. чел.) [15]

За последние двадцать лет ожидаемая продолжительность жизни в Беларуси увеличилась на 5,5 года и достигла в 2017 году своего максимума — 74,4 года (69,3 — у мужчин, 79,2 — у женщин). Численность пенсионеров в стране с 2012 года превышает 2,5 млн (рис. 3).

Известно, что старение населения может иметь ряд негативных социально-экономических последствий, начиная с сокращения численности трудовых ресурсов до снижения репродуктивного потенциала. Неслучайно в Законе «О демографической безопасности Республики Беларусь» старение населения рассматривается как одна из серьезных демографических угроз. Для минимизации негативных последствий данного процесса программы демографической безопасности Беларуси включают в себя меры по совершенствованию социально-правовой защиты и созданию достойных условий жизни для наиболее социально уязвимых категорий населения (престарелые, дети, инвалиды), а также обеспечению условий, способствующих продлению активной жизнедеятельности пожилых людей.

Пожилые люди как особая социальная группа требуют внимания не только со стороны государства (социальное обеспечение, медико-социальная реабилитация), но и со стороны ученых — для выявления очевидных и неочевидных проблем жизни в пожилом возрасте и разработки системы улучшения качества жизни людей старше 60 лет. Герман Гессе отмечал, что «старость — это ступень нашей жизни, имеющая, как и все другие ее ступени, свое собственное лицо, собственную атмосферу и температуру, собственные радости и горести. Быть старым — такая же прекрасная и необходимая задача, как быть молодым» [6. С. 322].

По общеизвестной классификации Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), от 60 до 74 лет — это пожилые люди, от 75 до 89 лет — старые люди, старше 90 лет — долгожители. Эта классификация учитывает потребности, биологические и социальные возможности пожилых людей, однако в научной лите-

ратуре можно найти и другие подходы. Сопоставление возрастных классификаций показывает различия в определении границ старости, которые колеблются от 45 до 70 лет. Почти во всех возрастных классификациях старости фиксируется ее разделение на определенные этапы и значительные различия между стареющими людьми.

Образ пожилого человека в Беларуси мы будем описывать через характеристики его качества жизни. Тема «качества жизни» как населения в целом, так и отдельных его групп становится одной из самых актуальных и привлекает внимание не только ученых, но и представителей политических организаций и общественных движений [1; 4; 8; 10—13; 18]. Однако общепринятое определение качества жизни отсутствует: фиксируются своего рода конвенциональные конструкты, которые предлагают разные интерпретации и набор объективных и субъективных показателей. В качестве рабочего определения можно использовать следующее: качество жизни представляет собой комплексную характеристику уровня и условий жизни, степени и качества удовлетворения материальных, социальных и духовных потребностей личности и социальной группы. В систему объективных показателей мы включили показатели занятости, состояния здоровья, жилищных условий, семейного положения; к субъективным показателям отнесли оценки условий жизни, степень удовлетворенности ее различными сторонами.

В качестве методологической основы изучения жизни пожилого населения был использован социолого-статистический подход [9]. Сложность и многогранность современного общества, его быстрая динамика предъявляют все большие требования к организации исследования в части качества и разнообразия информации о социальных процессах и явлениях. Социология и статистика — науки, имеющие важнейшее значение для обеспечения общества такой информацией. Данные статистики и результаты социологических исследований позволяют комплексно оценивать жизненные траектории разных групп населения, выявлять их болевые точки. В социальном исследовании рассматриваются новые, сложные, развивающиеся явления в различных сферах жизнедеятельности общества, имеющие как объективные, так и субъективные стороны, развивающиеся во взаимосвязи и взаимообусловленности.

К таким явлениям, несомненно, относится и старение населения. Во-первых, будучи демографическим явлением, оно оказывает значительное влияние на социально-экономическую и политическую ситуацию. Во-вторых, старение населения связано с появлением большого контингента людей, закончивших активную трудовую деятельность, но при этом желающих сохранять высокий уровень жизни и социальной активности [7; 19]. В связи с этим необходимы качественно новые подходы к изучению старения населения, отражающие многогранность данного явления и динамику его параметров как объективного (статистические данные об условиях жизни), так и субъективного характера (мнения людей о различных аспектах жизни в старших возрастах). Эти подходы могут реализовываться, прежде всего, во взаимодействии социологии и статистики — на эмпирическом уровне как сочетание их информационных ресурсов. Отметим, что сегодня имеется

большой массив статистических данных, отражающих условия жизни и характеристики жизнедеятельности пожилых людей на макроуровне, и в то же время очевиден недостаток информации о том, как люди воспринимают и оценивают свою жизнь. Без таких оценок сложно понять специфику жизни людей старших возрастов и их потребности, что является необходимым элементом социальных программ, направленных на повышение качества жизни пожилых людей.

Эмпирической базой для анализа особенностей жизни пожилых людей послужили данные Национального статистического комитета Республики Беларусь и результаты социологического исследования «Беларусь: формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях», проведенного в рамках проекта «Поддержка реализации национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь» в апреле—ноябре 2017 года. Проект финансировался Правительством РФ, Фондом ООН в области народонаселения (ЮНФПА) и Представительством Детского фонда ООН; национальным координатором выступило Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. Концептуальной и методологической основой исследования была международная исследовательская программа «Поколения и гендер», реализуемая с 2001 года. Опрос проводился Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета: на первом этапе составлялась выборка географических территорий, на втором — выборка из перечня единиц переписи населения 2009 года (счетных участков), на третьем — выборка из списка домохозяйств каждого отобранного счетного участка, на последнем этапе происходил отбор респондента в домохозяйстве по принципу ближайшего дня рождения в будущем. Объем выборочной совокупности составил 9996 человек в возрасте 18—79 лет. Объект исследования — городское и сельское население Республики Беларусь шести областей и Минска. Объем выборки интересующей нас группы населения в возрасте 60—79 лет составил 2256 человек. Использование международной методологии, а также большой объем выборки позволили впервые в Беларуси комплексно описать качество жизни людей старшей возрастной группы [2; 3].

Возрастная когорта, которая стала объектом нашего анализа, — это люди, рожденные с 1938 по 1957 годы. Данное поколение включает и свидетелей войны со всеми ее бедствиями (несмотря на детский возраст), и участников строительства крупных городов, формирования городской культуры, очевидцев появления телевидения, первого полета человека в космос, хрущевской оттепели и перестройки. В ходе экономических реформ 1990-х годов представители этого поколения подверглись нисходящим социальным перемещениям, вели «борьбу за выживание» [17]. Поколение социокультурного перелома — так можно назвать сегодня 60- и 70-летних людей, в сознании которых тесно переплетены традиции советской эпохи и новации современного мира. Так, например, ускоряющийся ритм жизни вовлекает пожилых людей в мир информационных технологий, поскольку они позволяют облегчить их адаптацию, преодолеть изоляцию и улучшить социальное

самочувствие. Информационная грамотность становится атрибутом активной жизненной позиции пожилого поколения, его включенности в социокультурные процессы. В Республике Беларусь каждый шестой житель страны старше 60 лет получает информацию о проблемах в сфере политики, экономики, культуры и экологии с помощью Интернета (через сайты, новостные порталы, социальные сети). Для общения с родственниками, друзьями используются Skype, Facebook, Viber и другие программы-мессенджеры. В поколении старше 55 лет 78% из подключенных к Интернету посещают его ежедневно.

Комфорт старения в значительной степени зависит от образа и уровня жизни пожилых людей, условий труда, семейного положения, социальных и психологических факторов. Рассмотрим основные характеристики населения Беларуси в возрасте 60—79 лет как социально-демографической группы. Прежде всего, отметим, что данная группа не является однородной по полу: среди пожилых женщин больше, чем мужчин, в старшей возрастной группе (70—79 лет) по сравнению с более молодыми возрастами (60—69) женщин в два раза больше, чем мужчин, что связано с различиями в продолжительности жизни. Такой половой диморфизм продолжительности жизни наблюдается как среди горожан, так и среди сельских жителей: 60—69 лет (эта группа составляет 14,9% населения Беларуси старше 18 лет) — среди городских жителей 40,9% мужчин и 59,1% женщин, в сельской местности — 43,2% и 56,8%; 70—79 лет (эта группа составляет 7,7% населения) — среди городских жителей 32,1% мужчин и 67,9% женщин, в сельской местности — 32,4% и 67,6%.

Большинство представителей данной возрастной группы родились в Беларуси (82,6% шестидесятилетних и 82,8% семидесятилетних), среди других мест рождения чаще всего назывались Россия и Украина.

Доля лиц с высшим образованием составляет 27,4% среди женщин в возрасте 60—69 лет и 23,3% — в возрасте 70—79 лет. Среди мужчин соответствующие показатели составляют 24,7% и 31,9%. 32,7% женщин и 39% мужчин имеют среднее специальное образование в группе 60—69 лет, 16,9% и 27,9% — в группе 70—79 лет. В целом среднее специальное и высшее образования имеют 57,4% мужчин и 56,4% женщин в возрасте 60—69 лет и 48,8% мужчин и 51,1% женщин в возрасте 70—79 лет (табл. 1).

Таблица 1

Уровень образования населения в двух возрастных группах (в %)

Уровень образования	60—69 лет		70—79 лет	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Неполное базовое	0,7	2,2	8,5	12,8
Базовое или неполное среднее	4,6	4,5	11,7	12,2
Полное среднее	21,1	16,1	17,3	15,3
Профессионально-техническое с неполным средним	4,1	1,8	3,2	1,1
Профессионально-техническое с полным средним	12,2	9	10,5	7,3
Среднее специальное	32,7	39	16,9	27,9
Полное высшее	24,6	27,4	31,9	23,4

В целом уровень образования людей старших возрастов в Беларуси достаточно высокий, что можно использовать при реализации программ, направленных на обеспечение социальной активности в послетрудовом периоде: например, привлечение пожилых людей в качестве консультантов, в том числе в общественные организации, вовлечение их в волонтерскую деятельность по работе с подростками в учреждениях образования и во внешкольных учреждениях (кружки, секции, профессиональная ориентация) и т.д. Высокий образовательный уровень пожилого населения можно рассматривать и как фактор вовлечения людей «третьего возраста» в активную жизнь, и как характеристику потенциала социальной активности данной группы в послетрудовом возрасте.

Также уровень образования выступает как один из важнейших факторов высокой продолжительности жизни, поскольку оказывает влияние на ответственное отношение человека к своему здоровью. В когорте 70—79-летних почти треть (31,9%) мужчин имеют высшее образование. Численность лиц мужского пола к этому возрасту значительно сокращается ввиду высокой смертности. Следовательно, можно утверждать, что дольше живут мужчины-горожане, которые могут оперативно получать медицинскую помощь, а также те, кто менее подвержен вредным привычкам, имеет «позитивную линию» самосохранительного поведения. Как правило, такие мужчины имеют более высокий уровень образования.

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2017 году в составе занятых 4,3% составляли лица в возрасте 60—74 лет (4,6% занятых мужчин и 4,1% занятых женщин). Уровень занятости в возрастной группе 60—74 лет составил 16,3%, причем трудился каждый пятый мужчина этого возраста (21,5%), а среди женщин уровень занятости был значительно ниже (12,9%). В целом на конец 2018 года в Беларуси численность работающих пенсионеров составляла 638 тыс. (24,9% всех пенсионеров) (рис. 4) [16].

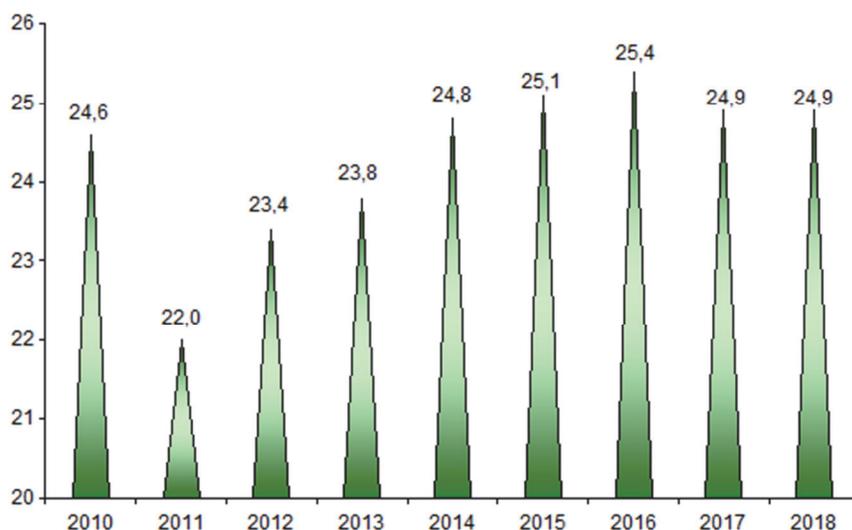


Рис. 4. Удельный вес работающих пенсионеров в общей численности пенсионеров (в %) [16]

Статистика предоставляет только самые общие данные о занятости пожилых людей, требующие дополнительной дифференциации по возрастам и в содержательном плане, и эти данные не охватывают возрастную группу старше 75 лет. Кроме того, сложности возникают при анализе динамики занятости пенсионеров в связи с ежегодным увеличением верхней границы пенсионного возраста и соответствующим изменением численности и состава этой группы (1). Соответственно, статистические данные нуждаются в уточнении, и социологическое исследование позволило уточнить специфику занятости пожилых людей по возрастам и по типам расселения: 60—69 лет — почти три четверти (73,6%) мужчин и 88,3% женщин, проживающих в городе, являются пенсионерами, в сельской местности — соответственно 78,2% и 90,5%; 70—79 лет — абсолютное большинство (более 96%) являются пенсионерами.

Человек предпенсионного возраста знает, что прекращение профессиональной деятельности в связи с выходом на пенсию нередко приводит к ухудшению физического и психического состояния. Многие пожилые люди, оформив документы на получение денежных средств, продолжают работать на прежнем рабочем месте или находят новые сферы применения сил и знаний. В качестве причины выступает не только материальная обеспеченность, но и социальные мотивы — потребность трудиться, желание общаться с коллективом, увлеченность работой, сохранение статуса, гражданский долг. Исследование показало, что среди городских жителей Беларуси 60—69 лет каждый четвертый мужчина (26,4%) продолжает работать, среди женщин — 11,7%; в сельской местности работают 21,8% мужчин и 9,5% женщин. Большая профессиональная занятость мужчин объясняется в том числе и отсутствием умений заполнять досуг, находить занятия для свободного времени, так как зачастую основным их интересом была работа. «Молодые пенсионеры» Беларуси трудятся чаще всего на государственных предприятиях (85,6%), в основном имеют трудовой договор с фиксированным сроком. Важно отметить, что примерно пятая часть (21,5% мужчин и 22,2% женщин) руководит или координирует работу других сотрудников. Конечно, работающие пенсионеры чувствуют, что в ближайшие три года им придется оставить работу — об этом заявили 71,9%. Однако более половины из них (56,1%) не намерены уходить на пенсию и завершать трудовую деятельность.

Исследование позволило получить данные о жилищных условиях пожилых людей Беларуси: 91,9% шестидесятилетних и 93,9% семидесятилетних являются собственниками квартир и домов. В однокомнатных квартирах проживают 6,7% представителей первой возрастной группы и 11,7% второй, в двухкомнатных — соответственно 34,2% и 40,3%, в трехкомнатных — 59,1% и 48,1%. В возрастной когорте 60—69-летних в одиночку в одно-, двух-, трехкомнатных квартирах/домах проживают 8% мужчин и 23,4% женщин; почти две трети (62,1%) мужчин и более половины (51,8%) женщин живут в двух-, трехкомнатных квартирах/домах вдвоем с партнером/супругом или другими членами семьи. Только каждый пятнадцатый пожилой респондент, проживающий в двух-, трехкомнатной квартире, имеет в составе домохозяйства 4 и более человек. Среди жителей Беларуси в возрасте 70—79 лет в одиночку проживают 14,9% мужчин и 43,6% женщин; в двух-, трех-

комнатных квартирах/домах живут вдвоем 64,5% мужчин и 37,7% женщин. Членами домохозяйства из 4 и более человек, проживающих в двух-, трехкомнатных квартирах, являются 4—5% опрошенных в данной возрастной группе.

Уровень удовлетворенности жилищными условиями по 10-балльной шкале (1 — совершенно не удовлетворен и 10 — полностью удовлетворен) достаточно высок и примерно одинаков для мужчин и женщин 60—69 лет (соответственно 7,85 и 7,84 балла) и несколько различается в группе 70—79 лет (у мужчин — 8,03, у женщин — 7,80). Таким образом, к наступлению пенсионного возраста большинство пожилых людей имеют в собственности жилье и вполне удовлетворены своими жилищными условиями. При интерпретации этих данных следует учитывать, что многие могли получить это жилье еще в 1980-е годы или раньше, когда жилищные условия улучшались бесплатно или относительно недорого, и впоследствии его приватизировали, т.е. такие жилищные условия у пожилых людей могли сформироваться благодаря советской системе получения жилья.

Важнейшим условием высокого качества жизни и базовой потребностью человека является хорошее состояние здоровья. В силу естественного старения организма с возрастом здоровье людей ухудшается и появляется ряд хронических заболеваний, поэтому оценка состояния своего здоровья в самых старших возрастных группах отличается от более младших групп. О плохом здоровье («плохое» или «очень плохое») заявляет каждый шестой (15,4%) в возрасте 60—69 лет и 40,7% 70-тилетних. Однако в обеих группах менее половины респондентов оценивают свое состояние здоровья как плохое («плохое» или «очень плохое») (рис. 5).

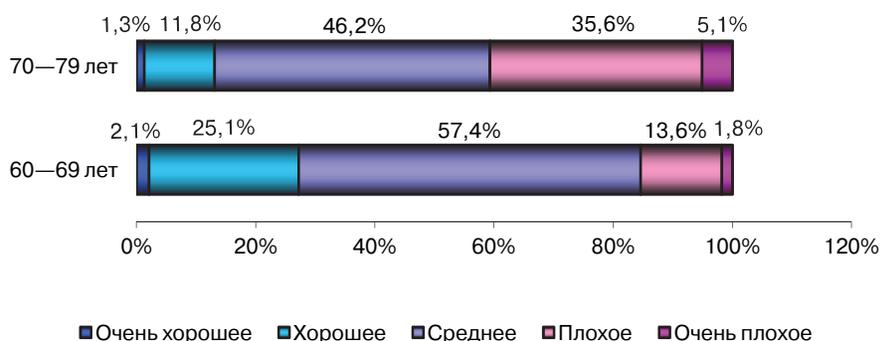


Рис. 5. Оценка собственного состояния здоровья (в %)

При анализе ответов на вопрос об оценке собственного здоровья следует учитывать и психологические особенности респондентов — одни боятся сказать «хорошее», чтобы «не сглазить», поэтому выбирают позицию «среднее»; другие любое отклонение от обычного состояния связывают с серьезным заболеванием и др. Также по определенным позициям имеются различия в ответах мужчин и женщин — здесь проявляется не только субъективизм, но и то, что женщины более внимательно относятся к здоровью и чаще посещают врача, а следовательно, знают о своих заболеваниях (рис. 6).



Рис. 6. Наличие заболеваний у жителей Беларуси в возрасте старше 60 лет (в %)

Таблица 2

Средний рост и вес респондентов в зависимости от пола и возраста

Пол	Средний рост (см)		Средний вес (кг)	
	60—69 лет	70—79 лет	60—69 лет	70—79 лет
Мужчины	173,83	172,23	83,03	80,29
Женщины	163,20	161,13	77,72	76,14

Таблица 3

Индекс массы тела респондентов в зависимости от пола и возраста (баллы)

Пол	60—69 лет	70—79 лет
Мужчины	27,4	27,04
Женщины	29,36	29,32

Здоровье и самочувствие пожилых людей зависит в том числе от их питания и физической активности. Данные о росте и весе участников исследования свидетельствуют, что у представителей данных возрастных групп отмечен лишний вес (табл. 2).

Средние значения индекса массы тела респондентов свидетельствуют об избыточной массе у всех подгрупп (предожирение), причем у пожилых женщин данный индекс выше (табл. 3).

Не углубляясь далее в анализ параметров роста и веса пожилых людей, отметим, что это актуальное направление дальнейших исследований, позволяющее определить направления профилактической работы среди пожилых в части поддержания здоровья и формирования поведенческих практик правильного питания

и мотивации на увеличение физической активности. Кроме того, такая информация позволяет анализировать социокультурные различия по вопросам здоровья и социального взаимодействия, которые затрагивают восприятие пожилым человеком болезни и реакции на нее.

У пожилых людей встречаются физические или психические нарушения (инвалидность), которые не позволяют им выполнять повседневные дела: таковых оказалось 5,6% среди 60-летних и каждый десятый — среди 70-летних. Участниками опроса стали и те пожилые люди, которые нуждаются в регулярной помощи по уходу за собой (при одевании, мытье, приеме пищи, пользовании туалетом): 1,5% в когорте 60—69 лет и 4,8% — среди 70—79-летних. Почти все они получают соответствующую помощь от родственников, близких людей, живущих с ними или на расстоянии. Было зафиксировано всего несколько случаев, когда обслуживание осуществляли представители государственных или частных организаций.

Помимо поддержания физического здоровья для качества жизни людей пожилого возраста крайне важно и сохранение психического здоровья. У людей старше 60 лет постепенно снижается активность, ухудшается память и внимание, меняются поведенческие и эмоциональные реакции, ослабевает критическое мышление при повышенной раздражительности, тревожности и обидчивости. Однако характеристики психического здоровья пожилых людей практически не учитываются статистикой и мало изучаются социологическими методами — их следует считать важнейшим направлением дальнейших исследований, необходимых для развития системы эффективной геронтологической и психологической помощи пожилому населению.

При анализе качества жизни пожилых людей следует рассмотреть и феномен одиночества. Зачастую представители старших возрастных групп говорят об увеличивающемся разрыве с окружающими, постоянном ощущении покинутости, ненужности своего существования. Одиночество в старости — это социальное состояние, отражающее психофизический статус человека, при котором затруднено не только завязывание новых контактов, но и поддержание прежних связей и отношений. Отсутствие супругов, детей, внуков, других родственников, отдельное проживание от молодых членов семьи нередко полностью лишает пожилых людей общения. Вместе с тем наличие семьи также не решает проблемы одиночества. Результаты опроса свидетельствуют, что 17,6% шестидесятилетних и 34,5% семидесятилетних проживают самостоятельно, без других членов домохозяйства, но это не значит, что они страдают от одиночества — они могут вести активную общественную жизнь, общаться с родными и друзьями.

Нельзя сказать, что пожилые жители Беларуси повсеместно лишены внимания, поддержки и заботы. Как свидетельствуют результаты опроса, более 85% респондентов заявили, что в случае затруднений могут положиться на окружающих, у них есть родственники, друзья, знакомые, с которыми они ощущают близость. Каждый десятый (10,8%) пожилой человек в возрасте старше 60 лет указал, что за последние 12 месяцев получал регулярную помощь по дому. Вместе с тем более

четверти (27,5%) когорты 60—69 лет и более трети (37,1%) представителей 70—79-летних пожаловались, что им не хватает людей рядом. Социальные трансформации белорусского общества последних десятилетий оказали определенное влияние на традиционные взаимоотношения соседей и знакомых: происходит распад связей не только на уровне населенного пункта, улицы, дома, но даже лестничных площадок. Социальные контакты теряют былую теплоту, сопереживание и психологическую поддержку, становятся более рациональными и прагматичными, особенно в городах. Даже близкие родственники не всегда поддерживают тесные контакты с пожилыми людьми.

В ходе исследования респондентам задавался вопрос о чувствах, испытываемых за последнюю неделю. В инструментарий были включены утверждения: «я чувствовал(а), что никак не могу справиться с тоской даже с помощью семьи и друзей», «я был(а) в подавленном настроении», «я думал(а), что моя жизнь не удалась», «мне было страшно», «я испытывал(а) грусть». Использовалась следующая шкала — «редко или никогда», «иногда», «часто», «большую часть времени или постоянно». Такие чувства или переживания в той или иной степени испытывают люди в любом возрасте, но конечно, представители старших возрастов чаще заявляли о плохом настроении, прежде всего грусти и подавленном состоянии (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Как часто за последнюю неделю Вы испытывали следующие чувства?» (в %)

Чувства	Иногда		Часто и большую часть времени или постоянно	
	60—69 лет	70—79 лет	60—69 лет	70—79 лет
Я чувствовал (а), что никак не могу справиться с тоской даже с помощью семьи и друзей	22,4	29	5,2	9,8
Я был(а) в подавленном настроении	31,3	36,9	7	11,1
Я думал(а), что моя жизнь не удалась	18,1	20,1	4,1	5,7
Мне было страшно	21,5	26,7	3,3	6,5
Я испытывал(а) грусть	42	44,8	9,8	14

Дополнил информацию о настроениях и чувствах респондентов вопрос о возможности распоряжаться своей жизнью: с утверждением «иногда мне кажется, что мною помыкают» согласились («скорее согласен или полностью согласен») 10,6% пожилых людей 60—69 лет и 6,9% тех, кому 70—79 лет; «я почти никак не контролирую то, что со мной происходит» — соответственно 6,3% и 10,2%; «зачастую я ощущаю свою беспомощность и неспособность справиться с жизненными проблемами» — 13,1% и 24,8%; «я мало что могу сделать, чтобы изменить важные вещи в своей жизни» — 22,8% и 34,5%. Таким образом, серьезной проблемой для пожилых людей является плохое психологическое состояние даже при отсутствии серьезных материальных проблем. Наличие психологических проблем, несомненно, является фактором, негативно влияющим на качество жизни, и делает актуальной не только медицинскую геронтологическую помощь (в Беларуси в каж-

дой поликлинике прием ведет врач-гериатр), но и создание системы психологического консультирования для пожилых людей.

Самочувствие пожилого человека в значительной степени определяется его брачным статусом. Пожилой человек нуждается в семье, прежде всего, в связи с потребностью в общении, взаимопомощи, организации хозяйственной жизни. Почти три четверти (71,9%) шестидесятилетних и меньше половины (47,3%) тех, кому 70—79 лет, имеют партнера. Однако отмечены значительные различия в семейном статусе: женщины значительно чаще остаются без партнера, вдовами. Так, в 60—69 лет партнера имеют 88,7% мужчин и 60% женщин, а в 70—79 лет — 82,3% и 30,8% (табл. 5). Абсолютное большинство имеющих партнеров состоят в законном браке (93,8% шестидесятилетних и 95,1% семидесятилетних) и проживают в одном домохозяйстве (соответственно 98,1% и 96,4%).

Дополнением к характеристике поколения 1938—1957 года рождения может служить информация об общем количестве партнеров (супругов) в зависимости от возраста: повторные браки/новые отношения у пожилых людей возникали реже, нежели у 30-, 40- и 50-летних жителей Беларуси (табл. 6).

Анализ данных о репродуктивном поведении старшего поколения свидетельствует, что у возрастных когорт 60—69 и 70—79 лет больше детей, чем у более молодых поколений, т.е. люди пожилого возраста имеют большие по размеру семьи (табл. 7).

Таблица 5

Наличие партнера у людей пожилого возраста (в %)

Вариант ответа	Возраст (лет)					
	60—69			70—79		
	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего
Да	88,7	60	71,9	82,3	30,8	47,3
Нет	11,3	40	28,1	17,7	69,2	52,7

Таблица 6

Общее количество партнеров(супругов) у респондента (в %)

Количество партнеров	Возраст респондента (лет)				
	30—39	40—49	50—59	60—69	70—79
1	85,2	83,2	83,9	87,6	87,4
2	12,3	14,4	13,3	11,2	11,2
3 и более	2,5	2,4	2,8	1,2	1,4

Таблица 7

Среднее число биологических детей

Пол	Возраст респондента (лет)				
	30—39	40—49	50—59	60—69	70—79
Мужчины	1,15	1,61	1,67	1,87	1,92
Женщины	1,58	1,66	1,77	1,84	1,83
Всего	1,36	1,64	1,72	1,85	1,86

Следует отметить, что в старших возрастах наличие партнера может означать и необходимость дополнительной помощи семье, поскольку доли пожилых людей, у которых имеются физические, психические нарушения или инвалидность, не позволяющие им выполнять повседневные дела, составляют 5,6% среди 60—69-летних и 10,4% среди 70—79-летних (табл. 8). Также доля лиц, у партнера/супруга которых имеются физические, психические нарушения или инвалидность, в старших возрастах выше: в группе 60—69 лет доля таких партнеров составляет 8,1%, 70—79 лет — уже 18% (табл. 9).

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос «Имеются ли у Вас физические или психические нарушения, или инвалидность, не позволяющие Вам выполнять обычные повседневные дела?» (в %)

Вариант ответа	Возраст респондента (лет)						
	до 20	20—29	30—39	40—49	50—59	60—69	70—79
Да	1,2	0,3	0,8	1,9	4	5,6	10,4
Нет	98,8	99,7	99,2	98,1	96	94,4	89,6

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос «Имеются ли у Вашего партнера (супруга) физические или психические нарушения, инвалидность» (в %)

Вариант ответа	Возраст респондента (лет)						
	до 20	20—29	30—39	40—49	50—59	60—69	70—79
Да	1,9	0,4	0,7	1,9	3,7	8,1	18
Нет	98,1	99,6	99,3	98,1	96,3	91,9	82

Таблица 10

«Забота о пожилых людях, нуждающихся в помощи, у них дома» (в %)

Вариант ответа	Возраст респондента (лет)						
	до 20	20—29	30—39	40—49	50—59	60—69	70—79
В основном это задача общества	14,9	8	7,9	7,2	7,4	10,4	13,2
Больше общества, чем семьи	8,1	8,2	6,7	6,2	8,7	8,7	8,1
В равной степени общества и семьи	36,1	38,8	39,4	39,1	38,2	38,8	42,2
Больше семьи, чем общества	23,7	25,2	23,7	24,1	24,6	22,5	18,7
В основном это задача семьи	17,2	19,8	22,3	23,4	21,1	19,6	17,8

В старших возрастах человек может нуждаться в помощи не только сам, но и по уходу за партнером/супругом, что актуализирует вопросы патронажа над семьями пожилых людей. Интересно, что пожилые, как и люди более молодых возрастов, считают такую помощь пожилым ответственностью скорее семьи, чем общества (табл. 10).

Также большинство пожилых согласны с тем, что дети должны забрать старых родителей к себе, когда они уже не могут заботиться о себе. Такое же мнение преобладает у молодых респондентов (табл. 11).

Таблица 11

«Дети должны забрать к себе родителей, если те уже не могут сами позаботиться о себе» (в %)

Вариант ответа	Возраст респондента (лет)						
	до 20	20—29	30—39	40—49	50—59	60—69	70—79
Полностью согласен	63,3	60,6	58,6	58,3	57,9	58,3	54,8
Скорее согласен	28,6	28,9	30,7	28,7	27,9	29,1	32,8
Ни согласен, ни не согласен	5,7	7,9	7,9	9,5	10,7	8	7,9
Скорее не согласен	2,3	2,1	1,9	2,4	2,4	3	3,2
Полностью не согласен	0,1	0,5	0,9	1,1	1,1	1,6	1,3

Таблица 12

Уровни удовлетворенности и счастья по 10-балльной шкале (средний балл)

Показатель удовлетворенности (баллы)	Возраст (лет)			
	60—69		70—79	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Насколько Вы удовлетворены своим жильем?	7,85	7,84	8,03	7,8
Насколько Вы удовлетворены отношениями со своим партнером/супругом(ой)?	8,76	8,3	8,89	8,04
Насколько Вы удовлетворены распределением работы по дому между Вами и Вашим партнером/супругом(ой)?	8,8	8,09	8,89	8,2
Насколько Вы удовлетворены своим положением пенсионера?	6,82	6,76	6,81	6,68
С учетом всех обстоятельств, насколько Вы в целом удовлетворены своей жизнью в настоящее время?	7,46	7,28	7,42	7,17
Насколько Вы счастливы в целом?	7,41	7,19	7,19	6,91

Уровень удовлетворенности (по 10-балльной шкале) отношениями со своим партнером/супругом у мужчин и женщин достаточно высок, но различается: у мужчин 60—69 лет средний балл 8,76, а у женщин — 8,3. Уровень удовлетворенности повышается у мужчин 70—79 лет до 8,89 баллов, а у женщин снижается — 8,04 (табл. 12). В ходе исследования изучались уровни удовлетворенности по разным аспектам жизни, начиная от жилищных условий и заканчивая ощущением счастья. Хотя показатели удовлетворенности несколько снижаются с возрастом (кроме удовлетворенности жильем), уровень удовлетворенности достаточно высок и варьирует от 6,68 до 8,89. Наиболее низкие показатели отмечаются при оценке своего положения пенсионера, наиболее высокие — при оценке отношений с партнером/супругом(ой). Субъективные оценки своей жизни в старших возрастах важны, так как позволяют оценить внутренние ощущения людей на этом этапе их жизни.

Безусловно, важнейшим компонентом качества жизни в любом возрасте является удовлетворенность материальным положением. Различные аспекты материального положения пожилых людей — предмет отдельного исследования, в том числе с учетом структуры их потребностей, и в рамках статьи мы не можем рассмотреть их подробно. Тем не менее, в качестве обобщенной характеристики материального положения пожилых можно рассмотреть их ответы на вопрос «Сводит ли Ваше домохозяйство концы с концами, учитывая его общий ежеме-

сячный доход?». Доля пожилых, оценивших свое материальное положение как плохое («с большим трудом» или «с трудом») составляет 27,7% в возрасте 60—69 лет и 29,9% — в 70—79 лет. Примерно таковы же доли респондентов, оценивших свое положение как хорошее («довольно легко», «легко», «очень легко») — 28,9% и 26,6% соответственно, а 43,5% и 43,4% выбрали вариант «с некоторыми трудностями» (рис. 7).

В отличие от оказания помощи пожилым людям в семье большинство считает, что материальная помощь малообеспеченным людям в старших возрастах в большей степени является задачей общества, нежели семьи (табл. 13).

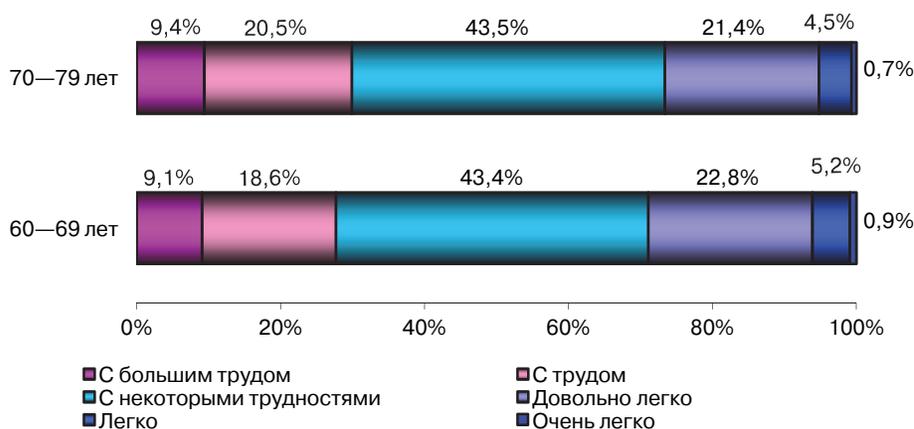


Рис. 7. Распределение ответов на вопрос «Сводит ли Ваше домохозяйство концы с концами, учитывая его общий ежемесячный доход?» (в %)

Таблица 13

Финансовая поддержка пожилых людей с уровнем дохода ниже прожиточного минимума (в %)

Вариант ответа	Возраст респондента (лет)						
	до 20	20—29	30—39	40—49	50—59	60—69	70—79
В основном это задача общества	29,8	29,1	29,4	27,6	27,2	31,4	34,4
Больше общества, чем семьи	16,1	15,6	16,9	14,5	17,5	16,8	16,6
В равной степени общества и семьи	34,5	35,7	33,9	37,8	35,3	33,2	29,0
Больше семьи, чем общества	8,6	10,6	10,4	10,8	11,3	9,5	12,1
В основном это задача семьи	11,0	9,0	9,4	9,3	8,7	9,1	7,9

В качестве условного индикатора своих жизненных перспектив выступили ответы на вопрос о планировании будущего. Среднее значение ответов на вопрос «Вы планируете свое будущее или живете сегодняшним днем?» в баллах (0 — «я максимально планирую свое будущее», 10 — «я живу сегодняшним днем») у пожилых людей выше, чем у более молодых, т.е. они живут сегодняшним днем (6,25 в 60—69 лет и 6,96 — в 70—79 лет) (рис. 8, табл. 14). У людей старших возрастных групп более выражено отсутствие жизненных перспектив и жизнь во временном пространстве повседневности. Возможно, данный показатель в наибольшей степени отражает качество жизни пожилого человека — его возможности долголетней и социально активной жизни.

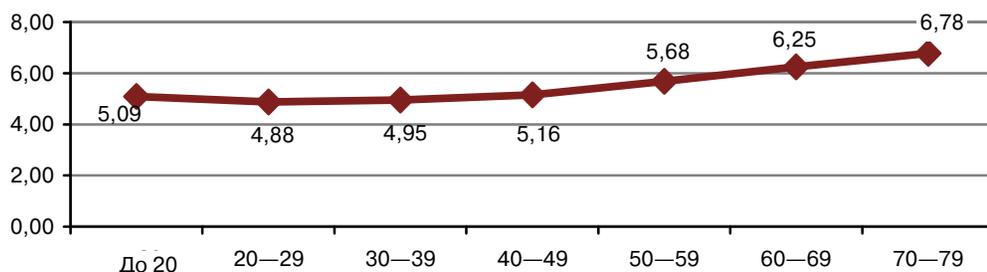


Рис. 8. Распределение ответов на вопрос «Вы планируете свое будущее или живете сегодняшним днем?» (средний балл)

Таблица 14

Распределение ответов на вопрос «Вы планируете свое будущее или живете сегодняшним днем?» (средний балл)

Пол	Возраст респондента (лет)						
	до 20	20—29	30—39	40—49	50—59	60—69	70—79
Мужчины	5,32	4,97	5,00	4,95	5,56	6,33	6,39
Женщины	4,85	4,78	4,89	5,35	5,78	6,20	6,96

Таким образом, статистические данные последних лет и результаты масштабного социологического исследования являются незаменимым, а в определенных аспектах и уникальным источником информации, без которой практически невозможно адекватно оценить качество жизни пожилых людей и, следовательно, разработать эффективную программу, которая позволит старшему поколению получить доступ к основным благам и обслуживанию, возможность работать, участвовать в культурных и образовательных мероприятиях и вести плодотворную насыщенную жизнь. Полученные данные могут стать основой для дальнейших исследований, поскольку в таком объеме (охват вопросов и подход к анализу данных) получены впервые. Эти данные позволили нам сформулировать следующие основные выводы, отражающие разные аспекты жизни пожилого населения Беларуси:

- ◆ пожилые люди включены в информационное пространство, активно используют современные средства коммуникации;
- ◆ для представителей старших возрастных групп характерен высокий уровень удовлетворенности жилищными условиями;
- ◆ пожилые люди имеют высокий уровень образования, что позволяет использовать их потенциал при реализации различных социальных программ;
- ◆ наличие партнера положительно влияет на качество жизни пожилого человека;
- ◆ активная трудовая занятость пенсионеров позволяет им, с одной стороны, сохранять статус, общаться с коллективом, чувствовать свою востребованность, а, с другой, свидетельствует, что размер пенсии не обеспечивает пожилым достойную жизнь; в отдельных сферах деятельности наблюдается неофициальная маргинализация — пожилые люди рассматриваются потенциальным работодателем

как менее энергичные и менее ценные, «эйджизм» служит разделителем общества на молодых и старых;

♦ одной из проблем пожилых людей является психологический дискомфорт, социальные контакты становятся рациональными и прагматичными.

Пожилое население Беларуси по совокупности характеристик выступает как активная социальная группа с высоким уровнем образования, адаптирующаяся к быстро меняющимся условиям современного мира, что позволяет использовать ее социально-профессиональный потенциал (например, привлечение к работе с молодежью в рамках системы внешкольного образования). Однако существуют проблемы стигматизации пожилых людей на рынке труда и их личностного психологического состояния, что означает необходимость принятия мер по защите прав работников пожилого возраста, а также расширению программ социальной помощи пожилому населению (например, геронтопсихологической помощи). Таким образом, социальные программы для пожилого населения должны сочетать как мероприятия по вовлечению пожилых в активную деятельность в соответствии с их профессионально-образовательными характеристиками, так и помощь данной социальной группе в соответствии с ее медико-психологическими особенностями. Формирование системы социолого-статистической информации, описывающей различные стороны старения населения Беларуси, еще только начинается и, несомненно, будет являться важнейшим информационным ресурсом для принятия управленческих решений в социальной и демографической политике.

Примечание

- (1) До 2017 года в Беларуси пенсионный возраст для женщин составлял 55 лет, для мужчин — 60 лет. С января 2017 года началось поэтапное повышение пенсионного возраста. В 2019 году на заслуженный отдых выйдут мужчины по достижении 61 года и 6 месяцев, женщины — 56 лет и 6 месяцев. Планируется, что к 1 января 2022 года мужчины будут выходить на пенсию в 63 года, а женщины — в 58 лет.

Библиографический список

- [1] *Бабосов Е.М.* Качество жизни — основной критерий эффективности экономической системы // *Общество и экономика*. 2019. № 3.
- [2] Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение: Т. I: Методология и опыт проведения исследования «Поколения и гендер» / Ред. Д.Г. Ротман, Т. Эмери. Мн., 2018.
- [3] Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение: Т. II: Анализ результатов исследования «Поколения и гендер» / Ред. О. Терещенко, Т. Кучера. Мн., 2018.
- [4] *Беляева Л.А.* Качество жизни в субъективных оценках населения: Россия в европейском контексте // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2018. Т. 18. № 4.
- [5] Беларусь и страны мира. Мн., 2018.
- [6] *Гессе Г.* О старости. Письма по кругу: Пер с нем. / Сост., авт. предисл. и коммент. В.Д. Седельник. М., 1987.
- [7] *Гидденс Э., Саттон Ф.* Основные понятия в социологии: Пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко. М., 2018.
- [8] *Здоровье населения и социальные перемены в постсоветских государствах* / Ред. колл.: П. Бригадин и др. Мн., 2013.

- [9] Кечина Е.А. Социолого-статистическое исследование. Мн., 2012.
- [10] Кошарная Г.Б., Щанина Е.В. Факторы депривации пожилых людей в социально-трудовой сфере: региональный аспект // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2019. Т. 19. № 3.
- [11] Образ жизни и здоровье населения новых независимых государств / Отв. ред. К. Херпфер, Д. Ротман, С. Туманов. Мн., 2003.
- [12] Орлова У.Л. Параметры качества жизни пожилых людей, живущих в учреждениях интернатного типа // *Социологические исследования*. 2015. № 10.
- [13] Соколова Г.Н. Проблемы взаимосвязи уровня и качества жизни в ходе становления постиндустриального общества // *Общество и экономика*. 2011. № 7.
- [14] Старение и жизненный цикл // <https://www.who.int/ageing/ru>.
- [15] Статистический бюллетень «Половозрастная структура населения Республики Беларусь на 1 января 2019 года и среднегодовая численность населения за 2018 год». Мн., 2019.
- [16] Труд и занятость в Республике Беларусь. Мн., 2018.
- [17] Ценностный мир современного человека: Беларусь и ее соседи в международных проектах по изучению ценностей / Под ред. Д.М. Булышко, А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. Мн., 2013.
- [18] Шлихтер А.А. Вопросы измерения качества жизни и устойчивого развития // *Общество и экономика*. 2018. № 7.
- [19] Hulme D. (Ed.). *Global Poverty: How Global Governance is Failing the Poor*. L., 2010.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-30-49

The quality of life of the older generation in Belarus*

Е.А. Кечина, Л.В. Филинская

Belarusian State University
Kalvariyskaya St., 9, Minsk, 220004, Беларусь
(e-mail: eakech@tut.by; filinskaly@gmail.com)

Abstract. The demographic aging of population typical for many countries requires much more financial and material resources to meet the needs of the post-working-age population. For the Republic of Belarus, the problem of population aging is highly relevant for the share of the elderly grows annually. The article focuses on the social-demographic characteristics and quality of life of the older generation in Belarus. The article is based on the data of the National Statistical Committee of the Republic of Belarus and the results of the sociological research “Belarus: Family, Stability of Family Relations, and Birth Rate in the Changing Social-Economic Conditions” conducted within the international research program “Generation and Gender”. The authors present a sociological-statistical approach to the analysis of the key characteristics of the elderly’s life in contemporary Belarus, which combines the information resources of sociology and statistics. The authors consider the general statistical data on the population aging and the elderly’s features and the sociological indicators revealing the perception of life at the older age. The assessment of the older generation’s life is presented as a set of indicators of the quality of life, which includes both objective statistical data and estimates of the older people’s satisfaction with various aspects of their life. For the first time in Belarus the quality of life of the 60—69- and 70—79-year-old cohorts is studied not only through statistical data but also taking into account their own assessments of various aspects of their lives, which allows to identify the most relevant issues for the social programs aimed at meeting the needs of the older generation.

Key words: older people; population aging; quality of life; demographic security; statistical data; sociological indicators

* © Е.А. Кечина, Л.В. Филинская, 2020.

The article was submitted on 02.07.2019. The article was accepted on 10.09.2019.

References

- [1] Babosov E.M. Kachestvo zhizni — osnovnoy kriteriy effektivnosti ekonomicheskoy sistemy [Quality of life as the main criterion of the economic system efficiency]. *Obshchestvo i Ekonomika*. 2019; 3 (In Russ.).
- [2] *Belarus: struktura semyi, semeinye otnosheniya, reproduktivnoe povedenie: Vol. I. Metodologiya i opyt provedeniya issledovaniya “Pokoleniya i gender”* [Belarus: Family Structure, Family Relations, Reproductive Behavior: Vol. 1. Methodology and course of the study “Generations and Gender”]. D.G. Rotman, T. Emery (Ed.). Minsk; 2018 (In Russ.).
- [3] *Belarus: struktura semyi, semeinye otnosheniya, reproduktivnoe povedenie: Vol. II. Analiz rezultatov issledovaniya “Pokoleniya i gender”* [Belarus: Family Structure, Family Relations, Reproductive Behavior: Vol. II. Analysis of the results of the study “Generations and Gender”]. O. Tereshhenko, N. Kuchera (Ed.). Minsk; 2018 (In Russ.).
- [4] Belyaeva L.A. Kachestvo zhizni v sub’ektivnykh otsenkakh naseleniya: Rossiya v evropeyskom kontekste [Quality of life in the subjective estimates of the population: Russia in the European context]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (4) (In Russ.).
- [5] *Belarus i strany mira* [Belarus and Countries of the World]. Minsk; 2018 (In Russ.).
- [6] Hesse H. *O starosti. Pisma po krugu* [Hymn to Old Age]. Per s nem. Sost., avt. predisl. i koment. V.D. Sedelnik. Moscow; 1987 (In Russ.).
- [7] Giddens A., Sutton P.W. *Osnovnyye ponyatiya v sotsiologii* [Essential Concepts in Sociology]. Per. s angl. E. Rozhdestvenskoy, S. Gavrilenko. Moscow; 2018 (In Russ.).
- [8] *Zdorovie naseleniya i socialnye peremeny v postsovetskikh gosudarstvakh* [Public Health and Social Changes in Post-Soviet States]. P. Brigadin (Ed.). Minsk; 2013 (In Russ.).
- [9] Kechyna EA. *Sotsiologo-statisticheskoe issledovanie* [Sociological-Statistical Research]. Minsk; 2012 (In Russ.).
- [10] Kosharnaya G.B., Shchanina E.V. Faktory deprivatsii pozhilykh lyudey v sotsialno-trudovoy sfere: regionalny aspekt [Deprivation factors for the elderly in the social-labor sphere: A regional aspect]. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (3) (In Russ.).
- [11] *Obraz zhizni i zdorovie naseleniya novykh nezavisimyykh gosudarstv* [The Lifestyle and Health of the Population in the New Independent States]. Ch. Haerpfer, D. Rotman, S. Tumanov (Ed.). Minsk; 2003 (In Russ.).
- [12] Orlova U.L. Parametry kachestva zhizni pozhilykh lyudey, zhivushchikh v uchrezhdeniyakh internatnogo tipa [Quality of life parameters for the elderly living in residential institutions]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2015; 10 (In Russ.).
- [13] Sokolova G.N. Problemy vzaimosvyazi urovnya i kachestva zhizni v khode stanovleniya post-industrialnogo obshchestva [Issues of the relationship between the living standards and quality of life under the development of post-industrial society]. *Obshchestvo i Ekonomika*. 2011; 7 (In Russ.).
- [14] Starenie i zhiznenny tsikl [Aging and life cycle]. <https://www.who.int/ageing/ru> (In Russ.).
- [15] *Statisticheskyy byulleten “Polovozrastnaya struktura naseleniya Respubliki Belarus na 1 yanvarya 2019 goda i srednegodovaya chislennost naseleniya za 2018 god”* [Statistical Bulletin “Gender and age structure of the population in the Republic of Belarus as of January 1, 2019 and the average annual population size in 2018”]. Minsk; 2019 (In Russ.).
- [16] *Trud i zanyatost v Respublike Belarus* [Labour and Employment in the Republic of Belarus]. Minsk; 2018 (In Russ.).
- [17] *Tsennochny mir sovremennogo cheloveka: Belarus i ee sosedi v mezhdunarodnykh proektakh po izucheniju tsennostey* [Contemporary Person’s Values: Belarus and Its Neighbors in the International Projects on Values]. D.V. Bulynko, A.N. Danilov, D.G. Rotman (Eds.). Minsk; 2013 (In Russ.).
- [18] Shlikhter A.A. Voprosy izmereniya kachestva zhizni i ustoychivogo razvitiya [Estimates of the quality of life and sustainable development]. *Obshchestvo i Ekonomika*. 2018; 7 (In Russ.).
- [19] Hulme D. (Ed.). *Global Poverty: How Global Governance is Failing the Poor*. London; 2010.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-50-63

Московские студенты: трансформации ценностных ориентаций*

И.М. Ильинский, В.А. Луков

Московский гуманитарный университет
Ул. Юности, 5, Москва, 111395, Россия
(e-mail: iilinskiy@mosgu.ru; v-lukov@list.ru)

В статье рассматриваются устойчивые представления, которые обнаруживаются у значительной части московских студентов при оценке личностных качеств российской молодежи. В исследовании, представленном в докладе Общественной палаты РФ в 2011 году, был отмечен высокий уровень критичности молодежи в оценке своего поколения и выдвигание на передний план таких черт, как эгоизм и безответственность. В исследованиях Московского гуманитарного университета, проведенных с 2011 по 2019 годы, была воспроизведена часть инструментария опроса Общественной палаты относительно студенческих оценок качеств, присущих российской молодежи, и были получены те же результаты. В рейтинге качеств в 2019 году первые 10 позиций заняли: лень, эгоизм, коммуникабельность, безответственность, агрессивность, самостоятельность, равнодушие, оптимизм, наивность и цинизм, т.е. наряду с позитивными чертами в этом перечне оказались те, что традиционно считаются неприемлемыми. Последние 10 позиций заняли: открытость, доброта, предприимчивость, инициативность, жадность, рационализм, ответственность, честность, патриотизм и совесть. Высокие в оценке общества нравственные черты в оценках студентов представлены как нехарактерные для современной молодежи. Включение в опрос дополнительных открытых вопросов, проясняющих оценки студентами нравственных черт людей прошлого, настоящего и будущего, показало, что в старших поколениях и кругу общения студенческая молодежь ценит именно высокие моральные качества и готова передать их своим детям. Рейтинг таких ценностей открывают честность, доброта, ответственность, целеустремленность, открытость, коммуникабельность, искренность, отзывчивость, пунктуальность и доброжелательность. Противоречия в оценке черт молодежи и ожидаемых нравственных качеств близких людей многократно подтверждены на эмпирическом уровне, однако это не особенность студенческой молодежи, а отражение аномии в сфере ценностных ориентаций в переходный период. В статье утверждается, что тенденция трансформации ценностных ориентаций студенчества в сторону индивидуализма устойчива, но не присуща всей молодежи.

Ключевые слова: молодежь; ценности; московские студенты; социология молодежи; ценностные ориентации; воспитание; вуз

С 1990-х годов было проведено немало эмпирических исследований ценностных ориентаций российской молодежи, в основном опросов студентов. Отчасти это связано с преодолением сложившихся в советское время представлений, что следует понимать под ценностными ориентациями (эта тема была актуальна для социологии молодежи в СССР, особенно для работ ленинградской школы

* © Ильинский И.М., Луков В.А., 2020.

Статья поступила 07.11.2019 г. Статья принята к публикации 20.11.2019 г.

В.Т. Лисовского [8; 13], а общая теория ценностей активно разрабатывалась такими видными социологами, как А.Г. Здравомыслов [6]). Кроме того, исследователи получили возможность опираться на западные концепции ценностных ориентаций, прежде всего модель М. Рокича, которая строилась на новых подходах к функциональной взаимосвязи убеждений, отношений и ценностей [28; 29]. Эта модель многократно использовалась в отечественных исследованиях ценностных ориентаций молодежи [21; 22], правда, не учитывалось, что Рокич исходил из разделения ценностей на терминальные и инструментальные в исследованиях 1960—1970-х годов на общенациональной американской выборке, т.е. ориентированных только на систему ценностей США. Также интерес к ценностной сфере российской молодежи основывался на том, что в ней происходила быстрая трансформация — ценности коллективизма стремительно сменялись ценностями индивидуализма, что было отмечено уже в 1990-е годы [15], а в начале 2000-х годов подчеркивалось, что у молодых поколений россиян формируются ценности индивидуализма и маскулинности (амбициозность, мотивация достижения и т.д.) [12].

В XXI веке исследования подтверждают усиливающуюся тенденцию студенчества к индивидуализму и по отдельным вузам [23. С. 66], и по отдельным регионам [14]. Утрата коллективного духа студенчества отмечена значительным числом респондентов в исследовании «Современная система высшего образования глазами студентов, аспирантов и профессорско-преподавательского состава МГУ имени М.В. Ломоносова», проведенном в 2014 году (4814 студентов 1—5 курсов 39 факультетов; 453 аспиранта; 1079 экспертов, в том числе 1000 преподавателей, 40 заведующих кафедрами и 39 деканов): более трети респондентов отметили снижение уровня общей культуры студентов (48,3%) и знаний (38,6%), морально-нравственного уровня (37,4%), командного духа, студенческого единения (37,3%), а также гражданской идентичности (33,7%) [11].

Недавние исследования подтвердили, что «в нижней части иерархии ценностей молодежи располагаются межличностные отношения, а также иные приоритеты, как-либо связанные не с личной жизнью, а с интересами общества» [2. С. 155]. Среди жизненных целей молодежи более половины опрошенных в Липецке назвали «получение максимума удовольствия от жизни» [5. С. 168]. Центр социологии ИСПИ РАН в исследовании «Саморегуляция жизнедеятельности в культурном пространстве молодежи» (2017 год, N = 803) зафиксировал, что «стремление получить от жизни как можно больше удовольствий» характеризует нынешнюю молодежь по мнению 37,9% опрошенных (15—29-летние из 7 субъектов РФ), а если к ним прибавить 41,3% тех, кто такую позицию признает частично, то в сумме это дает почти $\frac{4}{5}$ респондентов. Признают характерной для молодежи формулу «отрицание моральных норм, у каждого — своя мораль», соответственно, 21,4% и 41,1%, т.е. $\frac{2}{3}$ опрошенных [1. С. 494]. Это как раз те черты, что вытекают из индивидуализма как жизненной ценности. В новейших исследованиях ИСПИ РАН делается вывод, что «в сознании современной молодежи общечеловеческие положительные (гуманистические) качества, такие как ответственность, доброта и отзыв, уступают личностным, индивидуалистическим качествам, что демонстрирует важность персонификации и индивидуализации своего „Я“» [16. С. 118].

Следует признать, что в исследовании ценностных ориентаций молодежи многое зависит от исходной теоретической позиции, ее связи с философскими школами (например, с Баденской школой неокантианства), а многое — от конкретной задачи, которая решается в исследовании. Поэтому простое сопоставление цифр мало что проясняет, может оказаться ошибкой или результатом тенденциозности исследователя. Дадут разные результаты попытки в одних случаях прояснить, считают ли люди положительной ценностью честь, вежливость, интеллект, ответственность и т.д., а в других — признать, что этими свойствами обладает современная молодежь. Лишь иногда в рейтингах ценностей появляются косвенные свидетельства того, что молодежь, студенты некоторые ценности не воспринимают: «к непопулярным мотивам относятся те, что были доминирующими у пионеров и комсомольцев прошлого: законопослушание (5%), бескорыстие (3,1%), нравственность (5,6%) и преданность (3,7%)» [17. С. 138—139].

Структура ценностей и ценностных ориентаций (представляемая как рейтинг) отдельного сегмента общества не может выявляться и оцениваться в пределах этого сегмента: он зависим от других частей общества и от тенденций его развития, а также от устойчивых феноменов коллективного сознания, которые составляют основу ценностных ориентаций в повседневной жизни веками, изменяясь крайне медленно и передаваясь новым поколениям, как бы активно и даже агрессивно социальные институты ни стремились их изменить. В этом смысле ситуация в студенческой среде ничем особенным не отличается от той, что можно наблюдать в других группах молодежи и поколениях. Но в чем же здесь специфика? Студенты вузов даже в условиях массового высшего образования осваивают будущие профессиональные статусы в специальностях, ориентированных на интеллектуальный труд, и к концу обучения в вузе они во многом отличаются от своих ровесников, не обучавшихся в вузе. Более того, за несколько лет учебы будущая профессия как бы закладывает в студента правила своего сообщества, язык, на котором говорят профессионалы не только на работе, но и дома, в кругу друзей, ожидания, которые продвигают вперед. Будущие профессии буквально притягивают к себе новые поколения, и уже на третьем курсе ясно, кто учится на юристов, кто — на психологов, кто — на менеджеров. В Московском гуманитарном университете, например, такого рода различия оказываются довольно заметными, когда речь заходит о жизненных перспективах: если 55,6% будущих экономистов привлекает бизнес-карьера, а на государственной службе себя видят 21,6%, то, напротив, на нее ориентируются 48,1% будущих юристов и 5,1% будущих рекламистов (2019 год, N = 629).

Будущий профессиональный путь чаще всего определяется родительской семьей (особенно если образование платное), на этот выбор нередко влияет совсем не содержание обучения или интерес к профессии, а территориальная близость вуза к дому, низкий конкурс при поступлении, отсрочка от воинской службы и другие причины — важные, но не в профессиональном смысле, что может быть стать причиной раннего разочарования в ней (больше трети опрошенных считают, что это мешает студентам в учебе). Впрочем, образование и привычка берут свое, и выпускники вузов о разочаровании в профессии почти не говорят.

В заданном контексте начинают непредсказуемым образом (если опираться на аккредитационные и прочие внешние требования к вузам и на принятые в вузах внутренние установки, закрепленные в нормативных документах) проявляться жизненные ценности студентов. Неожиданным для многих был Аналитический доклад Общественной палаты «Социальный портрет молодежи Российской Федерации», опубликованный и обсужденный в 2011 году [17]. Мы не раз обращались к данным и выводам этого доклада в той его части, что касается ценностных приоритетов студентов [9; 10]. Доклад однозначно показал, что в молодежной среде усиливаются негативные для общества тенденции: более 80% подростков употребляют алкоголь, 66% курят, у девушек 15—19 лет каждая вторая беременность заканчивается абортom, 80% используют матерную брань, в 18 раз выросло потребление наркотиков по сравнению с 2000 годом [4]. Это важные и тревожные сигналы неблагополучия, но в переходных обществах они неизбежны, а на фоне процессов в молодежной среде стран, стабильно относимых к демократическим (США, Канада, Великобритания, Германия и т.д.), воспринимаются как свидетельства мировых тенденций.

Характерно, что ежегодно проводимое правительством Соединенных Штатов с 1971 года обследование по вопросам употребления наркотиков и здоровья в 2015 году дало такие данные об употреблении алкоголя в американских колледжах: 58% студентов в возрасте 18—22 лет употребляли алкоголь в предыдущем до обследования месяце (в сравнении с 48,2% других лиц того же возраста), 37,9% сообщили о пьянстве в прошлом месяце (32,6%), крепкие алкогольные напитки употребляли 12,5% (8,5%) [24]. Эти показатели меньше, чем по молодежи России из доклада Общественной палаты, но все-таки значительные, они признаны опасными для США по последствиям: 1825 студентов колледжа в возрасте 18—24 лет ежегодно умирают от непреднамеренных травм, связанных с употреблением алкоголя, в том числе в результате дорожно-транспортных происшествий; 696 тысяч студентов этого возраста подвергаются нападениям со стороны студентов в состоянии опьянения; 97 тысяч студентов сообщают о случаях сексуального насилия, связанного с алкоголем, или изнасилования на свидании и т.д.; 1 из 4 студентов сообщает об академических последствиях употребления алкоголя, включая пропуск занятий, отставание в освоении программы, плохие результаты на экзаменах или учебных работах и получение более низких оценок в целом [24].

Эти данные собираются не для того, чтобы пугать обывателей: целые институты и группы ученых работают, чтобы снизить ущерб от алкоголизма молодежи, понять, что он порожден комплексом причин, включая биологические (генетика), экономические, экологические, психологические, этнические, культурные и др. Среди них особенно выделяются стрессы (в России о «школьном стрессе» говорят многие годы): «стресс и связанные с ним расстройства, включая тревогу, являются ключевыми факторами в развитии алкоголизма, поскольку употребление алкоголя может временно уменьшить дисфорию у пьющего» [26. С. 495]. Кроме того, негативные последствия алкоголизма имеют финансовое выражение: напри-

мер, в 2005 году алкогольная зависимость и злоупотребления стоили экономике США приблизительно 220 млрд долларов — это больше, чем рак и ожирение [27. С. 6].

Впрочем, это острая проблема не только в США, но и в России. По данным ВОЗ, во всем мире злоупотребление алкоголем вызывает около 3,3 млн случаев смерти ежегодно (или 5,9% всех смертей): «Теперь у нас есть расширенное знание причинно-следственной связи между употреблением алкоголя и более чем 200 состояниями здоровья, включая новые данные о причинно-следственных связях между злоупотреблением алкоголя и заболеваемостью, а также исходами таких инфекционных заболеваний, как туберкулез, ВИЧ/СПИД и пневмония» [25. С. VII]. По оценкам ВОЗ, в 2010 году в мире страдало алкоголизмом 4,1% населения старше 15 лет [27. С. 51].

Другие названные в докладе Общественной палаты молодежные девиации также не специфичны для России, они тревожат власти и научные сообщества по всему миру. Но в докладе было и то, что выражало новые для России черты облика молодежи и показало, что развал СССР и советского строя отразился и на ценностном восприятии новыми, постсоветскими поколениями основных нравственных качеств. Исследователи просили опрашиваемых выделить наиболее значимые черты, присущие современной российской молодежи, и их выбор относился не к каким-то «другим» людям: фактически опрашиваемые называли свои черты, свои нравственные приоритеты, свое понимание того, каким должен быть молодой человек в нынешних социальных, экономических и политических условиях.

Портрет среднестатистического молодого человека современной России получился таким: уверенный в себе оптимист с ярко выраженной индивидуальностью, коммуникабельный, старающийся быть активным и бескорыстным, не всегда честный, скорее жадный, чем щедрый, скорее жестокий, чем сострадающий, чаще проявляющий злость, чем доброжелательность. Таким образом, в обществе с разрушенной системой воспитания, с отрицанием достижений предыдущего периода истории, с прославлением в СМИ и рекламе человека, в прошлом слабого в школе ученика, которого никто, даже родители, не любит и не понимает, но которому неведомая удача/судьба приносит щедрые дары в виде всеобщего признания (в основном в музыке) и огромных, фантастических денег, лидирующими чертами молодежи стали отрицательные — равнодушие, злость, хамство, зависть, лень, жадность и, в первую очередь, эгоизм. То исследование показало, что в молодежной среде укрепились индивидуализм и эгоизм как основа ценностных ориентаций, и во многих исследованиях 2000—2010-х годов эта тенденция была подтверждена.

Оба эти качества — индивидуализм и эгоизм — тесно связаны, можно сказать, что одно предполагает другое, причем оба качества нельзя обозначить ни знаком «плюс», ни знаком «минус» — решающее значение имеет степень, мера того или другого. Понятен эгоизм как способ самосохранения, приемлем индивидуализм, когда речь идет о выдающейся личности, гении, но эгоизм и ин-

дивидуализм невежественного человека — это, как правило, общественное зло, особенно если с эгоизмом соседствуют злость, жадность, лень, равнодушие и агрессивность: если соединить в человеке «ярко выраженную индивидуальность» и «ярко выраженный эгоизм» с этими качествами, то от него не приходится ждать добрых поступков — напротив, авантюры, агрессии и жестоких действий ради достижения своих целей. Если мы попробуем составить обобщенный портрет, скажем, российского олигарха, то обнаружим в нем именно эти качества.

Но, может быть, в студенческой среде все обстоит иначе, тем более в столице, которая по многим параметрам отличается от российской провинции? И ценностные ориентиры московской студенческой молодежи не похожи на те, что были представлены в 2011 году Общественной палатой России? С 2012 года мы ежегодно предлагали студентам Московского гуманитарного университета вопрос и варианты ответов в формате исследования 2011 года. Все эти годы мы получали расходящиеся в деталях, но в главном очень близкие результаты (сплошной опрос, охват респондентов — 70—80% обучающихся очной формы всех факультетов): студенты характеризуют молодежь, к которой сами принадлежат, как агрессивную, циничную, ленивую (от 40% до 70%). В молодежной среде сохраняется критическое отношение к своему поколению: высшие моральные ценности — патриотизм, трудолюбие, честность, благородство, духовность — в обобщенном портрете российской молодежи, созданном ею самой, в том числе московскими студентами, почти не видны.

Данные последнего опроса (2019) в Московском гуманитарном университете подтверждают эту картину (N = 805). В таблице 1 представлены данные исследований 2015 и 2012 годов с выделением тех же качеств, что в исследовании Общественной палаты 2011 года. За периоды между опросами контингент студентов полностью сменился, новые поколения не могли использовать свои более ранние ответы или опереться на уже освоенную практику «правильных» (ожидаемых исследователями) ответов. В таблицах 1 и 2 перечень качеств представлен в соответствии со снижением доли выборов в 2019 году.

Таблица 1

10 самых популярных ответов на вопрос «Какие, по Вашему мнению, личностные качества наиболее характерны для российской молодежи?», в %

Качества	2019	2015	2012
Лень	48,2	58,3	54,8
Эгоизм	42,9	45,7	40,1
Коммуникабельность	35,1	30,1	38,7
Безответственность	34,3	39,3	39,5
Агрессивность	31,2	31,4	35,6
Самостоятельность	28,8	23,4	29,5
Равнодушие	26,7	31,1	37,7
Оптимизм	26,2	25,9	27,1
Наивность	25,3	22,8	15,7
Цинизм	25,1	29,2	26,1

Таблица 2

10 реже всего выбираемых ответов на вопрос «Какие, по Вашему мнению, личностные качества наиболее характерны для российской молодежи?», в %

Качества	2019	2015	2012
Открытость	19,9	14,3	12
Доброта	19,6	14,1	10,4
Предприимчивость	18,8	12,8	18,5
Инициативность	17	11,4	13,6
Жадность	13,4	15,4	12,9
Рационализм	11,8	8,2	9,4
Ответственность	10,5	6,1	7,9
Честность	10,3	6,1	5,6
Патриотизм	6,4	16,2	7,3
Совестливость	3,2	3,9	2,2

Итак, сменились годы (с 2012 до 2019), трижды полностью сменились контингенты студентов, несколько изменились доли ответов, но в принципе рейтинг качеств остался тем же: в нем есть качества, ожидаемые от молодежи в обществе, признающим традиционные ценности (коммуникабельность, самостоятельность), но большинство из них устойчиво оказываются во второй таблице, т.е. выбираются студентами реже всего: доброта, ответственность, честность и совестливость не признаются студентами как свойственные российской молодежи. Особого комментария заслуживает «патриотизм», поскольку исследования нередко показывают высокую долю студентов, разделяющих ценности патриотизма: «Чаще патриотизм у молодежи ассоциируется с любовью к Родине (75,5%), к национальной культуре (62,1%) и гордостью за свою страну (61,3%). Далее следуют любовь к своему родному городу (41,4%), любовь к своей семье, близким (33,3%), стремление к социальной справедливости (23,4%), прославление побед Родины (21,1%)» [7. С. 329]. На этом фоне приведенные данные кажутся сомнительными, но это как раз тот случай, когда положительное отношение к ценности не означает, что оно идентифицируется с чертой, свойственной молодежи. Кроме того, в 2015 году показатель вдруг вырос в 2,2 раза, а в 2019 году вернулся к исходному уровню: если учесть, что на 2014 год пришелся пик украинских событий, то взлет показателя в 2015 году вполне объясним, как и то, что впоследствии эта эмоциональная волна себя исчерпала. Но важнее другое: патриотизм оценивается в студенческой среде как наименее присущая российской молодежи черта.

Некоторые свойства оцениваются как в разной мере представленные у мужчин и женщин: так, по данным 2019 года, лень отмечают как присущую молодежи 52,1% студентов-мужчин и 46,2% женщин, напротив, эгоизм отмечают 39,4% мужчин и 44,7% женщин. Намного ближе выборы свойства «безответственность» — здесь, видимо, сказывается жизненный опыт и различие в понимании некоторых слов. Но даже с учетом названных различий рейтинг свойств у мужчин и женщин почти тот же, и примерно такая же картина складывается и по возрасту опрашиваемых. Интересно, что в оценке открытости лидируют девушки (22,4% против

15%) и предприимчивости (21,4% против 13,6%), но противоположна оценка патриотизма (4,3% против 10,3%), и только честность не имеет гендерных различий. Ситуация схожих рейтингов подтверждает, что в обществе воспроизводятся ценностные ориентации, не опирающиеся на устоявшиеся нормы, а отражающие позиции, которые в новых поколениях формируются всем комплексом социализационных влияний, свойственным переходному обществу, не определившемуся в отношении своих целей и порождающему индивидуализм.

Это подтверждается нашим многолетним исследованием на основе применения одной и той же шкалы: здесь не было повторов долей (так, лень как характерную для российской молодежи черту в 2014 году называли 58,3%, в 2015 — 50,8%, в 2016 — 58,6%; эгоизм — соответственно 37%, 45,7% и 42,3%; безответственность — 37,8%, 39,3% и 37% и т.д.), но рейтинг черт практически не менялся, и в число самых популярных позиций никогда не попадали доброта, ответственность или честность. За время проведения ежегодных опросов трижды полностью сменился контингент студентов, но никакие внешние события — «цветные» революции, финансовые кризисы, воссоединение Крыма с Россией, смены правительств, легализация в некоторых странах однополых браков, миграция миллионов беженцев в Европу и т.д. — на расстановку позиций в студенческих выборах принципиально не повлияли, и даже обычные для социологии гендерные различия в конечном счете оказались несущественными.

Это значит, что индивидуализм как основа ценностной системы укрепился в студенческой среде. Он не присущ всем студентам (в некоторых исследованиях характерен для 1/3 [3. С. 205]), но стал фактором, который невозможно игнорировать и не учитывать в воспитательной работе в вузах. А в это время в документах, принимаемых властью, воспитание относится исключительно к детям или вузам предписываются требования частного характера (например, отражение в индивидуальном плане преподавателя воспитательной деятельности наряду с учебной и научной, что в 2015 году вошло в Стандарт организации воспитательной деятельности образовательных организаций высшего образования [18]). Ценностные изменения в среде студентов создатели таких стандартов не замечают, однако движение от ценностей коллективизма, формируемых всеми средствами воспитания молодых поколений в советское время, к ценностям индивидуализма — не частная проблема, поскольку она порождает сбои в идентификации и в конечном счете способна стать проблемой национальной безопасности, когда теряются общенациональные ценностные ориентиры.

Можно ли считать, что исследование 2011 года выявило проблему, которую поздно уже было решать? Тем более что сами исследователи, готовившие доклад для Общественной палаты, не считали, что укрепление индивидуализма среди молодежи является проблемой, напротив, они в этой тенденции видели новые веяния эпохи, закрывая глаза на свидетельства, что здесь не все так однозначно и просто. Мы предложили студентам, помимо воспроизведенного из инструментария 2011 года вопроса, три открытых вопроса, выявляющих их ценностные ориентации в отношении близких людей, того, что они ожидают от своего окружения и планируют воспитать в своих детях. Хотя на вопросы отвечали те же

студенты, которые только что показали устойчивую тенденцию к индивидуализму и опоре лишь на свои силы, дополнительные данные прямо противоречили этому: ответы студентов в 2015 и 2019 годы показали, что дело не во временных всплесках, а в устойчивой тенденции, противостоящей той, что обнаружилась в исследовании 2011 года (табл. 3—5).

Таблица 3

10 наиболее популярных ответов студентов на открытый вопрос «Какие личностные качества Вы цените в других людях?» (2019)

Качества	%
Честность	41,8
Доброта	24,2
Ответственность	17,6
Целеустремленность	11,9
Открытость	8,7
Коммуникабельность	7,9
Искренность	6,8
Отзывчивость	5,9
Пунктуальность	5,2
Доброжелательность	4,5

Таблица 4

10 наиболее популярных ответов студентов на открытый вопрос «Какие качества Вы хотели бы перенять от Ваших родителей?» (2019)

Качества	%
Целеустремленность	13,7
Трудолюбие	9,1
Ответственность	7,2
Доброта	6,4
Стрессоустойчивость	5,1
Терпение	4
Коммуникабельность	4,1
Уверенность	3,8
Мудрость	3,2
Оптимизм	2,9

Таблица 5

10 наиболее популярных ответов студентов на открытый вопрос «Какие качества Вы хотели бы воспитать в Ваших детях?» (2019)

Качества	%
Честность	26,9
Доброта	25,6
Ответственность	17,3
Целеустремленность	14,3
Самостоятельность	8,6
Трудолюбие	6,4
Коммуникабельность	5,9
Уверенность	4,8
Уважение	4
Отзывчивость	3,5

В силу того, что вопросы открытые, полученные данные не должны сопоставляться с долями в закрытых вопросах, здесь важно другое: во все этих трех случаях студенты не называли черт, не одобряемых в обществе советского периода, где индивидуализм не приветствовался. В ответах на вопрос о том, что студенты ценят в других людях, встречаются и такие качества, как милосердие, совесть, широкое кругозор, откровенность, стремление к новому и т.д., причем из примерно 50 качеств нет ни одного, что напоминало бы отрицательные черты из таблицы 1. С родителями не у всех студентов хорошие отношения, но в перечне черт, которые они бы хотели заимствовать у родителей, есть открытость и стремление к высшему идеалу, порядочность и сдержанность, но крайне редко (на уровне единичных ответов) те, что не одобряются в обществе (пофигизм, хитрость, «хождение по головам»). Надежды на воспитание детей наполнены (особенно у женщин) ценностями жизни, где царят красота и любовь, — это упорство, усидчивость, верность, инициативность и десятки других.

Возможно, те, кто говорит о лени и эгоизме российской молодежи, та треть, что считает безответственность ее ведущей характеристикой, и те, что хотят воспитать в своих детях честность, — это не совпадающие группы, носители разных мнений в студенческой среде? Анализ данных показывает, что это не так, т.е. противоположные позиции уживаются в одних и те же молодых людях, а, значит, воспитательная работа вуза не бессмысленна, не лишена перспектив, но лишь тогда, когда вуз не прячется от укрепляющихся среди студентов тенденций индивидуализма. Исследования показывают, что для группы молодых ориентация на индивидуализм становится частью повседневности. Вуз способен в известных пределах влиять на студентов и переносить эту ориентацию в осмысленное поле жизнедеятельности и перспектив российского общества, но только если органы образования не проводят мониторинг воспитательной деятельности вуза по формальным показателям кадровой и материально-технической обеспеченности. Главное — в том, какую консолидирующую идею закладывает государство в свою концепцию воспитания новых поколений. Однако на этот сложный вопрос не ответила принятая в 2015 году Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [19]. Не удалось и попытки воссоздать единую массовую молодежную организацию взамен комсомола, самоликвидировавшегося после ухода с исторической сцены советской власти, единой правящей партии и государственной идеологии: непонятно, как новая молодежная организация могла бы строить работу с подрастающими поколениями, на каком языке с ними говорить, какими информационными технологиями пользоваться, если меняются ценности молодежи.

Библиографический список

- [1] Вызовы цифрового будущего и устойчивое развитие России: Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2017—2018 годах / Под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовцевой. М., 2018.
- [2] Головчин М.А., Мкоян Г.С. Молодое поколение постсоветских стран в зеркале жизненных ценностей и стратегий: на примере России и Армении // Молодежь и молодежная политика: Новые смыслы и практики / Под ред. С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской. М., 2019.

- [3] Григорьева Е.В., Хакимова Н.Р., Левченко А.П. Патриотизм и тип ценностных ориентации личности студентов вуза // *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2017. № 4.
- [4] Духанина Л. Поколение выбравших Пепси // <http://www.specletter.com/obcshestvo/2011-06-27/pokolenie-vybravshih-pepsi.html>.
- [5] Зайцева И.А. К вопросу о ценностных ориентациях молодежи малых городов // *Молодежь и молодежная политика: Новые смыслы и практики* / Под ред. С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской. М., 2019.
- [6] *Здравомыслов А.Г.* Потребности, интересы, ценности. М., 1986.
- [7] Иванова Н.А. Формирование патриотических ценностей студентов как одна из социально-управленческих задач государства // *Здоровье и образование в XXI веке*. 2017. Т. 19. № 12.
- [8] Иконникова С.Н., Лисовский В.Т. Молодежь о себе, о своих сверстниках. Л., 1969.
- [9] Ильинский И.М. Воспитание в индивидуализированном обществе // *Знание. Понимание. Умение*. 2011. № 4.
- [10] Ильинский И.М., Луков В.А. О перспективах развития организованного молодежного движения в России (социально-философские, социологические, политико-правовые аспекты) // *Знание. Понимание. Умение*. 2016. № 1.
- [11] Комплексное социологическое исследование «Современная система высшего образования глазами студентов, аспирантов и профессорско-преподавательского состава МГУ имени М.В. Ломоносова» // <http://vshssn.msu.ru/nauka-3>.
- [12] Лебедева Н.М. Базовые ценности русских на рубеже XXI века // *Психологический журнал*. 2000. Т. 21. № 3.
- [13] Лисовский В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб., 2000.
- [14] Мартыненко О.О., Коротина О.А. Ценностные ориентации студенческой молодежи // *Высшее образование в России*. 2016. № 8—9.
- [15] Почебут Л.Г. Психология и ценностные ориентации русского народа // *Этническая психология и общество*. М., 1997.
- [16] Ростовская Т.К., Калиев Т.Б. Ценностные ориентиры современной молодежи: особенности и тенденции. М., 2019.
- [17] Российская молодежь: социально-демографический портрет и система ценностей в контексте многонациональной основы российского государства / Под ред. С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской. М., 2017.
- [18] Социальный портрет молодежи Российской Федерации: аналитический доклад // Текущий архив ОП РФ, 2011.
- [19] Стандарт организации воспитательной деятельности образовательных организаций высшего образования // https://www.tvversu.ru/structure/uvr/docs/standart_vd.pdf.
- [20] Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года // <http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHlBitwN4gB.pdf>.
- [21] Сурина И.А. Ценности. Ценностные ориентации. Ценностное пространство: Вопросы теории и методологии. М., 1999.
- [22] Сурина И.А. Ценностные ориентации как предмет социологического исследования. М., 1996.
- [23] Тарасевич И.В. Ценностные ориентации современного студенчества // *Образование и наука*. 2012. № 2.
- [24] Alcohol: Facts and Statistics // <https://www.niaaa.nih.gov/alcohol-facts-and-statistics>.
- [25] Global Status Report on Alcohol and Health. Luxembourg, 2014.
- [26] Moonat S., Pandey S.C. Stress, epigenetics, and alcoholism // *Alcohol Research: Current Reviews*. 2012. Vol. 34. No. 4.
- [27] Potter J.V. Substances of Abuse. Vol. 2. Redding, 2007.
- [28] Rokeach M. The Nature of Human Values. Free Press, 1973.
- [29] Rokeach M. Beliefs, Attitudes, and Values: A Theory of Organization and Change. Jossey-Bass, 1975.

Moscow students: Changes in value orientations*

I.M. Ilyinsky, V.A. Lukov

Moscow University for Humanities
Yunosti St., 5, Moscow, 111395, Russia
(e-mail: iilinskiy@mosgu.ru; v-lukov@list.ru)

Abstract. The article considers the stable ideas of the significant part of the Moscow students when assessing personal qualities typical for the Russian youth. The study presented in the report of the Public Chamber of the Russian Federation in 2011 identified a high level of the youth's criticism when assessing one's generation and emphasizing its egoism and irresponsibility. In the surveys conducted in the Moscow University for Humanities in 2011—2019, a part of the same questionnaire was used to assess the qualities of the contemporary Russian youth, and the results were the same. In the ranking of such qualities in 2019, the first 10 positions were taken by laziness, selfishness, sociability, irresponsibility, aggressiveness, independence, indifference, optimism, naivety and cynicism, i.e. together with positive features there are qualities traditionally considered in the Russian society as unacceptable. The last 10 positions were taken by openness, kindness, pushfulness, initiative, greed, rationalism, responsibility, honesty, patriotism and conscientiousness. Thus, the highly appreciated by the society moral qualities are presented in the students' estimates as not typical for the youth. The additional open questions clarifying the value orientations of students in terms of their estimates of such attitudes of people in the past, present and future showed that in older generations and one's social circle the student youth appreciate the most the socially valued qualities and want their children in the future to have such. The ranking of such qualities starts with honesty, kindness, responsibility, purposefulness, openness, sociability, sincerity, responsiveness, punctuality and goodwill. The contradictions between the estimates of the youth qualities and the expected qualities of one's social circle have been repeatedly confirmed at the empirical level. However, this is not a feature of the student youth but rather a result of the social anomie in the sphere of value orientations in the transition period. The authors believe that the transformation trend of students' value orientations towards individualism is stable but not typical for the youth in general.

Key words: youth; values; Moscow students; sociology of youth; value orientations; education; university

References

- [1] *Vyzovy tsifrovogo budushchego i ustojchivoe razvitie Rossii: Sotsialno-politicheskoe polozhenie i demograficheskaya situatsiya v 2017—2018 godah* [Challenges of the Digital Future and Sustainable Development of Russia: Social-Political and Demographic Situation in 2017—2018]. Pod red. G.V. Osipova, S.V. Ryazantseva, V.K. Levashova, T.K. Rostovtsevoj. Moscow, 2018 (In Russ.).
- [2] Golovchin M.A., Mkoyan G.S. Molodoe pokolenie postsovetskih stran v zerkale zhiznennyh tsennostej i strategij: na primere Rossii i Armenii [The younger generation of post-Soviet countries in the mirror of life values and strategies: An example of Russia and Armenia]. *Molodezh i molodezhnaya politika: Novye smysly i praktiki*. Pod red. S.V. Ryazantseva, T.K. Rostovskoj. Moscow, 2019 (In Russ.).
- [3] Grigorieva E.V., Khakimova N.R., Levchenko A.P. Patriotizm i tip tsennostnyh orientatsiy lichnosti studentov vuza [Patriotism and the type of personal value orientations of university students]. *Professionalnoe Obrazovanie v Rossii i za Rubezhom*. 2017; 4 (In Russ.).

* © I.M. Ilyinsky, V.A. Lukov, 2020.

The article was submitted on 07.11.2019. The article was accepted on 20.11.2019.

- [4] Dukhanina L. Pokolenie vybravshih Pepsi [Generation that chose Pepsi]. <http://www.specletter.com/obshchestvo/2011-06-27/pokolenie-vybravshih-pepsi.html> (In Russ.).
- [5] Zaytseva I.A. K voprosu o tsennostnykh orientatsiyakh molodezhi malyykh gorodov [On the value orientations of the youth in small towns]. *Molodezh i molodezhnaya politika: Novye smysly i praktiki*. Pod red. S.V. Ryazantseva, T.K. Rostovskoj. Moscow; 2019 (In Russ.).
- [6] Zdravomyslov A.G. *Potrebnosti, interesy, tsennosti* [Needs, Interests, Values]. Moscow; 1986.
- [7] Ivanova N.A. Formirovaniye patrioticheskikh tsennostey studentov kak odna iz socialno-upravlencheskikh zadach gosudarstva [The formation of students' patriotic values as one of the social-administrative tasks of the state]. *Zdorovie i Obrazovanie v XXI Veke*. 2017; 19 (12) (In Russ.).
- [8] Ikonnikova S.N., Lisovsky V.T. *Molodezh o sebe, o svoikh sverstnikakh* [Youth about Themselves and Their Peers]. Leningrad; 1969 (In Russ.).
- [9] Ilyinsky I.M. Vospitanie v individualizirovannom obshchestve [Upbringing in an individualized society]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2011; 4 (In Russ.).
- [10] Ilyinsky I.M., Lukov V.A. O perspektivakh razvitiya organizovannogo molodezhnogo dvizheniya v Rossii (socialno-filosofskie, sociologicheskie, politiko-pravovyye aspekty) [On the prospects for the development of the organized youth movement in Russia (social-philosophical, sociological, political-legal aspects)]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2016; 1 (In Russ.).
- [11] Kompleksnoye sociologicheskoye issledovaniye "Sovremennaya sistema vysshego obrazovaniya glazami studentov, aspirantov i professorsko-prepodavatel'skogo sostava MGU imeni M.V. Lomonosova" [A complex sociological study "Contemporary system of higher education through the eyes of students, graduate students and teachers of the Lomonosov Moscow State University"]. <http://vshssn.msu.ru/nauka-3> (In Russ.).
- [12] Lebedeva N.M. Bazovyye tsennosti russkikh na rubezhe XXI veka [Basic values of Russians at the turn of the 21st century]. *Psikhologicheskiy Zhurnal*. 2000; 21 (3) (In Russ.).
- [13] Lisovsky V.T. *Duhovnyy mir i tsennostnyye orientatsii molodezhi Rossii* [Spiritual World and Value Orientations of the Russian Youth]. Saint Petersburg; 2000 (In Russ.).
- [14] Martynenko O.O., Korotina O.A. Tsennostnyye orientatsii studencheskoy molodezhi [Value orientations of the student youth]. *Vyshee Obrazovanie v Rossii*. 2016; 8—9 (In Russ.).
- [15] Pochebut L.G. Psihologiya i tsennostnyye orientatsii russkogo naroda [Psychology and value orientations of the Russian people]. *Etnicheskaya psikhologiya i obshchestvo*. Moscow; 1997 (In Russ.).
- [16] Rostovskaya T.K., Kaliev T.B. *Tsennostnyye orientiry sovremennoy molodezhi: osobennosti i tendentsii* [Values of the Contemporary Youth: Features and Trends]. Moscow; 2019 (In Russ.).
- [17] *Rossiyskaya molodezh: socialno-demograficheskiy portret i sistema tsennostey v kontekste mnogonatsionalnoy osnovy rossiyskogo gosudarstva* [The Russian Youth: A Social-Demographic Portrait and Value System in the Multinational Russian State]. Pod red. S.V. Ryazantseva, T.K. Rostovskoj. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [18] Socialnyy portret molodezhi Rossiyskoy Federatsii: analiticheskiy doklad [Social Portrait of the Russian Youth: An analytical report]. Tekushchiy arkhiv OP RF, 2011 (In Russ.).
- [19] Standart organizatsii vospitatel'noy deyatel'nosti obrazovatel'nykh organizatsiy vysshego obrazovaniya [Standard for the Organization of Upbringing Activities of the Higher Education Organizations]. https://www.tversu.ru/structure/uvr/docs/standart_vd.pdf (In Russ.).
- [20] Strategiya razvitiya vospitaniya v Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda [Strategy for the Development of Education in the Russian Federation until 2025]. <http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHIBitwN4gB.pdf> (In Russ.).
- [21] Surina I.A. *Tsennosti. Tsennostnyye orientatsii. Tsennostnoye prostranstvo: Voprosy teorii i metodologii* [Values. Value Orientations. Value Space: Issues of Theory and Methodology]. Moscow; 1999 (In Russ.).
- [22] Surina I.A. *Tsennostnyye orientatsii kak predmet sociologicheskogo issledovaniya* [Value orientations as an object of sociological research]. Moscow; 1996 (In Russ.).

- [23] Tarasevich I.V. Tsennostnye orientatsii sovremennogo studenchestva [Value orientations of the contemporary students]. *Obrazovanie i Nauka*. 2012; 2 (In Russ.).
- [24] Alcohol: Facts and Statistics. <https://www.niaaa.nih.gov/alcohol-facts-and-statistics>
- [25] *Global Status Report on Alcohol and Health*. Luxembourg; 2014.
- [26] Moonat S., Pandey S.C. Stress, epigenetics, and alcoholism. *Alcohol Research: Current Reviews*. 2012; 34 (4).
- [27] Potter J.V. *Substances of Abuse*. Vol. 2. Redding; 2007.
- [28] Rokeach M. *The Nature of Human Values*. Free Press; 1973.
- [29] Rokeach M. *Beliefs, Attitudes, and Values: A Theory of Organization and Change*. Jossey-Bass; 1975.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-64-72

NEET-молодежь: европейский контекст и российские реалии*

М.Б. Буланова¹, Е.А. Артамонова²

¹Российский государственный гуманитарный университет
Миусская пл., 6, Москва, 125993, Россия

²Московский физико-технический институт
Институтский пер., 9, Долгопрудный, 141701, Россия
(e-mail: rsuh@rsuh.ru; info@mipt.ru)

В статье предпринята попытка определить особенности и представить социальный портрет NEET-молодежи в европейском и российском контекстах. С феноменом NEET развитые европейские страны столкнулись в конце XX — начале XXI века: согласно Евростату, к этой группе относятся молодые люди 15—24 лет, безработные или экономически неактивные, которые не учатся и не проходят профессиональную подготовку, — на 2017 год они составляли в среднем 14,7% трудоспособного населения европейских стран. В России численность NEET находится на общеевропейском уровне — 15% молодежи соответствующего возраста. В соответствии с классификацией Международной организации труда (МОТ) в структуре NEET выделены две группы: NEET-безработные и NEET-неактивные. Авторы статьи предлагают считать определяющим фактором отнесения к группе NEET нежелание работать и учиться, т.е. критерием NEET-молодежи является отнесение ее представителей к неработающим (а не к безработным) и не обучающимся (а не к экономически неактивным). Речь идет о формах «социального иждивенчества», затрудняющих изучение этой группы. В статье анализируются объективные и субъективные причины появления группы, а также социальные последствия пребывания в группе NEET, представители которой стараются извлечь выгоду из сложившегося положения. Авторы показывают, что оценка положения NEET-молодежи как маргинального, т.е. переходного и неустойчивого, побуждает европейские государства к оказанию ей помощи по выходу из состояния не-работы и не-учебы. В статье приводятся примеры такой работы в Италии, Великобритании, Польше, Испании и Нидерландах.

Ключевые слова: молодежь; NEET-молодежь; неработающая молодежь; не обучающаяся молодежь; социальное иждивенчество; государственная поддержка

Современная молодежь представляет собой неоднородную общность, в последнее время пополняющуюся специфической группой NEET (Not in Employment, Education or Training). В конце XX века внимание европейских исследователей привлекла особая группа, состоящая преимущественно из молодежи, отдельные представители которой получали пособие по безработице, но отказывались проходить профессиональное переобучение в целях трудоустройства. В 1999 году в докладе Правительства Великобритании была предпринята попытка выделить эту группу молодежи 16—18 лет, обозначив ее как NEET, т.е. не имеющую постоянного места учебы или работы и не участвующую в профессиональной подготовке [10]. В дальнейшем термин NEET стал использоваться в официальных документах Евросоюза в отношении молодежи в возрасте 15—24 лет.

* © Буланова М.Б., Артамонова Е.А., 2020.

Статья поступила 02.09.2019 г. Статья принята к публикации 30.10.2019 г.

Численность и состав NEET

С 2010 года Евростат собирает статистику по NEET-молодежи (масштабы, динамика, отличительные характеристики) на основе общенациональных обследований рабочей силы в каждой европейской стране. Показатель доли представителей NEET рассчитывается отдельно для групп 15—19 и 20—24 лет. В 2011 году почти 7,5 млн 15—24-летних находились за пределами официальных сфер образования и труда. Доля NEET составила в среднем 13% от общей численности европейской молодежи: в Ирландии, Италии и Испании — 17%, в Люксембурге и Нидерландах — около 7% [15]. В последние годы возрастные границы NEET, установленные для европейских стран, увеличились — 15—34 лет. По данным за 2017 год в Европе численность NEET-молодежи в среднем составляет 14,7% трудоспособного населения, и этот показатель связан со статистикой молодежной безработицы. Например, максимальная численность NEET в Италии — 25,5% и Греции — 24,2%, средняя — в Испании (17,9%) и Польше (14,3%), минимальная — в Норвегии (7,9%) и Исландии (4,5%) [11].

Согласно рекомендациям Международной организации труда (МОТ), в составе NEET выделяют две группы — безработные и экономически неактивные, и обе оцениваются как доли всего населения в возрасте 15—24 лет, а не только рабочей силы. Однако следует учесть тот факт, что в этом возрасте общие показатели безработицы и экономической неактивности недостаточно информативны, так как многие молодые люди продолжают обучение, которое является для них основным занятием [8. С. 202]. По данным Обследования населения по проблемам занятости (ОНПЗ) Росстата за 2015 год, доля NEET-молодежи среди 15—24-летних россиян составила 12% (NEET-безработные — 5%, экономически неактивные — 7%) [2]. В последнее время в России фиксируется рост данного показателя, однако общая численность NEET-молодежи остается на уровне среднеевропейских значений. Так, по данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ, доля NEET-молодежи в 2016 году составила около 15% молодежи в возрасте 15—24 лет [5].

Предложенная МОТ конкретизация состава NEET показывает наметившуюся тенденцию к расширительной трактовке этой группы. С одной стороны, к NEET отнесены временно неактивные молодые люди, имеющие договоренности о работе и учебе и собирающиеся приступить к ней ближайшее время; краткосрочно безработные, которые официально зарегистрированы как безработные и пребывают в этом статусе менее года; длительно безработные — молодые люди, не имеющие работу более года. С другой стороны, в NEET попала молодежь, экономически неактивная по причине болезни и инвалидности, в связи с выполнением семейных обязанностей, а также отчаявшиеся молодые люди, которые прекратили активные поиски рабочего места [2].

Классификация отражает реальное положение молодежи на рынке труда, в первую очередь факт молодежной безработицы. Однако во всех описанных случаях большая часть безработных молодых людей активно стремится найти работу и готова сразу приступить к ней в случае приемлемого предложения работодателя. Эта часть молодежи часто прибегает к официальным методам поиска работы (регистрация на бирже труда) или обучения (продолжение образования, переква-

лификация). В таком случае не совсем понятно, как исследователи смогут выделить представителей NEET из общей группы безработной молодежи. Что касается экономически неактивных по причине болезни и инвалидности или в связи с выполнением семейных обязанностей, то эти представители молодежи, как правило, не исключены из социальной жизни, а используют альтернативные варианты трудоустройства и обучения. Кроме того, у любого молодого человека есть шанс хотя бы раз в жизни попасть в описанные ситуации. Пожалуй, только группа отчаявшихся, сознательно отказавшихся от поиска работы, представляет интерес с точки зрения критериев выделения группы NEET.

На наш взгляд, определяющим фактором отнесения молодежи к группе NEET является ее нежелание работать и учиться. Эта группа включает молодых людей, которые не всегда могут указать причину своей неактивности, но всегда сознательно отказываются от работы и учебы, т.е. более точным критерием NEET-молодежи является отнесение ее представителей к неработающим (а не к безработным) и к не обучающимся (а не к экономически неактивным). Если попытаться классифицировать такую группу NEET, то можно получить полярную версию социальной стратификации: дети представителей «социального дна», которые наследуют практики утративших социальную идентичность родителей, предпочитающих жить за счет общества (нищие, бездомные и др.); те, кто даже не пытался выйти на рынок труда, получить или продолжить свое образование. Однако нельзя отнести NEET полностью к представителям андеркласса — это могут быть дети вполне благополучных родителей, которые предпочитают заниматься духовными практиками, хобби, отправиться в путешествие, годами думать о смысле жизни и своем предназначении. Впрочем, в обоих случаях речь идет о формах «социального иждивенчества», затрудняющих как изучение этой группы, так и установление контактов с ней.

Часть европейских исследователей также считает, что отнесение NEET (по классификации MOT) к безработным и экономически неактивным представителям молодежи недостаточно для выделения этой группы, и предлагают, например, считать NEET группой риска (добровольного или вынужденного) с точки зрения развития и использования личного жизненного потенциала [14]. Однако здесь речь идет скорее о последствиях попадания молодежи в группу NEET, чем о критериях ее выделения.

Причины появления NEET

Понимание NEET как группы социального иждивенчества позволяет выделить объективные и субъективные причины ее появления. К объективным причинам можно отнести следующие:

- NEET появились вследствие сокращения трудовой занятости под влиянием крупных изменений современного производства (автоматизация, гибкие системы, роботизация). Например, в отчете Глобального института McKinsey (MGI) «Будущее, которое работает: автоматизация, занятость и производительность» утверждается, что к 2055 году половина рабочих мест в мире может быть автоматизирована [13]. Это означает, что произойдет массовое

высвобождение рабочей силы, нуждающейся в трудоустройстве, что позволит части молодежи не выходить на рынок труда.

- Высокий уровень экономического развития ряда стран (европейских), достигших стадии общества массового потребления, позволяет гарантировать обеспечение проблемных групп населения (безработных, пенсионеров, инвалидов, мигрантов, многодетных семей и др.). Наряду с этими группами существование NEET поддерживают реалии социальной политики развитых государств мира.
- Еще одна причина — девальвация в современном обществе установки на получение образования. NEET — часть поколения Z, ориентированного на досуг и соответствующие системы ценностей. Европейские исследователи отмечают, что для представителей этого поколения ценности работы и образования менее важны, чем ценности отдыха и обладания разными гаджетами [22].
- На формирование NEET оказывают влияние размер социального капитала современной семьи. Для европейских семей характерно неравенство возможностей первоначального обеспечения и поддержки детей: чтобы ребенок смог продолжить учебу или найти хорошее место работы, требуются немалые материальные вложения, которые зачастую отсутствуют.
- Не менее важна и специфика социально-экономического развития страны. Например, в Италии распространен семейный бизнес, который чаще всего оформлен на родителей, а дети участвуют в нем неофициально, в статистике попадая в группу тех, кто не работает и не учится [9].

В качестве субъективных причин появления NEET можно назвать следующие.

- Прежде всего, отсутствие индивидуальных стимулов для работы и учебы. Если П. Сорокин считал, что образование — «социальный лифт», позволяющий достигнуть высших социальных позиций (вертикальная мобильность), то в современном обществе ситуация изменилась. Например, согласно данным исследований [см., напр.: 3], социальное положение и престиж человека в российском обществе определяют, в первую очередь, деньги, власть и связи с нужными людьми, тогда как образование входит в разряд личных качеств, влияющих на продвижение по социальной лестнице, в последнюю очередь. Кроме того, программы социальной помощи, а подчас и материальная поддержка семьи делают работу для представителей NEET-молодежи скорее желательной, чем обязательной. В ситуации выбора молодые люди занимают выжидательную позицию, дожидаясь, когда предложение работы или обучения станет для них интересным и выгодным.
- Нахождение в группе NEET может быть своеобразной формой протеста части молодежи против общественных требований обязательно работать или учиться. В данном случае речь идет о добровольной социальной изоляции: например, хикикомори (находящиеся в уединении) в Японии получили официальный статус лиц, добровольно изолирующих себя от общества на срок более шести месяцев [16].
- Не справляясь с натиском глобализации и экономической нестабильности, а также с личными проблемами, часть молодежи становится бродягами, обры-

вая связи с семьей и друзьями [7]. У некоторых подростков фиксируется дромомания — психическое состояние, которое характеризуется непреодолимым желанием вести бродячий образ жизни: они оставляют свой дом без определенной цели или маршрута, их не волнуют последствия. К бродяжничеству могут подтолкнуть не только реальные проблемы, но и нехватка впечатлений и эмоций, незрелость личности.

- Представители NEET-молодежи демонстрируют психотип пользователя социальных сетей, которому присущи информационная анонимность, символизм, цифровые атрибуты и желание укрыться в виртуальной среде от реальной [6].
- К субъективным причинам можно также отнести индивидуальные особенности личности, прежде всего, состояние физического и психического здоровья. Например, молодые люди, злоупотребляющие алкоголем и наркотиками, попадают сначала в вынужденную, а затем и в добровольную изоляцию от общества.

Пребывание молодого человека в статусе NEET оказывает влияние на всю его дальнейшую жизнь, социальное и экономическое благополучие.

Последствия пребывания в NEET

NEET, добровольно занявших статус социального иждивенца, отличает от других групп молодежи то, что они стараются извлечь выгоду из сложившегося положения. Однако пребывание в NEET приводит к социальным последствиям, не всегда осознаваемым этой частью молодежи. Отсутствие привычки к каждодневному труду может стать причиной утраты навыков самообеспечения, которое постепенно будет переноситься на других субъектов (семью, родственников, друзей). Длительная социальная невостреманность может привести к проблемам с физическим и психическим здоровьем. Долгое неучастие в социальной жизни и уход в виртуальную реальность могут способствовать уменьшению потребности в социальных контактах. Кроме того, NEET, как правило, имеют слабое представление о правилах социальной жизни, но крайне подвержены влиянию СМИ и других информационных систем (социальные сети, блоги), в том числе благодаря возможности анонимного представления, порождающей как безответственность, так и нарушение социальных норм.

Появление российской NEET-молодежи пришлось на экономические и политические реформы 1990-х годов. Эта часть молодежи выросла в социально травмированном обществе, пережившем смену вектора политического и экономического развития, разрыв между поколениями, возрастающую социальную напряженность. Порожденное реформами имущественное расслоение в российском обществе, в первую очередь, отразилось на положении молодого поколения: вчерашние дети оказались в известной степени изолированы и от семьи, озабоченной поисками хлеба насущного, и от образовательных учреждений, вступивших в фазу реформирования. Первой группу NEET пополнила молодежь из малоимущих и неблагополучных семей, не имеющих возможности оказать необходимую материальную и духовную поддержку подрастающему поколению. Субъективно это переживалось молодыми людьми как отсутствие четкой жизненной позиции, утрата гражданских и патриотических чувств, стремление к социальной изоляции.

Другая часть NEET вышла из вполне благополучных семей, где предоставленные самим себе и виртуальному миру подростки отправились в «свободный полет» с полным набором инновационных гаджетов, принимая это как должное.

Результатом обеих ситуаций стала экономическая неактивность молодежи. По данным обследования населения по проблемам занятости (ОНПЗ) Росстата, за период 1995—2015 годов тенденция к постоянному снижению экономической активности наблюдалась как у 15—19-летних (с 22,5% до 8,7%), так и у 20—24-летних (с 77% до 58%) [8]. Это соответствовало напряженной ситуации на рынке труда, связанной с запуском механизма «отложенного» старта. Альтернативой трудовой деятельности стало получение и продолжение образования, а его уровень и качество стали индикаторами попадания в группу NEET. Так, недостаточный уровень образования характерен для неактивных NEET, а его невысокое качество — для безработных. В частности, высшее профессиональное образование сопряжено с наибольшими рисками NEET-безработицы, а для тех, кто закончил ПТУ после неполного среднего образования или после выпуска из старшей школы, существует риск перехода в NEET-неактивность [5].

Важным фактором попадания в группу NEET являются установки семьи на поддержку иждивенческих устремлений детей. Это характерно для большей части российских семей, в которых родители согласны обеспечивать ребенка и после достижения им совершеннолетия. Нередки ситуации, когда пенсионеры содержат взрослых детей.

В России проживание в небольших или отдаленных населенных пунктах также становится причиной попадания в NEET-молодежь в связи с трудностью, а иногда и невозможностью найти работу или продолжить образование по месту жительства. По данным Росстата, за период 1995—2015 годов Москва и Санкт-Петербург показали меньший уровень вовлеченности молодежи в группу NEET по сравнению с селами и поселками городского типа. Так, доля NEET-безработных в городах колебалась от 3% до 11%, а в поселках городского типа и селах — от 5% до 14%. Показатели NEET-неактивности в 2015 году составил в городах 9%, а в поселках городского типа и селах — 17%. Причем в областных центрах выше NEET-неактивность и ниже NEET-безработица по сравнению с городами: наибольшая вовлеченность молодежи в группу NEET наблюдается в селах, наименьшая — в областных центрах [5. С. 207].

В последнее десятилетие феномен российской NEET-молодежи стал особенно актуален вследствие сложной демографической ситуации — снижения рождаемости и уменьшения численности трудоспособного населения. Интересные данные получены в ходе исследования, проведенного на базе РМЭЗ НИУ ВШЭ в 2000—2016 годы на выборке, построенной в соответствии с рекомендациями MOT в отношении NEET-молодежи. С одной стороны, средняя вероятность NEET-молодежи остаться безработными составляет 26%, причем у каждого пятого есть шанс изменить свое положение, перейдя в статус неактивного; с другой стороны, почти у 50% высока вероятность в следующем периоде найти работу, и только у 4% есть шанс на обучение [5. С. 208]. Что касается NEET-неактивных, то средняя вероятность остаться в данном состоянии достигает практически 52%, а перейти в состояние безработного — около 15%. Вероятность выйти на работу, прервав состояние неактивности, составляет 28%, т.е. значительно ниже, чем переход

из состояния безработного. Таким образом, статус NEET-безработного — переходный от не-работы к работе, а NEET-неактивного — от не-учебы к обучению. Соответственно, пространство NEET для молодежи — «зал ожидания» работы или учебы [1; 4; 5].

Считая NEET маргинальной группой с неустойчивым положением, европейские государства оказывают молодежи поддержку по выходу из состояния не-работы и не-учебы. В Италии существуют государственные программы и гранты, позволяющие NEET-молодежи получить высшее образование и квалификацию, но только 10% из них заканчивают университеты. Государство финансирует программы по поддержке неработающих NEET, но большинство из них не стремятся выйти на работу. Доступность высшего образования оборачивается желанием выпускников трудоустроиться только на высокооплачиваемые места, а если не получается, то они снова пополняют группу NEET. Итальянские исследователи обращают внимание на то, что у части подростков NEET есть психологические проблемы, связанные с нежеланием войти в мир взрослых [9].

Не только государство, но и общественные организации стремятся помочь NEET преодолеть социальную изоляцию. Например, существуют две программы по поддержке и трудоустройству такой молодежи через интерес к спорту: одна реализуется в Роттердаме (Нидерланды), другая — в Сток-он-Тренте (Великобритания) [20]. В Польше разработана оперативная программа развития знаний (PO WER), позволяющая поддержать NEET-молодежь на этапе выхода на рынок труда, заранее предоставляя ей информацию о специфике предстоящей работы и организации рабочих мест [18]. Также в Польше показывает хорошие результаты образовательный проект RLG (Reaching the Lost Generation), направленный на пробуждение интереса учеников старших классов к индивидуальному предпринимательству [21]. В Испании пытаются предотвратить попадание молодежи в группу NEET средствами специальной программы, облегчающей переход из школы к работе [17]. В России определенная последними исследованиями зависимость попадания молодежи в группу NEET от уровня и качества образования позволяет планировать расширение возможностей обучения, переобучения и последующего трудоустройства для данной группы [1].

Общий вывод европейских исследователей состоит в том, что необходимо отказаться от драматизации ситуации с NEET-молодежью и перестать использовать термин «NEET» как стигму в отношении отдельных людей, поколений и стран [19]. В изучении NEET-молодежи следует учитывать социально-экономическую и культурную специфику стран, выстраивая особую молодежную политику и финансируя целевые программы, призванные помочь молодому поколению перестать быть «потерянным» [12].

Таким образом, NEET-молодежь представляет собой особую социальную группу, сформировавшуюся в силу ряда объективных и субъективных изменений современного общества. Численность, состав и положение NEET-молодежи зависят от социально-экономической и культурной специфики каждой страны, однако появление такой группы всегда вызывает тревогу у общества в связи с возможными рисками ее маргинализации, бедности и социального отчуждения. Европейские исследователи уверены, что только правильно выстроенная молодежная политика смогут вернуть NEET-молодежь из добровольной социальной изоляции.

Кроме того, следует подчеркнуть, что НЕЕТ-молодежь по многим показателям примыкает к прекариату по причине отсутствия социальных связей. Понимание специфики НЕЕТ как группы социального иждивенчества позволяет уточнить в будущих исследованиях не только то, как молодые люди пополняют данную группу, но и то, почему они не хотят ее покидать.

Библиографический список / References

- [1] *Варшавская Е.Я.* Российская НЕЕТ-молодежь: характеристики и типология // Социологические исследования. 2016. № 9 / Varshavskaya E.Ya. Rossiyskaya NEET-molodezh: kharakteristiki i tipologiya [Russian NEET-youth: Features and typology]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2016; 9 (In Russ.).
- [2] *Вишневецкая Н., Зудина А.* Экономически уязвимые группы молодежи в странах ОЭСР и России // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 11 / Vishnevskaya N.T., Zudina A.A. Ekonomicheski uyazvimye gruppy molodezhi v stranakh OESR i Rossii [Economically vulnerable youth in OECD and Russia]. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*. 2018; 62 (11) (In Russ.).
- [3] *Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2000-х гг.)* / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2016 / *Zhiznenny mir rossiyan: 25 let spustya (konets 1980-h — seredina 2000-h gg.)* [The Life World of Russians: 25 Years Later (late 1980s — mid 2000s)]. Pod. red. Zh.T. Toshchenko. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [4] *Зудина А.А.* «Не работают и не учатся»: НЕЕТ-молодежь на рынке труда в России. М., 2017 / Zudina A.A. “*Ne rabotayut i ne uchatsya*”: *NEET-molodezh na rynke truda v Rossii* [“They Do Not Work and Do Not Study”: NEET-Youth in the Russian Labor Market]. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [5] *Зудина А.А.* Дороги, ведущие в НЕЕТ: случай России // Экономический журнал. 2018. Т. 22. № 2 / Zudina A.A. Dorogi, vedushchiye v NEET: sluchay Rossii [Ways to NEET: The case of Russia]. *Ekonomichesky Zhurnal*. 2018; 22 (2) (In Russ.).
- [6] *Курбатов В.И.* NET-мышление: новые реалии информационной эры // Гуманитарий юга России. 2017. Т. 6. № 6 / Kurbatov V.I. NET-myshlenie: novye realii informatsionnoy ery [NET thinking: New realities of the information era]. *Gumanitarny Yuga Rossii*. 2017; 6 (6) (In Russ.).
- [7] *Лиходей О.А.* Субъективные факторы маргинализации. М., 2001 / Likhodey O.A. *Subiektivnye faktory marginalizatsii* [Subjective Factors of Marginalization]. Moscow; 2001 (In Russ.).
- [8] *Тощенко Ж.Т.* Прекариат. От протокласса к новому классу. М., 2018 / Toshchenko Zh.T. *Prekariat. Ot protoklassa k novomu klassu* [Precariat. From Protopclass to the New Class]. Moscow; 2018 (In Russ.).
- [9] Alfieri S., Rosina, A., Sironi, E., Marta E., Manzana D. Who are Italian ‘Neets’? Trust in institutions, political engagement, willingness to be activated and attitudes toward the future in a group at risk for social exclusion. *Rivista Internazionale di Scienze Sociali*. 2015; 123 (3).
- [10] Bridging the Gap: New Opportunities for 16—18 Year Olds Not in Education, Employment or Training. <http://dera.ioe.ac.Uk/15119/2/bridging-the-gap.pdf>.
- [11] Eurostat: Young people neither in employment nor in education and training by sex, age and labor status. http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=edat_lfse_20&lang=en
- [12] Ermolieva E.G. Lost generation? The plight of young people in Europe. <http://www.sov-europe.ru/2016/5-2016/9.pdf>.
- [13] Harnessing Automation for a Future That Works. <https://www.mckinsey.com/featured-insights/digital-disruption/harnessing-automation-for-a-future-that-works>.
- [14] Kariková S., Krystoň M., Michalovič V., Neupauer Z., Pavlov I., Vaněk B. Literacy of adults as a problem of inclusion and equality in lifelong learning. *How to Work with NEETs. Recommendations for Policy and Practice*. Kraków, 2018.
- [15] *NEETs: Young People Not in Employment, Education or Training: Characteristics, Costs and Policy Responses in Europe*. Luxembourg; 2012.

- [16] Ogawa A. Hikikomori in contemporary Japan. <http://su.diva-portal.org/smash/get/diva2:568035/FULLTEXT01>.
- [17] Rodríguez-Modroño P. Youth unemployment, NEETs and structural inequality in Spain. https://www.researchgate.net/publication/330434800_Youth_unemployment_NEETs_and_structural_inequality_in_Spain.
- [18] Saczyńska-Sokół S. Supporting NEETs — challenges facing labor market institutions in Poland. https://www.researchgate.net/publication/324496870_Supporting_NEETs_-_challenges_facing_labor_market_institutions_in_Poland.
- [19] Serracant P. A brute indicator for a NEET case: Genesis and evolution of a problematic concept and results from an alternative indicator. *Social Indicators Research*. 2014; 117 (2).
- [20] Spaaij R., Magee J., Jeanes R. Urban youth, worklessness and sport: A comparison of sports-based employability programmes in Rotterdam and Stoke-on-Trent. *Urban Studies*. 2013; 50 (8).
- [21] Świętek A., Rachwał T., Kurek S., Osuch, W. Sytuacja młodzieży NEET w Polsce i propozycje podniesienia jej kompetencji przedsiębiorczych w świetle rezultatów projektu RLG // https://www.researchgate.net/publication/329873828_Sytuacja_mlodziwy_NEET_w_Polsce_i_propozycje_podniesienia_jej_kompetencji_przedsiębiorczych_w_swietle_rezultatow_projektu_RLG_Situation_of_NEETs_in_Poland_and_Proposals_for_developing_their_Entrepren.
- [22] Williams A. Move Over, Millennials, Here Comes Generation Z. <https://www.nytimes.com/2015/09/20/fashion/move-over-millennials-here-comes-generation-z.html>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-64-72

The NEET youth: European context and Russian realities*

M.B. Bulanova¹, E.A. Artamonova²

¹Russian State University for Humanities
Miusskaya Pl., 6, Moscow, 125993, Russia

²Moscow Institute of Physics and Technology
Institutsky Per., 9, Dolgoprudny, 141701, Russia

(e-mail: rsuh@rsuh.ru; info@mipt.ru)

Abstract. The article attempts to identify features and provide a social portrait of the NEET youth in the European and Russian contexts. The developed European countries faced the NEET phenomenon in the late 20th — early 21st century: according to the Eurostat definition, this group includes young people aged 15—24, unemployed or economically inactive, who do not study and do not get vocational training — in 2017, the NEET youth made on average 14.7% of the working population. In Russia, the number of NEETs is at the average European level — 15%. According to the classification of the International Labor Organization (ILO), there are two groups of NEETs: NEET-unemployed and NEET-inactive. The authors consider as the determining factor of becoming a part of the NEET group one’s unwillingness to work and study, i.e. the criteria of being NEET is not working (rather than being unemployed) and not studying (rather than being economically inactive). Thus, it is the forms of ‘social dependency’ of the NEET youth that make the study of this group so difficult. The article examines objective and subjective reasons for the emergence of this group and social consequences of being in the NEET group, whose representatives try to benefit from the situation. The authors show that the assessment of the NEET youth as marginal, i.e. a transitional and unstable group, encourages European states to provide assistance to these young people to help them to get out of the situation of non-working and non-studying. The article provides some examples of such assistance in Italy, Great Britain, Poland, Spain, and the Netherlands.

Key words: youth; NEET youth; non-working youth; non-studying youth; social dependency; state support

* © M.B. Bulanova, E.A. Artamonova, 2020.

The article was submitted on 02.09.2019. The article was accepted on 30.10.2019.



DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-73-88

Интеллектуальные конкурсы школьников: основные задачи и социальное значение*

Д.Е. Слизовский, М.Г. Иванова, Е.В. Мартыненко

Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
(e-mail: slizovskiy-de@rudn.ru; ivanova-mg@rudn.ru;
martynenko-ev@rudn.ru)

Каждый исторический период формирует особое поколение граждан, имеющих свои ценности и нормы. Дети и молодежь становятся основной движущей силой развития высшего образования, однако эта система в России переживает трудный период, связанный с вопросами, которые не были решены после 1990-х годов: качества, доступности и эффективности высшего образования, неравенства в доступе к профессиональному образованию и др. В связи с этим проведение интеллектуальных конкурсов можно рассматривать не только в качестве позитивного проявления социальной активности школьников, но и как средство поддержки талантливой молодежи и создания отношений преемственности между системами среднего и высшего образования. Статья посвящена социальным аспектам интеллектуальных конкурсов школьников (далее — ИКШ). Интеллектуальные конкурсы направлены на развитие социальной практики, связанной с проектно-научной деятельностью, преподаванием и обучением исследовательской деятельности в школах. Предметом исследования выступили исследовательские и практико-ориентированные интересы школьников в рамках интеллектуальных конкурсов по обществознанию: предпочтения, ценности и жизненная стратегия школьников при выборе сферы своих интересов. Были проанализированы письменные проекты школьников, презентации подготовленных проектов, включая устные выступления конкурсантов, ответы конкурсантов на вопросы экспертов, реакции конкурсантов на вопросы, напрямую не связанные с темой представленного проекта, дальнейшее участие конкурсанта в работе секции, а также дополнительная информация фонового характера. В результате сделаны выводы не только о содержании предмета исследования, но и о процедуре и условиях, необходимых для оценки качества работы и творческого потенциала участников интеллектуальных конкурсов.

Ключевые слова: интеллектуальные конкурсы школьников; обществознание; ценности и жизненные стратегии школьников; мировая практика; российская специфика; социологический анализ

Социологические аспекты интеллектуальных конкурсов школьников (далее — ИКШ) многогранны, поэтому даже в свете изменений структуры и содержания современного образования составляют предметную область социологии образования. Здесь социолог, как правило, имеет дело с массивом информации о конкурсах и представлениях профессионального сообщества, формируемым службами и специалистами, которые не имеют специальной социологической подготовки. Следует также учитывать недостаточную информированность молодежи о пер-

* © Слизовский Д.Е., Иванова М.Г., Мартыненко Е.В., 2020.

Статья поступила 24.10.2019 г. Статья принята к публикации 20.11.2019 г.

спективах научной деятельности в России и программах государственной поддержки науки, невысокий уровень подготовки (учителей и школьников) для занятий наукой в школах [14]. Соответственно, экспертной группой было инициировано исследование, направленное на анализ содержания, процедуры и эффективности интеллектуального конкурса среди школьников, который вот уже несколько лет ежегодно проводится на базе РУДН.

Цели и роль ИКШ в российском образовании

Цели интеллектуальных конкурсов в России — выявление одаренных школьников и мониторинг тех областей знания, к которым молодые люди проявляют наибольший интерес. Также благодаря конкурсам создается база данных для материальной помощи детям из малообеспеченных семей, в том числе с возможностью льготного поступления на бюджетные места в высшие учебные заведения. В обществе давно существует запрос на такие мероприятия [5]. Одной из государственных задач, закрепленных в законодательстве России [17], является поддержка детско-юношеского образования и создание условий для развития в стране творческой молодежи: с 2017 года реализуется федеральный проект, направленный на развитие системы конкурсов и предоставления грантов победителям конкурсов молодежных проектов [16].

Интеллектуальные конкурсы системно отражают закрепленное в законодательстве России понятие образования как «единого целенаправленного процесса обучения и воспитания» [20]. Образование включает в себя «процесс взаимного преобразования мира и человека, в результате чего мир обретает человеческое измерение (мир-для-человека, мир-с-человеком) и человек становится неотъемлемой частью бытия мира (человек-в-мире, человек-для-мира)» [7. С. 227], т.е. образование есть «обретение человеком собственного образа» [7. С. 228], который начинает свое формирование в семье и продолжает в системе образования.

Разделение образования на начальное, среднее и высшее связано с задачами, которые решает каждая из ступеней: они тесно связаны и взаимообусловлены, направлены не только на развитие умственных способностей, но и на воспитание духовно-нравственных ценностей. Возможность очных встреч представителей разных уровней системы образования, обмен опытом, общение школьников с профессорско-преподавательским составом университета — все это обеспечивает открытость и взаимосвязанность системы образования, в связи с чем в последнее время в вузах стали развиваться проекты, направленные на обеспечение преемственности между школой и университетом, поддержку талантливых школьников и одновременно раскрытие основных задач высшего образования для будущих абитуриентов [21].

В настоящее время в России проводится целый ряд конкурсов. Мы проанализировали ряд университетских проектов, связанных с проведением конкурсов среди школьников, и как наиболее удачный пример можем назвать конкурс «Идеи Д.С. Лихачева и современность» [15]. В целом вузы сегодня заинтересованы в подобных мероприятиях, поскольку они позволяют прогнозировать запросы и потребности молодежи в тех или иных профессиях. Кроме того, интеллектуальные

конкурсы представляют возможности общения школьникам и экспертам вуза: как показывает практика подобных конкурсов в РУДН и на других площадках [11], они создают дополнительную мотивацию к творческому и интеллектуальному развитию школьников.

На сегодняшний день можно уверенно говорить, что развитие ИКШ связано с утверждением научной программы в школах, что во всем мире проходило постепенно и последовательно. В этом поступательном движении решались важные прагматические вопросы: будет ли наука развиваться в государственных школах; есть ли среди учителей те, кто будет способствовать преподаванию «чистой науки» и воспитанию «научной привычки» у школьников; какие учебные дисциплины нужно включить в программу научного образования. Так, Британская академия наук в опубликованном еще в 1867 году докладе выделила в научной программе предпрофессиональную подготовку и психологическое воспитание через науку, рассматривая эти направления как прогрессивные. Американцы следовали примерно той же логике в содержании и направлениях развития науки в школах, но более подробно описывали цели научного образования, которые связывали науку с практическим применением и социальными последствиями. В России тоже накоплен обширный опыт продвижения научных знаний в педагогическую практику и подготовку «специально-образованных учителей», сочетающих предметно-научную область знания с классной работой [19].

Предмет интереса для социологов в интеллектуальных конкурсах — это социальная повестка в условиях роста масштабов и влияния интеллектуальных конкурсов в образовательной сфере, а также характер данных, предоставляемых их организаторам. Так, Россия включена в процесс масштабной подготовки и директивного регулирования интеллектуальных конкурсов. В частности, Министерство просвещения на 2018/2019 учебный год утвердило перечень олимпиад и интеллектуальных и/или творческих конкурсов в 204 наименования. Например, РАНХиГС при Президенте РФ только в 2018/2019 году объявила о проведении 46 интеллектуальных и творческих конкурсов. В МГУ им. М.В. Ломоносова конкурсов не так много, но это и всероссийские конференции («Потенциал», «Сахаровские чтения», «Колмогоровские чтения», «Чтения Вернадского», ЮНИОР, «Балтийский турнир», «Ученые будущего»), и международные конференции, и другие интеллектуальные соревнования (Турнир юных физиков, Образовательная академия для учителей). В среднем сегодня ведущие университеты Москвы и страны объявляют о проведении на своих площадках порядка 20—30 таких конкурсов в год.

В этой активной социальной практике в системе образования наблюдается ряд парадоксов. Первый парадокс заключается в том, что в ИКШ пересекаются цели, задачи, стандарты и оценки научного образования, которые связывают школьные коллективы и отдельного школьника с практическим применением и социальными последствиями его личностного интереса к науке. Всегда есть вероятность, что «высокая проблематика» будет перетягивать научное обучение в сторону формального образования, переводить внимание с изучения фундаментальных предметов на применение знаний к новым ситуациям, интерпретациям

и предсказаниям. Часто встречается и обратная ситуация: жесткие стандарты научного образования не различают труд и творчество. Другим парадоксом является то, что российская система образования, включая интеллектуальные конкурсы, находится под прессингом одновременно глобальных образовательных трендов и специфических российских реалий.

С одной стороны, в стране действует зарубежная система выявления интеллектуальных навыков, способностей и компетенций школьников (для школьников 13—18 лет, увлеченных наукой или техническим проектированием, наилучшие возможности проявить себя предоставляет ISEF (International Science and Engineering Fair) [22]. В этих условиях социологическая наука призвана исследовать глобальные требования к работникам управленческих структур, школам, школьникам и учителям, вузам и их сотрудникам. Интеллектуальные конкурсы важны и в том плане, что благодаря им возникают новые социальные отношения при развитии онлайн-решений, «гибридной» педагогики и несистемного образования, увеличении игровой компоненты в образовании, внимания к безопасности (физической и психологической), индивидуализации и развитию lego-образования («человек, собери себя сам») — когда соперничают модели «университета-миллиарда» и «университета для одного» [2].

С другой стороны, интеллектуальные конкурсы ставят перед социологией задачи изучения специфики социальных отношений в российской системе образования, где отмечен всплеск популярности интеллектуальных конкурсов среди школьников. Сегодня ИКШ сопровождаются и ожиданиями увидеть вспышку научного и творческого прозрения школьников в целях получения дополнительного шанса на поступление в университеты, и критикой научного образования в школах, якобы не способного привить школьникам вкус к самостоятельному творческому труду, сконцентрировать внимание на актуальных проблемах и способах их решения [23].

Ежегодные интеллектуальные многопрофильные конкурсы отражают вариативные предпочтения школьников в выборе сфер научного знания. Но является ли этот выбор рациональным или он продиктован случаем, привлекательностью предмета или учителя? В данном случае единичные феномены могут отражать существенные признаки — как типичные, так и уникальные — предмета исследования [8]. Как частный случай ИКШ — это специфический, но очень важный феномен социальной практики, значение которого по мере повышения роли образования становится все более определяющим. Если не преувеличивать роль ИКШ, то следует признать, что этот социальный феномен необходим для прояснения принципов функционирования механизмов развития школы, школьников, учителей и социальных институтов системы образования.

Организаторы конкурсов ежегодно обновляют содержательные значения конкурсных дисциплин, задавая ориентиры для вариативного и образного восприятия конкурсантами научных дисциплин. Полезным и побуждающим мотивом творческого отношения к проектам можно рассматривать усилия организаторов конкурсов по внесению даже в названия секций определенных смыслов, например, «Литература есть выражение общества, так же как слово есть выражение чело-

века», «Обществознание: целостная и объективная картина социального мира», «Устройство нашего мира непостижимо без знания математики», «Физика — это наука понимать природу», «Биология — живая жизнь» и т.д. Организаторы конкурса усиленно и даже несколько навязчиво подчеркивают свою миссию быть креативными, демонстрируя ее даже в мелочах.

В чем полезное значение такой информации для социологических исследований? В каждом фрагменте данных о конкурсах можно обнаружить различие труда и творчества (диалектику труда и творчества): организаторы конкурсов фиксируют для себя и для участников естественное состояние труда как преодоления трудностей «в поте лица» и дают возможность проявиться творчеству — как личной свободной инициативе. Здесь мы видим на конкретном примере творческую функцию инициативы и организации, которая трудовой функцией исполнения, следования, воспроизведения, подчинения организации. Труд и творчество представляют собой пару взаимосвязанных и взаимопроникающих противоположностей, на которых строится индивидуальная для всех участников конкурсов социальная практика.

Также ИКШ предоставляют массив информации, который позволяет идентифицировать участников по школе, классу, известному педагогу и родителям, а также по соответствующему этим признакам числу баллов. Конкурсные документы персонифицированы, но производятся массово, и в этом социологическая значимость предоставляемой ими информации.

Результаты исследования ИКШ, проводимого на базе РУДН

Мы провели социологическое исследование во время работы секции «Обществознание: целостная и объемная картина социального мира» конкурса школьных проектов гуманитарного, социально-экономического, естественнонаучного, медико-биологического и технического профилей для учащихся старших классов Москвы и Московской области «Наука начинается в школе», который проходил на базе РУДН. Цель исследования — анализ ценностных предпочтений и интересов школьников в области обществознания и реконструкция образа будущего абитуриента гуманитарных наук. Анализировались презентации и тезисы школьных проектов — с точки зрения предпочтений, ценностей и жизненных стратегий школьников при выборе сферы своих интересов. Методологической базой исследования выступила теория лингвосомиотического моделирования, согласно которой ценности как высшие ориентиры поведения фиксируются в речи и объясняют особенности мировосприятия индивида или группы: данный подход учитывает субъективную позицию интерпретатора в качестве одного из компонентов анализа [4. С. 6—16].

Кроме того, мы проанализировали ряд схожих исследований, проведенных преимущественно на базе ИС РАН, в которых была отмечена значимость для молодых людей свободы, ориентация на равенство возможностей и ценности интересной работы, ориентация на активность, душевную гармонию и спокойствие — «за последние десятилетия ориентированность молодых россиян на цен-

ности индивидуализма, достижений и самостоятельности усилилась» [18. С. 227—229]. В других исследованиях ценностей школьников отмечается, что 64% выбирают профессионализм как ценность, 53% нацелены на новое, а 43% нацелены на спокойствие, 47% ориентируются на ценности предпринимательства, 44% — на гуманистическое отношение к миру [10. С. 264]. Многие исследования демонстрируют примерно схожую картину [12; 13], однако в подобных данных отсутствует понимание того, что молодые люди подразумевают под «гуманистическими ценностями», в чем причина их заинтересованности в материальном успехе, что мотивирует их заниматься или не заниматься наукой — ответить на эти вопросы помог лингвосомиотический анализ школьных проектов.

Для отбора победителей эксперты использовали несколько критериев: соответствие проекта требованиям конкурса и соответствие содержания заявленной теме; качество доклада и его презентации, логика изложения; проявление глубины и широты знаний по излагаемой теме; умение вести дискуссию, отвечать на поставленные вопросы. Для окончательной оценки результатов конкурсных работ применялось несколько шкал от 0 до 25 баллов за каждый вид работы с условием, чтобы сумма баллов не превышала 100. Также эксперты в соответствии с положением о конкурсе имели право выделить дополнительные номинации: за практические достижения автора; за оригинальность исследуемой проблемы и/или ее решение; за лучшую презентацию. Дополнительно к регламенту оценки знаний и качества проектов в Положение о конкурсе экспертная группа применила методику расчета коэффициентов [9]: коэффициента сложности темы (Ксл), коэффициента новизны темы (Кн) и коэффициент масштабности проекта (Км).

Темы и содержание проектных работ школьников

Анализ тематики проектов показал, что практически четверть работ была посвящена решению проблем в сфере культуры, на втором месте по популярности у школьников — сфера образования, на третьем — экономика. В области культуры у школьников преобладали такие темы, как «окно в прошлое», «человеческое общество», «космическая философия», «фальсификация истории», «бинокль правды», «театр» и «творчество». Содержание работ, как правило, было связано с исследованием исторических фактов, проекты не всегда отражали проблемы современности, ощущался разрыв между «величием прошлого» и культурой настоящего. Практически отсутствовали работы, которые были бы посвящены образу будущего культуры России.

Во второй по численности группе проектов (сфера образования) наблюдался повышенный интерес к положению учащихся, их роли и месте в системе школьного образования. Работы свидетельствуют о наличии запроса со стороны школьников на участие в образовательном процессе, что отражается в названиях проектов: «создание условий для раскрытия творческого потенциала обучающегося», «живые стены», «экзамены без стресса», «социологическое исследование» и др. Некоторые ребята предлагали способы улучшения учебного процесса, например, посредством развития «ассоциативной памяти», «замены учебников

электронными планшетами», «правового регулирования» и т.п. Все это свидетельствует о желании проявлять активную жизненную позицию, быть вовлеченным в процесс обучения не только в роли обучающегося, но и в роли активного организатора учебного процесса.

Интерес к экономической сфере остается традиционно высоким. Здесь проекты отличались практичностью и наличием реально проведенных исследований, что подтверждалось протоколами, скриншотами и т.п. Поиск своего места в экономических отношениях задает тенденцию оценки школьниками происходящих в экономике процессов, о чем свидетельствуют названия проектов: «подростковые финансы», «почему стоимость продуктов здорового питания выше», «вектор инвестирования», «клиринговая компания», «финансовое благополучие населения», «развития интернет-банкинга» и др.

Примечательно, что школьники уделяли внимание и решению следующих проблем: в сфере психологии — феномены «воображаемого друга», аутсайдеры и меры поддержки «непохожих на других» (отмечена эмоциональность ребят и поиск разрешения тех психологических противоречий, с которыми они столкнулись на личном опыте); в сфере развития новых технологий — проблемы «искусственного интеллекта», вопросы «чипизации», развитие «цифровых медиа» (молодые люди гораздо глубже разбираются в новых технологиях по сравнению со старшим поколением, что делает молодежь конкурентоспособной даже в школьном возрасте, и это подтверждает превалирование в проектах специальных терминов, которые редко используются в бытовой речи и зачастую известны только профессионалам); в сфере защиты прав человека проектов было традиционно мало, их отличало отсутствие интереса к выбранной теме, что, видимо, подтверждает опасения ряда общественных деятелей о правовом нигилизме и правовой безграмотности молодежи; в сфере экологических проблем доминируют проекты решения «глобальных проблем современного мира», где за красивыми формулировками, по сути, скрывалось безразличие; в сфере безопасности, в том числе информационной и кибербезопасности, анализу подверглись «киберпреступность», «информационная безопасность личности», проблема «ядерного оружия» и др. Очевидно, что здесь практически отсутствует интерес к политическим темам, развитию государства и права (косвенно затронули эти вопросы проекты «Роботы-юристы» и «Права детей на культурно-нравственное развитие»). На вопрос, будут ли школьники продолжать изучать заявленную тему, чаще всего ребята отвечали отрицательно, что, видимо, свидетельствует о неустойчивости интереса к выбранной проблеме, а также об отсутствии стремления углублять свои знания в выбранной области.

Затруднительно, но, тем не менее, можно соотнести тематику проектов не только с дисциплинами (историей, политологией, социологией, экономикой), но и со сферами социальной деятельности. В целом метапредметный подход в методике исследований и проблематике проектов преобладает (86%). Очевиден интерес школьников к национальным брендам в сложной системе научно-предметных и социальных отношений («корреляция зависимости количества нацио-

нальных кухонь в Москве от климатических особенностей разных стран»), специальным историческим дисциплинам («растения и животные в геральдике и символике»), молодежным субкультурам («оффники») и идеологии исламского модернизма («феномен российского джадидизма»).

При анализе тематики проектов и качества их исполнения конкурсы способствуют решению двуединых задач: во-первых, превращению представлений о выбранной теме в предпочтения и интерес к той или иной сфере деятельности или проблеме; во-вторых, конкурсы — это дополнительный и эффективный инструмент проверки и подготовки знаний и умений — охарактеризовать с научных позиций социальные факты, явления, процессы и институты, их место и значение в жизни общества как целостной системы, осуществлять поиск информации, представленной в разных форматах (текст, схема, таблица, диаграмма), применять социально-экономические и гуманитарные знания в процессе решения познавательных задач по актуальным социальным проблемам. Как правило, школьников интересует накопление личного опыта и знаний на примерах из истории государства и общества, но применительно к оригинальной, сложной тематике, которая вызывает трудности даже у авторитетных ученых: «формирование человечности у искусственного интеллекта», «театр через бинокль правды: актуально+», «лес — украшение земли или путь к решению глобальных проблем», «они нуждаются в твоей поддержке — „белые вороны“». Такая форма выражения академических приоритетов в научной школьной среде — уже устойчивый тренд, который, с одной стороны, демонстрирует дополнительно полезную социальную функцию конкурсов (можно проверить умение учащихся систематизировать, анализировать и обобщать неупорядоченную социальную информацию), с другой стороны, требует выработки эффективных и прозрачных методов быстрого экспертного реагирования на подобную тенденцию.

В интеллектуальных конкурсах самое серьезное значение имеет качество и методы оценивания проектных работ. К используемой по Положению о конкурсе методике оценки качества проектов наша группа экспертов добавила методику оценки сложности и оригинальности тематики исследовательских проектов по формуле: $O = \sum O_i \cdot \kappa$, где O_i — идея темы, отнесенная к одной из базовых общественных дисциплин, κ — коэффициент уровней сложности. Методика оценки коэффициента выглядит так: $K_{сл}$ — коэффициент сложности темы; K_n — коэффициент новизны темы; K_m — коэффициент масштабности проекта, связанного с реализацией его на практике.

Уровень сложности оцениваемой темы и результаты применения этих значений к проектам конкурсантов представлены в таблице 1. Эта методика оценки стала единственным средством разрешения конфликтных ситуаций, благодаря которой некоторые конкурсанты сняли свои претензии к окончательным оценкам их работ. Во-первых, стало очевидно, что сложная и оригинальная тематика характерна для более чем половины проектов — 54%, и здесь уже не обойтись только рекомендациями и традиционными методами оценки исследовательских проектов. Во-вторых, без такой методики могли возникнуть проблемы с надежностью и доказательностью итоговых заключений.

Таблица 1

Коэффициент сложности темы конкурсной работы

Значение коэффициента (Ксл)		% работ
Менее сложный	0,7	17
Аналогичный по сложности	1	29
Более сложный	1,3	38
Существенно более сложный	1,6	16

Конкурсные работы как отражение ценностных предпочтений школьников

Еще одним предметом нашего интереса стало то, каким образом в своих проектах школьники формулируют свою жизненную стратегию. Данное понятие чаще всего связывают с содержанием концепта «жизненный успех», активным или пассивным поведением, а также средствами, которые личность выбирает для достижения своих целей. По данным ИС РАН, более 60% молодежи под жизненным успехом понимают наличие крепкой семьи, детей, 40% — уважение окружающих, 38% — «богатство». На другом полюсе (что меньше всего соотносится с понятием «жизненный успех») находятся достижение популярности — 2%, победа над врагами — 3% и обладание властью — 63% [18]. Однако такая «парадная» демонстрация морально-ценностных предпочтений далеко не всегда мотивирует молодежь на реальные поступки.

В нашем исследовании мы включаем в понятие «жизненная стратегия» самостоятельность/несамостоятельность, независимость/зависимость от окружающих, активность/пассивность — это «модернистские» ценности современной молодежи. Интересно отметить, что большинство участников конкурса демонстрировали схожую самостоятельность во время презентации проектов: достаточно глубоко разбирались в теме исследования, о чем свидетельствовали ответы на вопросы экспертов. Однако некоторые участники предпочитали, чтобы их работу оценивали удаленно, не желая презентовать проект и выступать очно. У четырех школьников затруднения вызвали вопросы экспертов: они признались, что не понимают содержания вопроса или отвечали «не знаю». Большинство выступающих демонстрировали не только самостоятельность, но и активность, однако в ситуациях неопределенности (например, если вопрос был не понятен) конкурсанты «искали глазами» помощи у родителей или учителей, а при постановке провокационных вопросов демонстрировали зависимость от того, что говорил эксперт.

Другой задачей исследования был анализ ценностных предпочтений конкурсантов. Ценности бывают скрытые и явные, особенно когда система образования принуждает к демонстрации определенных ценностей, тогда как на самом деле школьники могут придерживаться совершенно иных идей. Так, в одном исследовании при оценке человеческих качеств по шкале предпочтения 97% школьников выбрало самостоятельность и чувство справедливости, а 89% — свободолюбие [10. С. 324], что свидетельствует не столько о реализации этих качеств молодыми

людьми, сколько о запросе на такую возможность. Соответственно, социологические опросы позволяют выявлять лишь явные или «демонстрируемые» ценности, тогда как скрытые ценности требуют особых методик — проективных, наблюдения экспертов, глубинных интервью и др.

В рамках проведенных нами наблюдений и интервью с конкурсантами мы стремились выявить их ценностные ориентации, а также заранее проанализировали оценочные суждения ребят (формулировки тем проектов и предлагаемых решений), учитывая, насколько темы проектов связаны с позитивными или негативными оценками благополучия/неблагополучия (какие формулировки в основном использовались); какое благо планируется реализовать или достичь в результате проекта; ресурсы какого уровня устойчивости предполагалось задействовать в ходе проектов; ориентация на прошлое, настоящее или будущее; насколько конкурсант включен эмоционально в тему проекта, чувствует сопричастность озвученным идеям. В результате оказалось, что письменные тезисы и устные ответы школьников чаще всего различались: письменные работы не отражали тех ценностей, что были озвучены ребятами в ответах на вопросы экспертов. Скорее всего письменные работы, выполненные в комфортных домашних условиях, можно было корректировать с помощью взрослых, поэтому они отражают «демонстрируемые ценности», тогда как устные ответы во время презентации, учитывая состояние стресса и специальные формулировки вопросов экспертов, в большинстве своем отражали реальные ценности конкурсантов.

Несмотря на то, что в обществе отмечаются элементы системного кризиса, школьники демонстрируют позитивные ожидания относительно будущего, что подтверждается и рядом других исследований [18. С. 219]. Что касается достижения блага, то наиболее проработанными оказались проекты, связанные с личностью школьника: поиск решения мотивировал ребят на тщательное исследование проблем, чтобы «принести пользу и окружающим». Таким образом, первичной оказывалась личная мотивация, а только потом шла общественная. В выступлениях школьников очевидна направленность на достижение уважения окружающих и возможности проявить личные способности, т.е. через участие в конкурсе школьники стремились выделиться, показать свою самостоятельность и талант.

При анализе того, насколько школьниками были учтены ресурсы реализации на практике предложенных ими рекомендаций, оказалось, что это одна из слабых сторон практически всех проектов. Несмотря на интерес к теме и высокую осведомленность, школьники слабо представляют механизм и возможности реализации своих проектов, и одна из причин — нехватка практических навыков и жизненного опыта, что частично компенсировалось общением с преподавателями вуза во время конкурса.

Если оценивать ориентацию проектов на прошлое, настоящее или будущее, то они распределились в зависимости от выбранной сферы: практически все проекты, посвященные культуре, были ориентированы на прошлое, проекты в экономической области и сфере образования отличались направленностью на ре-

шение проблем в настоящем, и небольшая часть проектов была ориентирована на будущее — это проекты, связанные с новыми технологиями и безопасностью.

Что касается эмоциональной вовлеченности конкурсантов в тему своих проектов, то презентации лучше всего удавались тем ребятам, кто испытывал неподдельный и живой интерес к своей проблематике. Эмоциональное отношение стало одним из критериев отбора победителей конкурса, поскольку именно искреннее стремление «докопаться» до сути вопроса отличает любого ученого.

Подводя итог сказанному, отметим, что мы выявили следующие ценностные предпочтения конкурсантов: социальная ориентация; призыв к социальному действию; ориентация на благополучие; коммуникабельность и стремление к обсуждению с учеными волнующих вопросов, т.е. в социокультурном портрете будущего абитуриента преобладают ценности коллективного благополучия и отчетливо выражены ценности творчества и самореализации. Школьники стремятся к социально-ориентированному обществу и профессионализму как ценности. В отношениях с миром для школьников характерно равнодушие к проблемам общества, например, связанным с ростом цен, отсутствием информационной безопасности и др.

Анализ ценностных предпочтений школьников, принимающих участие в ИКШ, позволил экспертам выявить особенности организации подобных конкурсов, где отмечено много сложностей и нюансов, например, каким способом и в какой форме следует информировать потенциальных конкурсантов, в какой манере или стилистике содержательно оформлять информационное сообщение и др. Разумеется, хорошо организованный конкурс предполагает четкую постановку цели (или целей), и организаторы конкурсов, чтобы сделать их популярными, используют самые разные приемы. Один из ключевых — описание целей конкурса через широкую палитру возможностей для его участников, что действительно привлекает конкурсантов, которые находят в ней отражение своих ценностных ориентаций.

Организаторы ИКШ в РУДН сформулировали семь целевых установок [3], которые касались социальных функций личности (учащегося) в процессе развития его потенциала и творческих навыков, социальных функций и действий учителей и научных работников/преподавателей для вовлечения их в многочисленные конкурсы (которые являются дополнительной нагрузкой или не имеют отношения к их прямым обязанностям), выявления и поддержки талантливых школьников, профориентационной подготовки, привлечения общественного внимания к ИКШ, демонстрации и популяризации достижений школьников.

Для оценки привлекательности и полезности конкурса мы задали его участникам вопрос: «Какая цель из обозначенных в информационном письме конкурса для вас является самой востребованной?». Опрошены были далеко не все участники, но даже эти данные демонстрируют ценностные предпочтения в рамках участия в конкурсах (табл. 2).

Таблица 2

Результаты опроса учителей и учащихся

Целевые установки	Учителя (%)	Учащиеся (%)
Формирование и развитие интеллектуального потенциала и творческих навыков учащихся посредством привлечения их к научно-исследовательской и проектной деятельности	11	21
Выявление и поддержка талантливых школьников	15	7
Демонстрация и популяризация достижений школьников в области научного творчества, опыта работы образовательных учреждений по организации научно-исследовательской и проектной деятельности школьников	20	21
Совершенствование работы со школьниками в рамках профориентационной подготовки	9	15
Привлечение научных работников, преподавателей научно-исследовательских центров и учреждений высшего образования, а также учителей средних общеобразовательных учреждений к работе с талантливыми школьниками	10	9
Привлечение общественного внимания к проблемам выявления и поддержки одаренных детей	21	23
Содействие повышению квалификации педагогических работников по вопросам работы с талантливыми школьниками	14	4

Данные опроса показывают совпадение позиций учителей и школьников по такой целевой установке, как демонстрация и популяризация исследовательских проектов и привлечение к ним общественного внимания. Такое распределение ответов, видимо, связано с общей атмосферой в обществе, где демонстрация и популяризация любой сферы деятельности стала доминантным фактором. Учителей и учащихся меньше волнуют такие стратегические аспекты ИКШ, как научные достижения, приобретение навыков и компетенций профессионального мастерства, — напротив, свои достижения они рассматривают через призму возможностей стать популярными в СМИ и в блогосфере.

Целевые установки конкурсантов и их наставников, конечно, могут и должны отражать реальные запросы и ожидания всех, кто готов в конкурсах участвовать, однако ситуация в других странах несколько отличается от российской. Так, в США в конкурсах центральное место отводится развитию научной работы в колледжах. Вопрос к кураторам конкурса формулируется следующим образом: «Действительно ли конкурс поможет потенциальным кандидатам?» [25]. Такая постановка вопроса свидетельствует о направленности внимания на участников конкурса, на то, что для них важно в плане личностного развития. Разумеется, этот пример не является идеалом для повторения в рамках отечественного опыта, но важен для изучения [24]. Таким образом, проведенное исследование подтверждает необходимость трансформации интеллектуальных конкурсов для школьников. Существующая сегодня в России система ИКШ демонстрирует, с одной стороны, связь с теми проблемами, которыми охвачено все российское общество, а, с другой — формирует запрос у школьников и учителей на проведение таких мероприятий.

Библиографический список

- [1] Горшков М.К. Российское общество в контексте новой реальности. К итогам и продолжению социологического мегапроекта. М., 2017.
- [2] Дорожная карта «Образование 2030» // <https://asi.ru/news/2475>.
- [3] Информационное письмо № 0011-01/181 от 16.04.2019 о проведении в РУДН конкурса «Наука начинается в школе—2019» // https://gim-schel.edumsko.ru/uploads/2100/2062/section/120578/2019/04/19/Informacionnoe_pis_mo_Konkurs_v_RUDN-1.pdf?1555866999362.
- [4] Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М., 2013.
- [5] Константиновский Д.Л., Попова Е.С. Молодежь в сфере образования: ожидания и мотивация // Россия реформирующаяся. Вып. 15 / Отв. ред. М.К. Горшков. М., 2017.
- [6] Мангейм К. Проблема молодежи в современном обществе // Диагноз нашего времени. М., 1994.
- [7] Мануйлова Е.А. Духовно-нравственное образование личности в меняющемся мире // Молодежь России в начале XXI века: Регион Северо-Запад / Отв. ред. Д.Г. Шкаев. М., 2014.
- [8] Маслова О.М. Изучение случая // Социологическая энциклопедия. Т. 1. М., 2003.
- [9] Методические рекомендации по расчету стоимости государственных работ в системе Департамента образования города Москвы // <https://www.mos.ru/donm/documents/normativnyue-pravovuye-akty/view/169320220>.
- [10] Мищенко А.С. Формирование профессионализма учащихся: результаты исследования в условиях модернизации образовательных процессов в лицеях и училищах // Молодежь России в начале XXI века: Регион Северо-Запад / Отв. ред. Д.Г. Шкаев. М., 2014.
- [11] Кравченко А.В., Талина Г.В., Халалажева Э.А., Шушарина О.П. О роли творческих конкурсов в системе подготовки современных школьников (на примере творческих конкурсов по истории) // Наука и школа. 2014. № 1.
- [12] Нарбут Н.П., Троцук И.В. Страхи и опасения российского студенчества: возможности эмпирической фиксации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2.
- [13] Нарбут Н.П., Троцук И.В. Ценностные ориентации и социальное самочувствие студенчества (результаты исследовательского проекта). М., 2017.
- [14] Положение V Международного конкурса научно-исследовательских и творческих работ учащихся «Старт в науке» // http://obrazcenter2.ucoz.net/Konkurs/polozhenie_konkursa.pdf.
- [15] Положение о конкурсе творческих работ старшеклассников «Идеи Д.С. Лихачева и современность» // <https://www.lihachev.ru/konkurs>.
- [16] Постановление Правительства РФ от 19.09.2017 № 1120 «О Всероссийском конкурсе молодежных проектов» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_278386.
- [17] Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835.
- [18] Горшков М.К. Российское общество как оно есть: опыт социологической диагностики. Т. 2. М., 2016.
- [19] Семенов Д.Д. Избранные педагогические сочинения. М., 1953.
- [20] Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174.
- [21] Этика высшей школы / Цвык В.А. и др. М., 2016.
- [22] ISEF (International Science and Engineering Fair) // <https://newtonew.com/science/intel-science-and-engineering-fair>.
- [23] Keith S.T. Progressing Science Education: Constructing the Scientific Research Programme into the Contingent Nature of Learning Science. Springer, 2009.
- [24] LynNell H. Why are Finland's schools successful? // <https://www.smithsonianmag.com/innovation/why-are-finlands-schools-successful-49859555>.
- [25] Prestigious Competitions for High School Students // <https://www.collegetransitions.com/prestigious-competitions-for-high-school-students>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-73-88

Intellectual competitions for schoolchildren: Main tasks and social significance*

D.E. Slizovskiy, M.G. Ivanova, E.V. Martynenko

RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: slizovskiy-de@rudn.ru; ivanova-mg@rudn.ru;

martynenko-ev@rudn.ru)

Abstract. Every historical period forms a special generation with its own values and norms. Children and youth become the main driving force in the development of the higher education, but this system in Russia is going through a difficult period due to the problems unresolved after the 1990s: the quality, accessibility and effectiveness of the higher education, inequalities in the access to education, etc. Therefore, intellectual competitions can be considered not only a positive manifestation of the social activity of schoolchildren, but also a means to support talented youth and ensure the interconnection of secondary and higher education systems. The article considers social aspects of the intellectual competitions for schoolchildren which aim at the development of social practices related to research activities and teaching at school. The authors focus on the research and practice-oriented interests of schoolchildren within the intellectual competitions in social studies: priorities, values and life strategies of schoolchildren when choosing the sphere of their interests. The authors analyzed the written projects of schoolchildren, presentations of these projects, responses to experts' questions, reactions to questions not directly related to the topic of the presented project, further participation in the section, and some additional information. As a result, the authors made conclusions not only about the content of the priorities, values and life strategies of schoolchildren, but also about the procedure and conditions necessary for assessing the quality of work and the creative potential of participants of intellectual competitions.

Key words: intellectual competitions of schoolchildren; social studies; values and life strategies of schoolchildren; Russian specifics; sociological analysis

References

- [1] Gorshkov M.K. *Rossijskoe obshchestvo v kontekste novej realnosti. K itogam i prodolzheniju sociologicheskogo megaproekta* [Russian Society in the New Reality. Results and Continuation of the Sociological Megaproject]. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [2] Dorozhnaja karta "Obrazovanie 2030" ["Education 2030" Roadmap]. <https://asi.ru/news/2475> (In Russ.).
- [3] Informatsionnoe pismo No. 0011-01/181 ot 16.04.2019 o provedenii v RUDN konkursa "Nauka nachinaetsja v shkole-2019" [Information Letter No. 0011-01/181 from 16.04.2019 on the RUDN University Competition "Science Begins at School-2019"]. https://gim-schel.edumsko.ru/uploads/2100/2062/section/120578/2019/04/19/Informacionnoe_pis_mo_Konkurs_v_RUDN-1.pdf?1555866999362 (In Russ.).
- [4] Karasik V.I. *Yazykovaja matritsa kultury* [Language Matrix of Culture]. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [5] Konstantinovskiy D.L., Popova E.S. Molodjozh v sfere obrazovanija: ozhidanija i motivatsija [Youth in education: Expectations and motivation]. *Rossija reformirujushhajasja*. Vol. 15. Pod. red. M.K. Gorshkova. Moscow; 2017 (In Russ.).

* D.E. Slizovskiy, M.G. Ivanova, E.V. Martynenko, 2020.

The article was submitted on 24.10.2019. The article was accepted on 20.11.2019.

- [6] Mannheim K. Problema molodjozhi v sovremennom obshhestve [The youth problem of modern society]. *Diagnoz nashego vremeni*. Moscow; 1994 (In Russ.).
- [7] Manujlova E.A. Duhovno-nravstvennoe obrazovanie lichnosti v menjajushhemsja mire [Spiritual-moral education in the changing world]. *Molodjzh Rossii v nachale XXI veka: Region Severo-Zapad*. Pod red. D.G. Shkaeva. Moscow; 2014 (In Russ.).
- [8] Maslova O.M. Izuchenie sluchaja [Case study]. *Sociologicheskaja entsiklopedija*. Vol. 1. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [9] Metodicheskie rekomendatsii po raschetu stoimosti gosudarstvennyh rabot v sisteme Departamenta obrazovanija goroda Moskvy [Methodological recommendations on the calculation of the public works price in the system of the Moscow department of education]. <https://www.mos.ru/donm/documents/normativnye-pravovye-akty/view/169320220> (In Russ.).
- [10] Mishhenko A.S. Formirovanie professionalizma uchashhihsja: rezultaty issledovanija v uslovijah modernizatsii obrazovatelnyh processov v litsejah i uchilishhah [Development of students' professionalism: Results of the research under the modernization of educational processes in lyceums and schools]. *Molodjzh Rossii v nachale XXI veka: Region Severo-Zapad*. Pod red. D.G. Shkaeva. Moscow; 2014 (In Russ.).
- [11] Kravchenko A.V., Talina G.V., Khapalazheva E.A., Shusharina O.P. O roli tvorcheskih konkursov v sisteme podgotovki sovremennyh shkolnikov (na primere tvorcheskih konkursov po istorii) [On the role of creative competitions in the training of contemporary schoolchildren (on the example of creative competitions in history)]. *Nauka i Shkola*. 2014; 1 (In Russ.).
- [12] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Strakhi i opaseniya rossiyskogo studenchestva: vozmozhnosti empiricheskoy fiksatsii [Fears and concerns of the Russian students: Possibilities of the empirical study]. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*. 2014; 2 (In Russ.).
- [13] Narbut N.P., Trotsuk I.V. *Tsennostnye oriyentatsii i sotsialnoe samochuvstvie studenchestva (rezultaty issledovatel'skogo proekta)* [Value Orientations and Social Well-Being of Students (Results of the Research Project)]. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [14] Polozhenie V Mezhdunarodnogo konkursa nauchno-issledovatel'skikh i tvorcheskih rabot uchashhihsja "Start v nauke" [Regulations of the V International Competition of Research and Creative Works of Schoolchildren "Start in Science"]. http://obrazcenter2.ucoz.net/Konkurs/polozhenie_konkursa.pdf (In Russ.).
- [15] Polozhenie o konkurse tvorcheskih rabot starsheklassnikov "Idei D.S. Lihacheva i sovremenost'" [Regulations of the Competition of Creative Works of High School Students "Ideas of D.S. Likhachev and the Present"]. <https://www.lihachev.ru/konkurs> (In Russ.).
- [16] Postanovlenie Pravitelstva RF ot 19.09.2017 No. 1120 "O Vserossijskom konkurse molodezhnyh proektov" [Decree of the Russian Government from 19.09.2017 No. 1120 "On the All-Russian Competition of Youth Projects"]. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_278386 (In Russ.).
- [17] Rasporjazhenie Pravitelstva RF ot 29.11.2014 No. 2403-r "Ob utverzhdenii osnov gosudarstvennoj molodezhnoj politiki Rossijskoj Federatsii na period do 2025 goda" [Decree of the Russian Government from 29.11.2014 No. 2403-R "On the Bases of the State Youth Policy of the Russian Federation until 2025"]. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835 (In Russ.).
- [18] Gorshkov M.K. *Rossijskoe obshhestvo kak ono est: opyt sociologicheskoy diagnostiki* [Russian Society as It Is: An Example of Sociological Diagnostics]. Vol. 2. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [19] Semenov D.D. *Izbrannye pedagogicheskie sochinenija*. [Selected Pedagogical Works]. Moscow; 1953 (In Russ.).
- [20] Federalny zakon "Ob obrazovanii v Rossijskoj Federatsii" ot 29.12.2012 No. 273-FZ [Federal Law "On Education in the Russian Federation" from 29.12.2012 No. 273-FZ]. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (In Russ.).

- [21] Tsvyk V.A. et al. *Etika vysshej shkoly* [Ethics of the Higher Education]. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [22] ISEF (International Science and Engineering Fair). <https://newtonew.com/science/intel-science-and-engineering-fair>.
- [23] Keith S.T. *Progressing Science Education: Constructing the Scientific Research Programme into the Contingent Nature of Learning Science*. Springer; 2009.
- [24] LynNell H. Why Are Finland's schools successful? <https://www.smithsonianmag.com/innovation/why-are-finlands-schools-successful-49859555>.
- [25] Prestigious Competitions for High School Students. <https://www.collegetransitions.com/prestigious-competitions-for-high-school-students>.



DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-89-101

Влияние криминальной девиации на демографические процессы в Республике Башкортостан*

С.В. Егорышев

Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия
Институт социально-экономических исследований
Уфимского федерального исследовательского центра РАН
Ул. Менделеева, 215/4, Уфа, 450071, Россия
(e-mail: nauka@vegu.ru)

Современная демографическая ситуация в большинстве регионов России характеризуется действием ряда негативных тенденций, связанных с сокращением населения, его старением, уменьшением рождаемости и ростом смертности, перераспределением миграционных потоков и оттоком населения, в основном молодой и трудоспособной его части, в наиболее экономически развитые регионы, города и за рубеж. На состояние и направленность демографических процессов влияют многочисленные факторы. Действие этих факторов исследуется и учитывается при определении стратегий демографической и социально-экономической политики страны в целом и отдельных регионов. Вместе с тем на социально-экономическое развитие общества и конкретные составляющие этого развития, включая демографические процессы, влияют и социальные отклонения делинквентного и криминального характера. Деструктивные последствия криминальной девиации для демографических процессов не носят выраженного или критического характера, но проявляются как непосредственно (преждевременные людские потери), так и опосредованно (потери материальных и финансовых средств, повышенная смертность от алкоголя, наркотиков, самоубийств, исключение из социальной жизни лиц, заболевших или изолированных вследствие девиаций). Криминальная девиация как разновидность социальных отклонений деструктивного характера проявляется преимущественно в преступности, а также в тех девиациях, что становятся причиной и составом преступлений. На основе анализа статистических и социологических данных в статье на примере Республики Башкортостан рассматриваются негативные последствия криминальной девиации для демографической ситуации и утверждается необходимость поиска действенных мер для придания проявлениям криминальной девиации социально терпимого уровня (критерий эффективности таких мер).

Ключевые слова: социальные отклонения; криминальная девиация; региональный социум; демографическая ситуация; деструктивные тенденции; социально терпимый уровень девиации; меры минимизации криминальной девиации

Проблематика социальных отклонений (девиация) в силу своей чрезвычайной актуальности является одной из наиболее активно исследуемых в социологии. При этом специалисты больше внимания уделяют негативным, деструктивным проявлениям социальных отклонений, нежели их позитивным формам (творче-

* © Егорышев С.В., 2020.

Статья поступила 25.10.2019 г. Статья принята к публикации 20.11.2019 г.

ству). Причина, по-видимому, в том, что деструктивные формы отклонений оцениваются как наиболее опасные по направленности и последствиям и потому нежелательные для человеческого общества на всех уровнях его организации. В то же время позитивная девиация (общественные инициативы, новаторство, социальные движения и т.п.), напротив, направлена на обеспечение поступательного развития.

Выраженный интерес к проблеме социальных отклонений проявился в формировании различных подходов к их изучению. В отношении деструктивных форм социальных отклонений применяются понятия «делинквентность» и «делинквентное поведение» (алкоголизм, самоубийства, наркомания, токсикомания, проституция и т.п.) и «криминальное поведение» (преступность) [8. С. 447—448]. В последнее время перечень делинквентных форм поведения расширяется за счет кибер- и гэнг-стокерства, гемблинга, фрикинга и др. [16. С. 14].

В социологической литературе присутствует целый ряд дефиниций понятия «девиантное поведение», но во всех в качестве критерия оценки индивидуального и группового поведения выступает социальная норма, хотя П.А. Сорокин указывал на некоторую условность типологизации актов поведения в силу подвижности и противоречивости социальных норм, служащих мерилем их оценки [22. С. 56]. На фоне многообразия имеющихся определений наиболее конкретным и понятным выглядит определение, предложенное одним из основателей отечественной девиантологии Я.И. Гиляновским. Девиацию он определяет как «социальное явление, выражающееся в относительно массовых, статистически устойчивых формах (видах) человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям» [3. С. 28]. Социальные отклонения, в том числе и прежде всего криминального характера, отличаются массовостью, повторяемостью, устойчивостью, взаимообусловленностью и взаимосвязью их видов и форм [5. С. 25]. Конечно, не все они являются криминальными, но если становятся причиной и предметом преступления, то их можно считать преступными.

Таким образом, признаком отнесения форм деструктивной девиации к криминальным является их причинно-следственная связь с преступностью. Эта взаимосвязь на примере влияния алкоголя на преступность была отмечена представителем сформировавшейся в конце XIX — начале XX века в уголовном праве социологической школы Г. Ашаффенбургом: «Разрушительное влияние алкоголя принадлежит к разряду тех причин преступления, которые изучены наиболее основательно и полно. Однако действие алкоголя как фактора преступления во всем его объеме может быть оценено только в том случае, когда последнее является непосредственным результатом его» [1. С. 62]. Это положение относится и к употреблению и распространению наркотиков, и к коррупции, и к другим проявлениям криминальной девиации. В качестве примера отметим, что в Республике Башкортостан, несмотря на снижение в последние годы (за 2015—2018 годы на 19%), уровень регистрируемой преступности остается сравнительно высоким. В расчете на 100 тысяч населения в 2018 году он составил 1413,3 (по России —

1337,8, по Приволжскому федеральному округу — 1287,8). В состоянии алкогольного и наркотического опьянения совершено 46,3% раскрытых преступлений (в Приволжском федеральном округе — 38,1%, в России — 32,4%). Демонстрирует тенденцию роста рецидивная преступность, увеличивается количество преступлений коррупционной направленности и фактов взяточничества, не удается добиться существенного снижения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических и психотропных средств [11—14; 23].

Официальная статистика, заметно отличаясь в меньшую сторону от данных, которыми оперирует публицистика и Интернет, отражает только зарегистрированные преступления и заявления о преступлениях, по которым принято решение о возбуждении уголовного дела, — вне поля зрения статистики остаются незаявленные, латентные и ряд других видов преступлений. Так, например, в 2015 году в регионе правоохранными органами было принято 514 721 заявление о совершенных преступлениях (в 2016 году — 429 630, в 2017 — 432 601, в 2018 — 407 525), а доля заявлений, по которым были возбуждены уголовные дела, составила в 2015 году — 13,3%, в 2016 — 15,4%, в 2017 — 14%, в 2018 — 13,7% [11—14; 23]. Эти цифры характеризуют не только относительный характер официальной статистики, на что иронично указывал М. Твен и что серьезно отмечал итальянский криминолог и специалист по социологии уголовного права Э. Фэрри [27. С. 202], но и свидетельствуют о снижении эффективности правоохранительных органов в противодействии криминальной девиации.

В качестве примера можно указать на то, что из принятых правоохранителями республики в 2015 году решений об отказе в возбуждении уголовного дела 12,1% были отменены (в 2016 году — 13,1%, в 2017 — 10,9%, в 2018 — 11%). На 2,6% за этот четырехлетний период сократилось число выявленных лиц, совершивших преступления, и на 11% меньше стало установленных потерпевших. Крайне низка результативность и превентивных мер: с 2012 по 2017 годы правоохранительными органами региона было выявлено на стадии приготовления или покушения не более 5% зарегистрированных преступлений [10. С. 53].

Признаком преступления, отличающим его от другого действия, Э. Дюркгейм называл то, что «преступление оскорбляет чувства, обнаруживаемые у всех нормальных индивидов», это «поступок, задевающий сильные и определенные состояния коллективного сознания» [9. С. 382]. Действительно, криминальное насилие, помимо вреда обществу в виде людских и материальных потерь, закономерно вызывает в общественном сознании сильную тревогу и осуждение, не говоря уже о той физической и душевной боли, которую испытывают потерпевшие и их близкие. В ходе социологического опроса, проведенного в Республике Башкортостан под руководством автора статьи на тему «Состояние и динамика криминальной девиации в Республике Башкортостан и ее минимизации на региональном уровне» в ноябре—декабре 2018 года (объем выборки — 1000 человек), было установлено, что 26,7% респондентов постоянно и часто испытывают чувство тревоги за себя и близких под влиянием криминальной угрозы, 45,7% — испытывают это чувство редко, 19,2% — никогда. 52,6% респондентов указали на острый характер про-

блемы наркотизации, 34,8% — преступности в общественных местах, 30,3% — преступности в быту. На наш взгляд, признак «оскорбление чувств и чувство тревоги, вызванное ею» можно применять ко всем видам криминальной девиации, если они имеют выраженный характер. Эта выраженность определяется социологическими методами, которые позволяют зафиксировать социально терпимый или нетерпимый уровень преступности. Также к признакам криминальной девиации следует добавить выделенный Э. Фроммом «синдром распада, который побуждает человека разрушать ради ненависти» [26. С. 20], т.е. эта девиация носит ярко выраженный деструктивный, разрушительный характер.

Исходя из этих особенностей криминальную девиацию, не претендуя на завершенность дефиниции, мы определяем как разновидность социальной девиации деликвентного характера, выражающуюся в преступности и иных отклонениях (наркотизм, алкоголизм, мздоимство и т.п.), которые являются непосредственными причинами преступлений и диктуют их характер и деструктивность. Криминальная девиация оказывает тормозящее и нередко разрушительное воздействие на социальное развитие общества на всех уровнях его организации, в том числе отражаясь на демографическом состоянии страны и ее регионов. Поэтому при определении направлений совершенствования демографической политики следует выделять систему мер по минимизации проявлений криминальной девиации с целью доведения ее до социального терпимого уровня. Так, например, заявляя о развитии экономического потенциала, о росте экономического и социального благополучия, нельзя сбрасывать со счетов то, что за 2017 год материальный ущерб только по оконченным уголовным делам в республике составил около миллиарда рублей.

Рассмотрим тенденции, которыми характеризуется демографическая ситуация в Республике Башкортостан, и проанализируем, насколько на них влияют проявления криминальной девиации. С 2011 года статистика фиксирует ежегодное (за исключением 2013 года) сокращение численности постоянного населения Башкортостана, причем уменьшается не только общая численность жителей, но и количество людей трудоспособного возраста. Так, если в 2015 году в регионе проживало 4 071 987 человек, то в 2017 году — 4 063 293, на начало 2019 — 4 063 293. Из них лица трудоспособного возраста в 2015 году составляли 58,4%, в 2017 году — 56,4%, на 1 января 2019 года — 55,6% [19. С. 20]. При этом в силу экономических и социально-культурных поселенческих различий более высокий удельный вес населения трудоспособного возраста сохраняется в городах (56,5% в 2018 году), нежели в сельской местности (52,4%) [6. С. 6—7].

Тенденция уменьшения численности населения, включая находящихся в трудоспособном возрасте, наблюдается в последние годы во всех субъектах Приволжского федерального округа и в России в целом. Прирост имеет место только в пяти субъектах Российской Федерации (Ленинградская область, Санкт-Петербург и Севастополь, Республика Ингушетия и Чеченская Республика). Естественно, данная тенденция ведет к повышению демографической нагрузки, коэффициент которой в республике в 2015 году был равен 714, в 2017 году — 773, в 2018 — 797, а в начале 2019 — 820 [19. С. 8].

Тенденция снижения доли трудоспособного населения в регионе, как и в стране в целом, может усилиться за счет сокращения показателей естественного прироста и в связи с миграционной убылью. По данным статистики, в регионе в 2015 году родилось 59 028 детей, в 2017 году — 49 315, а в 2018 — 47 010. За период с 2011 по 2018 годы только в 2012 и 2014 годах фиксировался рост рождаемости, соответственно, на 105,8% и 101,6% к предыдущим годам [6. С. 50]. Наиболее заметно сокращение рождаемости в городах, где продолжает снижаться численность женщин репродуктивного возраста. Если для простого воспроизводства населения суммарный коэффициент рождаемости равен 2,15 в расчете на одну женщину этого возраста, то в республике в 2017 году он составлял 1,695, а по России — 1,621 [19. С. 14].

Снижение рождаемости на протяжении ряда лет происходит за счет как изменения брачно-возрастной структуры населения, так и широкого распространения внутрисемейного контроля рождаемости, т.е. намеренного ограничения рождений [2. С. 59]. Специалисты считают, что социально-биологический потенциал рождаемости в Республике Башкортостан реализуется лишь на треть от биологически возможного уровня, и при сложившихся демографических тенденциях в ближайшей перспективе возможно еще большее сокращение рождаемости [20. С. 188—190]. Соответственно, увеличивается численность людей старше трудоспособного возраста (в 2015 году — 902 891, или 22,2%, в 2017 — 2 294 078, или 23,4%), т.е. население региона стареет.

Характеризуя демографическую ситуацию, сложившуюся в России в целом и в Республике Башкортостан за последние десятилетия, исследователи отмечают, что особенностью ситуации стали два параллельных процесса: низкая рождаемость и высокая смертность, которые, по сути, ведут к резкому и катастрофическому сокращению населения и негативно отражаются на состоянии трудового потенциала страны [7. С. 6—7]. Самой распространенной и очевидной причиной сокращения людских ресурсов является смертность: в статистике ее причин выделяются внешние, которые связаны не с заболеваниями или старостью, а с внешними воздействиями умышленного (убийства, самоубийства) и неумышленного (несчастные случаи) характера [21]. В Республике Башкортостан наметилась тенденция снижения общей смертности населения с 54 024 человек в 2015 году до 50 440 — в 2018. Общий коэффициент смертности в расчете на 1000 жителей равен 12,4 (для сравнения: рождаемости — 11,6). Сохраняется более высокий уровень смертности среди сельского населения: коэффициент смертности в 2018 году составил 14,6, в городах — 11,1.

Если рассматривать смертность населения региона только от внешних причин, то она также снижается и составила в 2016 году 10,1% от числа умерших, а в 2018 — 8,9%. Среди этих причин преобладают самоубийства: на них в среднем приходится 20% смертей от внешних причин, а на убийства — 4,5% (табл. 1). Несмотря на проявившуюся с 2012 года тенденцию сокращения числа суицидов, которые А. Камю называл «исходом абсурда» [15. С.26], их уровень остается выше средних показателей по стране. Так, например, в 2017 году в республике на 100 тысяч человек приходилось 22 смерти в результате суицида, а по России —

14 [18. С. 29]. Статистика фиксирует и сокращение числа убийств, но это примерно в три раза меньше тех, кто погиб не сразу в результате преступления, а через некоторое время. И, конечно, не все внешние причины являются по характеру криминальными. Например, в 2017 году в республике по различным причинам было травмировано 448297 человек, из которых 1169 получили тяжкий вред здоровью в результате криминальной агрессии или доведения до самоубийства. Проявления криминальной девиации в демографическом развитии регионального социума имеют не только прямые негативные последствия в виде преждевременной насильственной смерти или травмирования людей, но и в целом усложняют криминогенную обстановку (табл. 1) [5; 11—14; 23].

Криминальная девиация в целом сдерживает социально-экономическое развитие, проявляясь в больших материальных, в том числе финансовых, потерях, в исключении из активной социальной жизни и производительного труда значительного числа людей, ставших алкоголиками и наркоманами, заболевших психическими заболеваниями, осужденных к лишению свободы за преступления и т.п. Все это, пусть косвенно, влияет на показатели рождаемости, продолжительности жизни и смертности, на качество жизни, состояние общественного сознания, в целом на атмосферу в обществе. Вместе с тем, в силу выраженной латентности влияния криминальной девиации на смерть людей, учитывать эти данные необходимо. Так, рост смертности наблюдался в 52 субъектах федерации, в том числе в 13 субъектах Приволжского федерального округа, за исключением Республики Мордовия. Но увеличение числа умерших в основном происходило за счет уходящих из жизни старших возрастных групп, смертность же лиц трудоспособного возраста не возросла, а, напротив, несколько снизилась [6. С. 25]. Мужчин в этом возрасте умирает заметно больше: в 2015 году — 11 920 мужчин и 3087 женщин, в 2017 — соответственно 10 010 и 2577 [6. С. 87]. В трудоспособном возрасте по мере увеличения числа лет растет и смертность: наибольшее число умерших приходится на период 55—59 лет. Однако, несмотря на снижающуюся динамику смертности в трудоспособном возрасте, регион заметно отстает от общероссийских показателей.

Таблица 1

**Людские потери от проявлений криминальной девиации
в Республике Башкортостан (2015—2018, ед.)**

Людские потери	Годы			
	2015	2016	2017	2018
Всего умерших от всех причин	54 024	52 330	50 387	50 440
Количество умерших от внешних причин	5 905	5 286	4 651	4 485
в том числе				
в результате несчастных случаев	4 323	3 871	3 550	3 485
в том числе от отравления алкоголем	288	146	151	211
Число лиц, совершивших самоубийство	1 260	1 150	877	827
Количество людей, погибших в результате преступлений	992	803	783	—
в том числе убито	322	265	224	173
Количество лиц, которым был причинен тяжкий вред здоровью	1 331	1 295	1 169	—
Выявлено лиц, совершивших преступления	27 014	29 482	27 913	26 309

Подобная демографическая ситуация характерна для многих развитых стран с устойчивой тенденцией старения населения, последствия которой преодолеваются целым комплексом мер экономического (развитие производительных сил и рост производительности труда), социального (улучшение качества жизни и продление активного долголетия), политического (миграционная политика), экологического (здоровая среда, охрана труда) и духовного (ценности здорового образа жизни) характера. В нашей стране и в Республике Башкортостан подобные меры также применяются. Так, Указ Президента России «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» направлен на достижение устойчивого естественного прироста населения и значительное повышение ожидаемой продолжительности жизни [25]. Задачи демографической политики на региональном уровне были конкретизированы в Концепции демографической политики Республики Башкортостан на период до 2025 года и в Указе Главы региона «О стратегических направлениях социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2024 года», где поставлена задача добиться ежегодного роста численности населения на 10 тысяч человек, доведя ее до 4,1 млн (на 1 января 2019 года она составила 4 063 293 человек [24]). Кроме того, на эффективное решение задач демографической политики направлены и реализуемые в настоящее время национальные проекты.

Вместе с тем в силу специфики социально-экономического развития страны и регионов кардинально повлиять на демографическую ситуацию не удастся, хотя наблюдаются позитивные подвижки, например, рост ожидаемой продолжительности жизни, увеличение числа граждан, ведущих здоровый образ жизни и т.п. Так, в регионе в 2017 году ожидаемая продолжительность жизни составила 71,73 лет (в среднем по России — 72,7 лет): по значению этого показателя республика находится на 45 месте среди субъектов федерации и на 11 месте в Приволжском федеральном округе.

Существенным фактором, определяющим демографическую ситуацию в Республике Башкортостан, являются миграционные процессы — международные, межрегиональные и внутрирегиональные, которые характеризуются нестабильностью. Например, с 2013 по 2018 годы имела место тенденция миграционной убыли населения (в 2015 году составила 5927 человек, в 2016 году — 7390, в 2017 — 2607, в 2018 — 8858) [6. С. 129]. В 2018 году отрицательное сальдо межрегиональной и международной миграции составило, соответственно, 7827 и 1031 человек, и, естественно, миграционная убыль в основном приходится на людей трудоспособного возраста: в 2015 году — 5942 человека, в 2016 и 2017 — соответственно 6625 и 1100 [6. С. 150]. Наиболее характерна миграционная убыль для сельской местности: из 8858 человек, покинувших регион в 2018 году, на село пришлось 7018 (79,2%), на город — 1840 (20,8%). На село приходится и основной объем маятниковой миграции. В целом ежегодно из республики на заработки уезжают 150 тысяч человек [17. С. 22]. В основном миграционная убыль населения региона обеспечивается межрегиональной, в пределах России, миграцией.

Миграционные процессы отражаются не только на демографической ситуации в регионе, но и на криминогенной обстановке (табл. 2) [6; 19; 23]. Мигранты становятся субъектами преступлений и в качестве жертв, и в качестве правона-

рушителей, и в качестве благоприятной среды для совершения преступных деяний, связанных с миграцией. Например, в 2016 году в республике правоохранительными органами было выявлено 28 фактов незаконной миграции и 431 случай фиктивной постановки на учет иностранных граждан. В 2018 году за нарушения правил въезда на территорию Российской Федерации или режима пребывания в стране решением суда за ее пределы было выдворено 1032 мигранта, что на 2,2% больше, чем в 2017 году [14]. Влияние криминальной девиации на демографические процессы в Республике Башкортостан не носит выраженного или критического характера, но все же имеет место.

Таблица 2

**Влияние миграции на криминогенную обстановку
в Республике Башкортостан (ед. и % прироста и убыли)**

Криминальные проявления	Годы			
	2015	2016	2017	2018
Совершено преступлений иностранными гражданами и лицами без гражданства	288 (–18,6%)	355 (+23,3%)	422 (+18,9%)	280 (–33,8%)
Совершено преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства	182 (+11,0%)	147 (–19,2%)	188 (+27,9%)	170 (–9,8%)

В свою очередь, демографический фактор также оказывает влияние на криминогенную девиацию: это половозрастная и поселенческая структуры преступности (в городах и сельской местности, женская преступность, преступность несовершеннолетних и мигрантов, безработных и др.). Каждый вид преступности характеризуется особыми причинами, составом, последствиями и тенденциями. Например, в 2017 году в Республике Башкортостан преступления, совершенные в городах и поселках городского типа, составили 69,3% зарегистрированных преступных деяний. В этом же году из числа выявленных лиц, совершивших преступления (27913), женщины составили 12,9%, а несовершеннолетние — 3,9% [13].

При разработке стратегий, программ, планов и прочих документов, определяющих направления совершенствования демографической политики, правоохранительных практик и социально-экономического развития важно учитывать взаимовлияние криминогенных и демографических факторов. Следует согласиться с Я.И. Гилинским, подчеркнувшим, что «одни и те же социальные, экономические, политические, психологические и прочие факторы воздействуют на любое поведение людей. Поэтому являются ли „криминогенные“ факторы криминогенными? Да. Но в равной степени алкогенными, наркогенными, суицидогенными, „порождающими“ творческую активность и обыденную, повседневную жизнедеятельность» [4. С. 9].

Человечество на протяжении всей своей истории стремится противодействовать деструктивным проявлениям социальных отклонений, но результаты этого противодействия различны и часто далеки от ожидаемых: государство и общество совершенствовали законодательство, практику правового и нравственного контроля, расширяли состав и реформировали работу правовых институтов и организаций, улучшали имеющиеся и разрабатывали новые средства, технологии и методы противодействия. Очевидно, что преодолеть девиацию вообще невозможно.

В юридической и социологической литературе все больше авторов разделяют тезис Э. Дюркгейма и П. Сорокина, что девиация, в том числе преступность, не противопоставлена обществу, а сопровождает его — это часть реального поведения, своего рода социально-правовая конструкция [9. С. 463—464; 22. С. 63—65]. Следовательно, речь может идти преимущественно о минимизации проявлений криминальной девиации и доведения ее до социально терпимого уровня, чего невозможно добиться наказанием, запретом или общественным осуждением — только формированием в общественном сознании устойчивого и активного неприятия девиаций, а также вытеснением деструктивных видов девиации и замещением их социально полезными видами, включая социальное творчество.

При определении стратегии и тактики противодействия проявлениям криминальной девиации необходимо учитывать ее природу и определять ее социально терпимый уровень. Не менее важно и совершенствование мер и технологий, используемых различными субъектами, прежде всего правоохранительными органами, в работе по снижению уровня и сокращению форм криминальной девиации. В ходе нашего исследования экспертам (выборка — 50 человек; преподаватели и слушатели Академии управления МВД России в Москве и руководители служб и отделов МВД по Республике Башкортостан в Уфе) было предложено проранжировать в зависимости от силы влияния возможные меры воздействия на криминальную девиацию (табл. 3). Эксперты отдали предпочтение, прежде всего, превенции криминальной девиации (предотвращение и профилактика), результативность которой они оценивают как «среднюю», раскрытию преступлений, поскольку это один из главных критериев оценки их работы, а также мерам, направленным на усиление ответственности за правонарушения. Меры, применение которых связано со взаимодействием с социальной средой, оцениваются скромнее. Каждый третий эксперт (31,3%) указал на необходимость разработки и апробации таких мер влияния на социальные отклонения, которые учитывали бы исторические, этнические, конфессиональные и в целом культурные особенности региона.

Таблица 3

Оценка экспертами влияния мер, направленных на снижение уровня и сокращение форм проявления криминальной девиации

Мера влияния	%	Ранг по сумме показателей «влияние очень существенное, сильное» и «влияние заметное»
Усиление работы по предотвращению криминальной и других форм девиаций	84,7	1
Повышение эффективности профилактики отклонений	75,4	2
Усиление работы по раскрытию преступлений	73,8	3
Ужесточение санкций за нарушение правовых норм	68,1	4
Криминализация правовых норм	65,2	5
Научно обоснованное прогнозирование тенденций криминальной и других форм социальных отклонений, мониторинг их проявлений и эффективности мер противодействия	50,3	6
Широкое привлечение общественности	44,6	7
Декриминализация правовых норм	40,9	8
Создание действенного механизма социального контроля	37,5	9
Активное воздействие на массовое сознание с целью формирования нетерпимого отношения к проявлениям криминальной девиации	30,4	10
Замещение девиантных форм социально полезными	26,8	11

Отмечая низкий уровень взаимодействия правоохранительных органов с общественными организациями в деле противодействия проявлениям криминальной девиации, эксперты (57,1%) в ряде институтов, которые, на их взгляд, имеют наибольшие возможности влиять на уровень и формы криминальной девиации, наряду с правоохранительными органами (78,4%) поставили семью (75,3%), образовательные организации (68,4%), трудовые коллективы (63,8%), органы власти и управления (58,2%), общественные формирования правоохранительной направленности (50%), средства массовой информации (48,4%), социальную рекламу (40%) и органы здравоохранения (37,5%). Потенциал влияния политических партий, профессиональных союзов, общественных организаций не правоохранительного профиля эксперты оценили значительно ниже (20,7—14,4%). Оценки экспертов говорят о том, что серьезным потенциалом минимизации проявлений криминальной девиации обладают те социальные институты, которые во взаимодействии с органами социального обеспечения и защиты могут позитивно влиять и на демографическую ситуацию. Благоприятная социальная среда в одинаковой мере необходима и для улучшения демографической ситуации, и для снижения проявлений криминальной девиации и ее влияния на демографическую ситуацию.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 18-411-020007 «Состояние и динамика криминальной девиации в Республике Башкортостан и ее минимизации на региональном уровне».

Библиографический список

- [1] *Ашафенбург Г.* Преступление и борьба с ним: Уголовная психология для врачей, юристов и социологов. М., 2013.
- [2] *Борисов В.А.* Демографическая дезорганизация России: 1897—2007. Избранные демографические труды. М., 2007.
- [3] *Гилинский Я.И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2007.
- [4] *Гилинский Я.И.* Преступность — что это? Кто виноват? Что делать? // Вестник КЮИ МВД России. 2019. № 1.
- [5] *Гогель С.К.* Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. М., 2010.
- [6] Демографические показатели муниципальных образований Республики Башкортостан. Уфа, 2018.
- [7] Демографический потенциал Республики Башкортостан: состояние и тенденции развития / Отв. ред. Р.М. Валиахметов, Г.Ф. Хилажева; сост. Н.К. Шамсутдинова. Уфа, 2013.
- [8] Добренев В.И., Кравченко А.И. Социология. Т. 3. М., 2000.
- [9] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесл. А.Б. Гофмана. М., 1990.
- [10] *Егорышев С.В.* Правоохранительные органы Республики Башкортостан в противодействии криминальной девиации // Вестник ВЭГУ. 2018. № 6.
- [11] Итоги деятельности МВД по РБ за январь—декабрь 2015 года // <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti>.
- [12] Итоги деятельности МВД по РБ за январь—декабрь 2016 года // <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti>.
- [13] Итоги деятельности МВД по РБ за январь—декабрь 2017 года // <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-dejatelnosti>.

- [14] Итоги деятельности МВД по РБ за январь—декабрь 2018 года // <https://02.xn--b1aew.xn--plai/slujba/itogi-dejatelnosti>.
- [15] Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / Пер. с фр. М., 1990.
- [16] Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения. Казань, 2013.
- [17] Лежнев Ю. Люди уезжают из-за работы, учебы и по личным обстоятельствам // «МК» в Башкортостане. 2019. 10—17 июля. № 29.
- [18] О самоубийствах в Республике Башкортостан. Уфа, 2017.
- [19] Республика Башкортостан. Демографический доклад. Вып. 3 / Под общ. ред. Г.Ф. Хилажевой, Н.К. Шамсутдиновой. Уфа, 2018.
- [20] Скрябина Я.А. Особенности репродуктивного поведения населения в условиях трансформационной российской экономики. Уфа, 2012.
- [21] Смертность населения от внешних причин в России с середины XX века / Под ред. А.Г. Вишневого. М., 2017.
- [22] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. М., 1992.
- [23] Состояние преступности в России за январь—декабрь 2018 г. М., 2019.
- [24] Указ Главы Республики Башкортостан от 23 сентября 2019 года № УГ-310 «О стратегических направлениях социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2024 года» // <https://nra.bashkortostan.ru/25191>.
- [25] Указ Президента Российской Федерации от 7.05.2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // <http://kremlin.ru/acts/bank/43027>.
- [26] Фромм Э. Душа человека. М., 1992.
- [27] Фэрри Э. Уголовная социология. М., 2009.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-89-101

The influence of criminal deviation on the demographic processes in the Republic of Bashkortostan^{*}

S.V. Egoryshev

Eastern Economic and Law Humanitarian Academy
Institute of Social and Economic Research
of the Ufa Federal Research Center of the RAS
Mendeleeva St., 215/4, Ufa, 450071, Russia
(e-mail: nauka@vegu.ru)

Abstract. The current demographic situation in most regions of Russia is characterized by a number of negative trends associated with population decline, aging, low birth rate, high mortality, redistribution of migration flows and outflow of population, mainly of its young and working-age part, to the most economically developed regions, cities and abroad. Numerous factors influence the state and trends of demographic processes; this influence is studied and taken into account when the strategies of the demographic and social-economic policies of the country as a whole and its regions are considered. The social-

^{*} © S.V. Egoryshev, 2020.

The article was submitted on 25.10.2019. The article was accepted on 20.11.2019.

economic development and its specific components including demographic processes are also determined by social deviations of a delinquent and criminal nature. The destructive consequences of criminal deviation for demographic processes are not obvious or critical, but they are manifested both directly (human losses) and indirectly (material and financial costs, increased mortality from alcohol, drugs, suicides, social exclusion of people who are sick or isolated due to deviations). Criminal deviation as a type of destructive social deviations is manifested mainly in crime and in those deviations that are its cause and corpus delicti. Based on the analysis of statistical and sociological data on the Republic of Bashkortostan, the author considers negative consequences of criminal deviation for the demographic situation and insists on the need to find effective measures to reduce them to a socially acceptable level (a criterion of such measures effectiveness).

Key words: social deviations; criminal deviation; regional society; demographic situation; destructive trends; socially acceptable level of deviation; measures to minimize criminal deviation

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 18-411-020007 “The state and dynamics of the criminal deviation in the Republic of Bashkortostan and its minimization at the regional level”.

References

- [1] Ashaffenburg G. *Prestuplenie i borba s nim: Ugolovnaya psikhologiya dlya vrachei, yuristov i sotsiologov* [Crime and Fight against It: Criminal Psychology for Doctors, Lawyers, and Sociologists]. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [2] Borisov V.A. *Demograficheskaya dezorganizatsiya Rossii: 1897—2007. Izbrannye demograficheskie trudy* [Demographic Disorganization of Russia: 1897—2007. Selected Demographic Works]. Moscow; 2007 (In Russ.).
- [3] Gilinsky Ya.I. *Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiits i drugikh “otklonenii”* [Deviantology: Sociology of Crime, Drugs, Prostitution, Suicides and Other ‘Deviations’]. Saint Petersburg; 2007 (In Russ.).
- [4] Gilinsky Ya.I. *Prestupnost — chto eto? Kto vinovat? Chto delat?* [Crime — what is it? Who is to blame? What to do?]. *Vestnik KYul MVD Rossii*. 2019; 1 (In Russ.).
- [5] Gogel S.K. *Kurs ugolovnoi politiki v svyazi s ugolovnoi sotsiologiei* [A Course on Criminal Policy in Connection with Criminal Sociology]. Moscow; 2010 (In Russ.).
- [6] *Demograficheskie pokazateli munitsipalnykh obrazovaniy Respubliki Bashkortostan* [Demographic Indicators of Municipalities in the Republic of Bashkortostan]. Ufa; 2018 (In Russ.).
- [7] *Demografichesky potentsial Respubliki Bashkortostan: sostoyanie i tendentsii razvitiya* [Demographic Potential of the Republic of Bashkortostan: State and Development Trends]. *Otv. red. R.M. Valiakhmetov, G.F. Khilazheva; sost. N.K. Shamsutdinova*. Ufa; 2013 (In Russ.).
- [8] Dobrenkov V.I., Kravchenko A.I. *Sotsiologiya* [Sociology]. Vol. 3. Moscow; 2000 (In Russ.).
- [9] Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [Division of Labor in Society. The Rules of Sociological Method]. *Per. s fr. i poslesl. A.B. Gofmana*. Moscow; 1990 (In Russ.).
- [10] Egoryshev S.V. *Pravookhranitelnye organy Respubliki Bashkortostan v protivodeistvii kriminalnoi devyatsii* [Law enforcement agencies of the Republic of Bashkortostan in the fight against criminal deviation]. *Vestnik VEGU*. 2018; 6 (In Russ.).
- [11] *Itogi deyatelnosti MVD po RB za yanvar—dekabr 2015 goda* [The results of the activities of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Bashkortostan in January—December of 2015]. <https://02.xn--b1aew.xn--plai/slujba/itogi-deyatelnosti> (In Russ.).
- [12] *Itogi deyatelnosti MVD po RB za yanvar—dekabr 2016 goda* [The results of the activities of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Bashkortostan in January—December of 2016]. <https://02.xn--b1aew.xn--plai/slujba/itogi-deyatelnosti> (In Russ.).

- [13] Itogi deyatelnosti MVD po RB za yanvar—dekabr 2017 goda [The results of the activities of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Bashkortostan in January—December of 2017]. <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-deyatelnosti> (In Russ.).
- [14] Itogi deyatelnosti MVD po RB za yanvar—dekabr 2018 goda [The results of the activities of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Bashkortostan in January—December of 2018]. <https://02.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/itogi-deyatelnosti> (In Russ.).
- [15] Camus A. *Buntuyushchy chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo* [The Rebel. Philosophy. Policy. Art]. Moscow; 1990 (In Russ.).
- [16] Komlev Yu.Yu. *Teorii deviantnogo povedeniya* [Theories of Deviant Behavior]. Kazan; 2013 (In Russ.).
- [17] Lezhen Yu. Lyudi uezzhayut iz-za raboty, ucheby i po lichnym obstoyatelstvam [People leave looking for job, to study and for personal reasons]. *MK v Bashkortostane*. 2019; 29 (In Russ.).
- [18] O samoubiistvakh v Respublike *Bashkortostan* [On Suicides in the Republic of Bashkortostan]. Ufa; 2017 (In Russ.).
- [19] Respublika Bashkortostan. Demografichesky doklad. Vyp. 3 [Republic of Bashkortostan. Demographic Report. Issue 3]. Pod obshch. red. G.F. Khilazhevoi, N.K. Shamsutdinovoi. Ufa; 2018 (In Russ.).
- [20] Skryabina Ya.A. *Osobennosti reproduktivnogo povedeniya naseleniya v usloviyakh transformatsionnoi rossiiskoi ekonomiki* [Features of the Population Reproductive Behavior in the Transformational Russian Economy]. Ufa; 2012 (In Russ.).
- [21] Smertnost naseleniya ot vneshnikh prichin v Rossii s seredine XX veka [Mortality from External Causes in Russia in the Mid-20th Century]. Pod red. A.G. Vishnevskogo. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [22] Sorokin P.A. *Chelovek. Tsvilizatsiya. Obshchestvo* [Person. Civilization. Society]. Obshch. red., sost. i predisl. A.Yu. Sogomonov. Moscow; 1992 (In Russ.).
- [23] Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar—dekabr 2018 g. [Criminal situation in Russia in January—December of 2018]. Moscow; 2019 (In Russ.).
- [24] Ukaz Glavy Respubliki Bashkortostan ot 23 sentyabrya 2019 goda № UG-310 “O strategicheskikh napravleniyakh sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Bashkortostan do 2024 goda” [Decree of the Head of the Republic of Bashkortostan from September 23, 2019 No. UG-310 “On the strategic directions of the social-economic development of the Republic of Bashkortostan until 2024”]. <https://npa.bashkortostan.ru/25191> (In Russ.).
- [25] Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 7.05.2018 g. “O natsionalnykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2024 goda” [Decree of the President of the Russian Federation from May 7, 2018 “On the national and strategic goals in the development of the Russian Federation until 2024”]. <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (In Russ.).
- [26] Fromm E. *Dusha cheloveka* [Human Soul]. Moscow; 1992 (In Russ.).
- [27] Ferri E. *Ugolovnaya sotsiologiya* [Criminal Sociology]. Moscow; 2009 (In Russ.).



DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-102-114

Local development initiatives in the Lake Ladoga Region: Reasons for success and approaches to funding*

J. Nikula¹, I. Kopoteva^{1,2}¹University of Helsinki*Unioninkatu, 33, Helsinki, 00014, Finland*²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, Russia, 119571*(e-mail: jouko.nikula@helsinki.fi; inna.kopoteva@gmail.com)

Abstract. The peripheral (rural) regions in most countries face four vicious circles that contribute to their low level of development and inability to achieve the sustainable level of development. The first vicious circle is related to demography and is caused by the vulnerable population; very few young people and imbalance of women and men lead to poor economy, i.e. dominance of subsistence economy over production or trade; unfavorable age structure combined with poor services lead to very low birth rate and high levels of migration. The second vicious circle of remoteness is related to the fact that poor infrastructure does not attract businesses or new residents in the area, which contributes to high levels of migration as young and working-age population, especially families with young children, move out. The third vicious circle is related to education: the low level of education and skills mean that there is no labor force available in the region, which prevents business from entering the local market. Lack of employment means high poverty risk, which again accelerates migration from the rural areas. All these processes undermine the possibilities for local development simply because there is not enough human or economic capital to sustain rural development. These negative trends are not only typical for rural areas of Russia but have a strong impact on peripheral areas of many other post-socialist and European countries. The governments in Russia and European Union introduced various programs and measures to promote local development so that to overcome the negative consequences of all the mentioned vicious circles. In the first part of the article, the authors evaluate some local development efforts funded by the Ladoga Initiative project, successful and failed projects aimed at overcoming the vicious circles. In the second part of the article, the authors describe grant and priority programs introduced in Russia to support local development.

Key words: local development; local initiatives; Lake Ladoga Region; rural periphery; successful projects; failed projects; funding

The fruits of the Russian economic growth have not trickled down to Karelia or her rural areas: the gross regional product (GRP) in the Republic of Karelia does not exceed 80% of the national average [6]. In general, the Republic of Karelia is classified as a region without a clear specialization, which means that no economic sector performs here above the national average. The only sector approaching the national average is ‘non-marketed-services’ or public sector. Karelia is usually considered a ‘remote periphery’ in the regional system of North-Western Russia [15; 20]. It is geographically remote from the core economic areas (like Saint Petersburg) and suffers from many

* © J. Nikula, Inna Kopoteva, 2020.

The article was submitted on 06.05.2019. The article was accepted on 03.09.2019.

such problems as depopulation, weak economic activity, budget deficit, low investment potential, poverty and social differentiation, insufficient urbanization and insufficient infrastructure [2; 9; 10].

In recent decades, the role of the Ladoga Region has not been very significant in the Karelian economy for its economic potential depends mainly on tourism. In recent years, the infrastructure servicing tourism has developed due to investments in roads and tourist attractions. However, it is the public sector that provides employment for the majority of rural population. The economy of Karelia deteriorated in the last 3—4 years, and the region accumulated debts; therefore, Karelia has recently asked for emergency financial help from Moscow due to being unable to fulfill some of its key budgetary obligations [24]. The Karelian economy is very vulnerable and the local governments do not have resources for development policies, because they depend on federal and regional funding. In general, the situation in the Karelian countryside is not any better than five years — its development is too slow.

One of the approaches to revitalizing the Karelian economy is initiative projects. One of the most famous is the Ladoga Initiative project implemented in 2011—2013. The project aimed at the transfer of successful practices and knowledge on the local development from Finland to the selected areas in Karelia and Leningrad Region. Such practices and principles include a definition of the village as a basic unit of rural development; organizing local action groups as a link between local population and local authorities; accepting the experiences and understanding of local people as an important means of the development efforts [12; 13]. Ladoga Initiative also emphasized the central role of local actors in developing the strategy and selecting the priorities, which meant that partnerships between population, administration and local businesses were to be promoted. Several mini-projects finished in summer of 2013 after the official end of the project that was considered successful in achieving its main goals, supporting local cooperation initiatives, and teaching project skills to local activists [13].

Five years later after the Ladoga Initiative, we made a post-evaluation trip to Russian Karelia in order to answer the following questions: How were local people pushed to activism and how were local projects implemented? How the maintenance of the projects results was organized? Who was responsible for it and what was done during five years after the project? Activating people and developing partnership relations are very long processes that worked within the project, but did they continue to develop after the end of the Ladoga Initiative project? Are the local action groups still working and do people continue to work for the community? Do the partnership relations established within the project still work? What is the general situation with civic activity in the Russian rural areas? Is there any significant social capital in rural Russia?

Another important task of the research was to find out if the Ladoga Initiative project could contribute to adapting the LEADER approach in Russia [12—14]. Although the scope of the problem in the West and Russia is different, the challenges the rural areas face are quite similar: basically, how to keep a viable countryside by providing jobs and ensuring a satisfactory quality of life. Therefore, implementation of the LEADER approach is not only possible but also highly desirable for rural development. This, another main question of the research was about the barriers and challenges for adapting the LEADER project in Russia?

We conducted our evaluation research in September 2018 in the selected locations in the Olonets and Pitkaranta municipal districts of the Republic of Karelia. We chose these two municipal districts as our case because they had the largest number of projects funded within the Ladoga Initiative (25 out of 30).

Successful projects

The original idea of the Family Centre “Rodnik” was to create a cultural place for recreations. The activists used project funding to buy furniture and gym equipment and used their own resources to repair the building. The work was done with the help of a group of volunteers, two local enterprises and the local authorities. The main activist was an employee of the local cultural house. Today “Rodnik” has a library room, the main hall, a gym, and an outside performance platform used mainly in summer. During five years after the Ladoga Initiative, the rooms were redecorated, but the weaving loom was taken away and its room is used as a dressing room and wardrobe for concerts. The main hall is used for different local events, elections and can be rented for family events like birthdays (the rent is paid to the local budget).

The main hall is used almost on daily basis. About 10% use the gym daily for 30 Rubles per hour. There is few equipment in the gym for nothing was bought after the Ladoga Initiative project. A part of equipment needs repairs; since part of the gym was used as a temporary storage for building materials for the neighboring room, another part of equipment was not used. The local administration participated twice in a funding competition in the Karelian Program for Local Initiatives Support so that to get a shower for the gym, but the applications were not chosen for funding.

The library has collections of books and journals but no modern technologies or services (games, Internet, CDs or DVDs). The main users of the library are children and elderly for the youth do not find anything interesting and adults have own computers and TVs. Moreover, the local school has its own library which also reduces the number of users of the ‘Rodnik’-library.

‘Rodnik’ staff plans to have disco and other such activities outside its building, at the performance platform. Local administration organizes village meetings every second, year and the attendance is relatively good. In addition to village meetings, there are other local events that usually attract about 40—50 people once a month. The building has a room which is under renovation to be transformed into a local post-office. Local authorities occasionally organize courses for the local unemployed (about once in three years) and pay for the maintenance of the ‘Rodnik’ that employs two persons — a librarian and a cultural club manager, and plan to hire also a gym trainer and a handicraft teacher. Besides, there is an idea to resume cooperation between the women’s society ‘Aino’ and the Finnish ‘Martta’ and to develop interaction with travel agencies.

Thus, the project was partly a success for it managed to create a common place for the locality. The rents and fees do not cover the maintenance costs of the building, and the main responsibility for it is on the local authorities. The project did not partly succeed for it failed to create wide partnerships with local businesses or organisations and turned into an ‘administration project’, in which the local authorities pay wages and provide money for various purposes. Such a central role of the local administration in the local development contradicts to the key ideas of the LEADER project that aims

at encouraging local people to create voluntary organisations to innovate, organize and coordinate developmental ideas and cooperate in their realization. In Russia, as a rule the local administration is the key actor for two reasons; first, most of the state programs insist that administrations are the main applicants for funding rather than local people; second, in general it is extremely difficult for local people to create NGO's due to too complicated procedures and too demanding bureaucracy.

Village Läskeleä in the Pitkaranta municipal district is an interesting case, because there are active members of local community participating in different projects: a local teacher, a head of municipality, entrepreneurs, school pupils and their parents. Within the Ladoga Initiative project, the local initiative group decided to create a sports ground. According to the plan, a 364 m² professional jogging artificial track was built around the school's stadium, 70 meters of concrete and 85 meters of wooden border were made together with a runway for long jumps, horizontal bars, wall bars, two basketball stands with shields, and the benches for football players. The main actor of the sport ground project praised the Ladoga Initiative project as a good experience for other projects. The new knowledge in project details allowed the local community to apply for grants from other sources. The school applied to the Timchenko Foundation and to different regional and federal foundations for various grants such as for building an ice-rink and playground for children. The ice-rink and playground for children were also built near the school. There is also a track of the Great Patriotic Game consisting of different barriers to go under or climb over. There is a republican school competition in this 'sports, and the Läskeleä school won it three times in a row. All other projects around the school are linked to sports, and there is a plan to build a biathlon track for the summer.

Thus, this case is very successful due to the efforts of a group of active people who managed to implement the project, to develop the project culture among members of the group and to participate in other grant program. Here the Ladoga Initiative project gave an impulse for the active rural development.

In the village Salmi of the Olonets ethnic municipal district, the project aimed at opening a new rural hairdressing salon with modern equipment to use new technologies in hairdressing and to improve the quality of services for the rural population. Two local women studied at the Center for Employment to develop business plans under the state Self-Employment Program. After presenting their business plan they received funding to start their business. The entrepreneurs opened a hairdressing salon by renting and repairing the premise and buying some equipment with their own money and with the Ladoga Initiative funding. From the beginning, the business grew steadily, and they planned to have new services (nails, make-up, etc.) for those 15—18 clients they had a day. Unfortunately, one business partner died a year ago.

In the village, there are two hairdressing salons. There is no competition between them for both have their own clients. The entrepreneurs' hairdressing salon has about 10 clients a day, which is enough for one working person. Owner of the salon does not plan to hire any trainee or co-worker, but she would like to rent another seat for a co-worker with her/his own clients. The entrepreneur still rents the premise from Pitkaranta district municipality and wants to buy it. However, the local authorities do not wish to sell it. The entrepreneur would like to get an additional training so that

to provide new services, but she is not ready for full-time studying. The entrepreneur is aware that there are programs to apply for funding for renovations, but she does not see any urgent need for that.

This is an example of successful and quite entrepreneurial project that met the goals of the Ladoga Initiative. The good side of this project is that it combined the state funding within the Self-Employment Program and the Ladoga Initiative funding to create and develop additional services for the rural population. It was the only business project supported by the Ladoga Initiative, because the local people refused to fund any business as lacking any socially significant effect. The people preferred to wait for state initiatives to get services free of charge instead of supporting entrepreneurs to provide them. Although creation of new jobs was a priority in all project rural areas, the applications of private businesses providing new jobs were not supported according to the principle 'we would rather be poor than let others earn money'.

The hairdressing salon was successful probably because it was already working and people got used to it. There was a request from the local population to develop colouring services, for which additional equipment was needed and was bought within the Ladoga Initiative project.

In the village Vidlitsa of the Olonets ethnic municipal district, the main actor of the project 'Names of the Native Region' was a village cultural club with its staff. The idea was to get the rural youth involved in the process of collecting photos and videos of the oldest inhabitants of the village to save their stories, to learn about history and culture, to make an exhibition and to publish leaflets. For this purpose, several courses with journalists and photographers of the local newspaper *Olonia* were organised for the youth. The cultural club coordinated the creation of electronic photo albums and web pages about the veterans of Vidlitsa, and organized an exhibition in the village. Moreover, some equipment was bought, such as a camera, computer and multifunction device (printer/xerox/scanner). Today the multifunction device is used by the administration, the computer and camera — by the cultural house 'Fiesta'. The cultural house also bought a projector with their own money to organize a mini-cinema for the kids.

The project 'Names of Native Region' continues: Vidlitsa veterans' organization got funding from the Timchenko Foundation to make historical-ecological trails with different objects of historical-cultural heritage in the Vidlitsa rural municipality. The length of the route is about 7—10 km. The project includes several films about the trails and trekking of the local people along the trail to combine the ideas of fitness, local history and environment protection. The first trekking attracted a lot of local people with some walking, some biking. The project was implemented by the non-registered initiative group. The Ladoga Initiative Project taught the local people skills of writing applications and voluntary work, which are the only possibility to get things done. The main obstacle for such work is co-financing of projects which is an obligatory part of any grant program, i.e. it is quite easy to organize voluntary works, but very difficult to find money for co-financing.

Another 'people's project' aimed at creating the monument in honour of those who returned from the World War II. This project was implemented in the village Vidlitsa in 2017—2018 with 270 thousand Roubles. It was planned to have 180 names on the monument, but at the end there were more than 300. People wanted to see the names

of their relatives who participated in the World War II. This patriotic project collected a lot of money and many volunteers. Current and former villagers, some living in Moscow, Saint Petersburg and even Finland, participated in the project considered as an important part of their life. Thus, history seems to be a powerful stimulus for people to invest money and engage in voluntary activities for common goals.

Here we see two active actors — the cultural house and the veterans' organization which implement many projects and play a key role in the local development. Beyond efforts of these organisations, there does not seem to be any active partnership of other potential actors like local authorities, business or local people. The local administration supports local initiatives to some extent, but the cultural house operates mostly by itself; while entrepreneurs are not interested to help or participate in any of such activities. Moreover, the demographic structure of Vidlitsa sets some limits to activities too since 60% of its population are pensioners. There are young and active people among local entrepreneurs and administration, but probably the volatile nature of funding of local development and lack of local financial and other resources do not allow the local entrepreneurs to invest money and efforts to the local developmental.

In the village Iljinsky of the Olonets ethnic municipal district, there is a large group of local craftsmen mainly women. The idea of the project 'Merkki' (in Karelian — 'brand') was to create a brand for the local handicraft production. They craftsmen made a logo for the badges and an official emblem for the cultural house. This logo consists of a pine-tree on the banks of the Olonets-river. Today it is used as a badge for carpets and mittens only. To promote the sale of carpets and mittens they invented stories to make customers interested in their goods: "They are special, not a mass product". However, the logo is not registered, which is crucial for any brand.

There are about 30 craftsmen in the village. They have premises in the local cultural house — 5 hand looms and 1 for children; besides, there are 8 private hand looms in the village. The craftsmen organize courses for young people and participate in handicraft exhibitions in Karelia. They produce carpets, mittens, various things from birch bark, bed covers, etc. In 2016, 28 craftsmen participated in the large exhibition of the traditional Karelian handicrafts in Petrozavodsk, later in exhibitions in other Karelian towns like Olonets (2017), Belomorsk (2018), etc. 34 craftsmen participated in the celebrations of the Day of the Republic by a 'carpet march'. Their plan to make their products more successful and well-known is hampered by the fact that there are no cheap products. They wanted to create a line of products from the cheapest ones to more expensive, but still did not succeed, which explains why they still do not sell much. Thus, to ensure the sustainability of this successful project, the local craftsmen have to take many additional steps to intensify and improve marketing, to start cooperation with tourism business, to create a group in social networks or a web-site to promote their products through the Internet, etc.

Failed projects

In 1996—2000, there were almost 40 members in the women handicraft club in the Vidlitsa village. They had contacts with the Finnish women organization 'Martta' and Valmet tractor factory through the local state farm. In the Ladoga Initiative project,

there were 13 older ladies who weaved carpets with hand looms. The club did not have any legal status, premises or state support, it was and still is an informal club with association as a key goal and communality as a key value. When this group applied for funding from the Ladoga Initiative project, their idea was to organize master classes to contribute to the revival and promotion of the Karelian crafts by providing necessary facilities for leisure and recreation activities. With the project support the premises were repaired, furniture and some equipment were purchased.

Today there are 9 older ladies who gather twice a week to weave and talk. The premises represent a problem for any activity, because it lacks toilet, water and heating. The club rents the premises from the former state farm which is a private enterprise, and the ladies pay for the electricity. The club members are aware of funding possibilities but they do not want to apply, because they know and fear the efforts to prepare all the papers. They receive some financial help from the local shop keeper, but in general manage on their own. They believe that people are scared to make formal organization because of bureaucracy. Moreover, the life in the village has worsened: there are no big enterprises left and the youth leaves the village, because there are no jobs. Since there are no enterprises, there is no income for the local budget and development. The available services in the village include ambulatory (a health center), minibuses to Olonets and big buses to Saint Petersburg. However, the level of living has improved: *“in the 1990s, under the economic crisis, people bought only a toothpaste, but now under the economic crisis people buy televisions and freezers”*.

The women handicraft club still function despite the fact that the number of its members decreased. Within the Ladoga Initiative project, they improved the rented premises, bought a heater and a teapot. Today they organize meetings twice a week, which is very important, but they did not achieve the goals of the project — the transfer of skills and knowledge in weaving, higher incomes for the members of the club, and mutual benefits for the local administration and local business.

In the village Iljinsky, the idea of the Ladoga Fair was to improve collaboration of the three districts' artisans: 3 tents were bought so that artisans and other actors (dancing groups and other cultural activists) could participate in different fairs and markets in the area. The group of artisans rented mini-buses within the Ladoga Initiative funding, and today they also have to rent buses, which limits their participation in different events. They rent a bus from the local enterprise, the former state farm, which is expensive. The local administration does not have its own transport, and the local school does not want to provide its bus. The cooperation of artisans did not develop much after the Ladoga Initiative project, but there are some joint activities (like markets of entrepreneurs from different locations).

In the village Iljinsky, the idea of the Ladoga Wave project was to improve the traditional recreation site on the Ladoga shore. The plan was to establish 'ecological days' to combine cleaning of the lake shore with enhancing the community spirit. The initiators of the project applied for funding for constructing cabins to change clothes and to buy a generator for the equipment. Unfortunately, the part of funding from the local authorities was delayed, the weather conditions did not allow to organize the first event, and the attendance of local people was much smaller than the organizers hoped.

The project could have been very important for the village development: it was to attract the unemployed to do something meaningful for the community and, thus, to prevent them from social exclusion; and also to develop tourism that would create new jobs. Besides the reasons mentioned above, the project did not succeed for the authorities prohibited all activities at the lake after the accident at the Lake Sjamozero, when a group of young people drowned. Today the project exists rather informally — as an active group of families not allowed to organize anything at the Lake Ladoga shores, which means that there is actually no ecological project. This group organizes small ecological actions twice a year to clean the Ladoga Lake's shores.

Local development and grant programs

The Ladoga Initiative project is one example of the local development mechanisms. LEADER is the European methodology of rural development which we tried to apply to the Russian rural areas within the Ladoga Initiative project. The success of this methodology is possible if all actors involved are interested in it and have resources for its implementation. However, in the Ladoga Initiative project we had problems with the local authorities' financial obligations.

One of the priorities of the Russian municipal reform since 2006 has been fastening the profitable resources and eliminating the non-financed mandates. The effective implementation of local functions depended on the financial and economic resources of municipalities; therefore, changes in the mechanism of financing municipalities were the key aspect of the municipal reform. The Article 49 of the Federal Law FL-131 (2003) 'On the Basic Principles of Local Government in the Russian Federation' defined the term "economic basis of local self-government" as a combination of municipal property, property rights of municipalities and local budgets. However, the implementation of the municipal reform was not supported by other economic measures. The local government can be effective only if it is economically successful, i.e. has a sufficient local budget. For many years political and scientific elites discussed the problem of insufficient budgets, but nothing changed. Under the reform, the dependence of local budgets on the financial support increased. The ability of local budgets to solve local problems depended on the transfer of tax shares and/or direct financial support from the higher levels. Thus, the local self-government was declared independent, but the state did not provide the economic basis for this independence. The local government was deprived of autonomy in financial management, confused by constant changes by the federal authorities, and drown in debts.

The Russian state introduced a number of documents on rural development and means to promote it, in which emphasized the importance of partnerships between the state, local governments, businesses and rural population, and the need to develop local self-government, civil society and all forms of cooperation. The Russian state developed a system of grant support/priority projects to encourage initiatives of rural communities, especially in physical culture and sports, children's and youth recreation, and preservation of environment. Rural development programs are funded by three levels — local, regional and federal; besides, there are also private foundations' projects to support the very limited local budgets.

Good funding possibilities for the local development are provided by the Program for Supporting Local Initiatives within the State Program ‘Development of Civil Society Institutions and Local Self-Government, Protection of Human and Civil Rights and Freedoms’ for 2014—2020. This federal program is implemented in many Russian regions including the Republic of Karelia. At first only rural and urban settlements could participate in the program, in 2015 urban districts joined it, and in 2016 municipal districts too. The program aims at the development of social infrastructure of municipalities through the allocation of subsidies from the national budget for the implementation of the most significant projects initiated by the population.

Objectives of the program are different across Russia, but the main ones are the same: support for activity of citizens at the local level, development of mechanisms of interaction between the authorities and population, increasing the level of public confidence in the government, improving the efficiency of budget expenditures and the social well-being of local residents (sports facilities, playgrounds, cultural and educational institutions, water supply systems, fire piers, municipal roads, parks, reconstruction of monuments and memorial complexes, etc.). One example of such projects is the construction of outdoor fitness facilities in rural villages. For instance, in Vidlitsa outdoor fitness facilities were built near the local administration together with a small park. The head of the local administration also received funding for cleaning parks. Both projects are examples of creating environments that are more comfortable and enlarge common public spaces for local people. Most such projects focus on building children playgrounds and sport facilities, repairing cultural institutions, general improvement of the territories and repairing water supply systems.

As many other grant programs, this program also is based on the principle of co-financing. Its budget consists of the sources from the budget of the Republic of Karelia, municipal budgets and individuals and legal entities. The share of municipal sources is 30% for urban districts, 20% for municipal districts and urban settlements, and 10% for rural settlements. The sources of local population and other legal entities is 10% for urban districts and 5% for municipal districts, urban and rural settlements.

In the first four years of the program 172 projects were implemented through 6 steps. First, a group of active people — a local initiative group — has to be created to discuss the most important problems of the territory (if needed, a small local survey can be conducted). Then there has to be a village meeting so that the local people discuss village problems and select one of them for the program. At the next step the application is written by the active locals together with the local authorities. The chosen projects are announced, and the two last stages are implementation of the project and writing a report on it. The role of the local initiative group is very important for it is responsible for application, collection of funds from the public and sponsors, informing the public about the progress of the project, monitoring the quality of work and ensuring the safety of the object in the future.

The overhaul of multi-store houses is a serious problem in Russia — more than 75% of apartment buildings have served for more than 25 years and need overhaul to restore proper technical condition. According to the Civil and Housing Codes of the

Russian Federation, the costs of properly maintenance of multi-store houses including repairs are to be borne by their owners. In 2013, the highest executive authorities of the Russian regions introduced regional programs for the overhaul of multi-store buildings: the owners of premises began to form a fund for the overhaul by monthly contributions for major repairs. Besides, there would be subsidies from the state if the region adopted a regional program (state subsidies can cover up to 50% of total costs, but no more than 5 million Roubles). There is a list of works that can be done within this program: repair of in-house engineering systems like electricity, heat, gas, water supply, drainage; repairs or replacement of elevator equipment; repairs of elevator shafts, roofs, basements, facades and the house foundation.

In our research, 69 multi-store houses in the Läskele rural municipality participated in the program to repair the foundation of the building, its roof, including rebuilding a non-ventilated roof into a ventilated one, to construct an access to the roof, to repair the facade, power and heat engineering systems, cold- and hot-water supply systems inside the house and basements, etc. Houses that were not included in the program make up a reserve list. However, no more than 10% of the total costs of the program can be used for the reserve list, which in fact means that no more houses can be added to the program. In general, there are more than 6500 houses in Karelia in the program.

Another state program aims at resettlement from dilapidated and collapsing housing and providing the population with housing of good quality, which does not pose a threat to life and health. Initially, it was to provide people with new housing in 8 years (2002—2010), but the authorities did not manage to achieve the goals of the program. Thus, it was extended to 2017, but additional 7 years did not bring the desired result, so it is to be completed in 2020. In our case study, only the Läskele administration tried to participate in all possible programs including the dilapidated housing program: people from 51 apartments of the 12 dilapidated multi-store houses got new apartments.

The federal priority project ‘Comfortable Urban Environment’ was approved in 2016 to ensure in 2017—2022 the annual implementation of a set of priority activities aimed at the systematic improvement of the quality and comfort of the urban environment at the municipal level (in municipalities with more than 1000 inhabitants). To implement such activities in the Republic of Karelia in 2018, more than 139 million Roubles were allocated — 94% from the federal budget and 6% from the budget of the Republic of Karelia. In 2018, 52 settlements participated in the project. Subsidies to the municipalities were distributed on the basis of the level of budget provision of municipalities and the number of population. The basic list of approved works consisted of repairs of driveways, lighting the yard areas, installation of benches and litter bins; while the additional list included building sidewalks and footpaths, installation of curbstones and swings, enlarging children’s (playing) and sports grounds, landscaping the territory, installation of lawn and decorative fences, dismantling of outbuildings, construction of sheds, etc. Works from the additional list requires co-financing from the local population or other local actors (not less than 3% of the budget of the Republic of Karelia allocated for additional types of works).

To become a part of the federal priority project it is necessary to meet two criteria: the meeting of the local population has to be organised and an application has to be

made. At the meetings the local people have to make proposals on what to improve, what works to be done, which is a problem for the local people are not active. Besides, there are conflicting interests: playgrounds are a priority for young couples with children, gym and other sport equipment — for the youth and working-age population, benches, landscaping, etc. — for the elderly. Within the priority project ‘Comfortable Urban Environment’, in Läskele the Pushkin park was improved together with the yards of multi-store houses including repairs of outdoor toilets and woodsheds, asphaltting yards and some children playgrounds.

Another important program of the Russian Federation is ‘Assistance to Starting Entrepreneurs’, according to which the employment centers provide citizens with financial assistance in opening their business. In 2019, the state allocated one-time subsidy of about 60 thousand Roubles for opening a business. The sum is small, but the conditions are easy: no competitive selection, not very strict requirements to a business plan (innovation, profitability, employee recruitment, availability of own starting capital and the use of the subsidy). According to the statistics, only 2% of the unemployed apply for such subsidies. In the Ladoga Initiative, there was only one business project for the local population is not ready to support business projects. All state programs for the local development works through the local authorities, which means that the local actors cannot apply for funding — only registered organizations can. However, there is private funding options, for instance provided by the Timchenko Foundation, that allow the local people to apply for funding directly.

Although the years of economic growth have not brought much prosperity to the rural areas of Russian Karelia, the living environment has improved. The successful projects that started under the Ladoga Initiative and within different funding schemes prove once again that the level of activity and commitment of local actors destroy the general beliefs of passive and consumer collective mentality of the rural population. As a rule, successful projects are those that have enthusiastic actors willing to further promote their ideas and activities, working hard and supported by the local authorities with the same priorities (sports, historical memory, etc.).

The other side of the coin is that some of the goals within the Ladoga Initiative project presuppose that the key local development actor is mainly the local authorities that participate in the competition for funds and take responsibility for implementing projects, while the local people are to suggest ideas and work as volunteers. In principle, there is nothing wrong for such a model creates a basis for the common interests of the local authorities and population and makes the application for funding somewhat easier. However, the main problem is that the projects gradually turn into only a source for funding for the local authorities; thus, there is no guarantee for having projects crucially important for the local community. Today the local development projects are mainly coordinated ‘from above’ — through various programs and funding schemes. The local actors refuse to register associations or NGOs due to the fear of bureaucratic load, responsibilities for running a project or a new organization, and the general social atmosphere that is not in favor of informal organizations (civil society and all other forms of cooperation).

References

- [1] Barsukova S. Yu. *Essay on the Informal Economy, or 16 Shades of Gray*. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [2] *Between House... and House. Return Spatial Mobility of the Russian Population*. T.G. Nefedova, K.V. Averkieva, A.G. Makhrova (Eds.). Moscow; 2016 (In Russ.).
- [3] Bowles S. *Moral Economy. Why Good Incentives Are No Substitute for Good Citizens*. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [4] Bozhkov O.B., Trotsuk I.V. Tendencies of the Russian rural areas development: The research task and first results of the comparative case-study. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (4) (In Russ.).
- [5] Ellickson R. *Order without Law: How Neighbors Settle Disputes*. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [6] Kolesnikov N., Tolstoguzov O. Structural changes in the economy of the Russian Northwest: spatial dimension. *Baltic Region*. 2016; 2.
- [7] Kumpulainen K. *Village Action and the Production of an Active Village*. University of Jyväskylä; 2012.
- [8] Lindner P., Moser E. (De)centralization of rural Russia: Local self-government and the 'vertical of power'. *Peasant Studies: Theory. History. The Present*. Moscow; 2011 (In Russ.).
- [9] *Meanings of Rural Life (A Sociological Analysis)*. Zh.T. Toshchenko (Ed.). Moscow; 2016 (In Russ.).
- [10] *Multi-forms of the Russian Ways of Life: Historical Roots, State, and Prospects*. T.E. Kuznetsova (Ed.). Moscow; 2009 (In Russ.).
- [11] Nefedova T.G. *Ten Actual Questions about Rural Russia: Answers of a Geographer*. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [12] Nikula J., Granberg L., Kopoteva I. LEADER and possibilities of local development in the Russian countryside. L. Granberg, K. Andersson, I. Kóvach (Eds.). *Evaluating the European Approach to Rural Development: Grass-Roots Experiences of the LEADER Program*. Ashgate; 2015.
- [13] Nikula J., Kopoteva I. From social innovation to innovation system: LEADER in European and Russian rural areas. *Mir Rossii*. 2014; 23 (3) (In Russ.).
- [14] Nikulin A.M., Trotsuk I.V. Rural development of Finland: The interaction between state, farmers and scientific knowledge (possible lessons for Russia). *Mir Rossii*. 2014; 3 (In Russ.).
- [15] Pilyasov A.N. *And the Last Will be the First: The Northern Periphery on the Way to Knowledge Economy*. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [16] Scott J.C. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. Yale University Press; 1985.
- [17] *Spatial Potential in the Strategy of Social-Economic Development of Russia*. Moscow; 2011 (In Russ.).
- [18] *The Postsocialist Agrarian Question. Property Relations and the Rural Condition*. Hann C., Rottenburg R., Schnepel B., Shimada S. (Eds.) Vol. 1. Lit Verlag; 2003.
- [19] Trotsuk I.V. A guide to the post-soviet agrarian reform in Russia: Objective and subjective dimensions of rural life. *Russian Peasant Studies*. 2017; 2 (3) (In Russ.).
- [20] Trotsuk I.V. Encyclopedia of life of the Russian northern periphery, or Recipes to heal the one not doomed to poverty. *Peasant Studies: Theory. History. The Present*. Moscow; 2014 (In Russ.).
- [21] Uusitalo E. Finnish rural policy and local initiatives. *Finnish Journal of Rural Research and Policy*. 1999; 2.
- [22] Uzun V.Ya., Shagaida N.I. *Agrarian Reform in Post-Soviet Russia: Mechanisms and Results*. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [23] Wegren S., Nikulin A., Trotsuk I. Russian agriculture during Putin's fourth term: A SWOT analysis. *Post-Communist Economies*. 2019; 31 (4).
- [24] Zubarevich N. Regional and social aspects of the Russia's crisis. 16th Aleksanteri Conference "Life and Death in Russia". University of Helsinki; 2016.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-102-114

Проекты местного развития в Приладожье: причины успешности и подходы к финансированию*

Й. Никула¹, И. Копотева^{1,2}

¹Университет Хельсинки
Юнионикату, 33, Хельсинки, 00014, Финляндия

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия
(e-mail: jouko.nikula@helsinki.fi; inna.kopoteva@gmail.com)

Периферийные (сельские) регионы большинства стран мира сталкиваются с четырьмя замкнутыми кругами проблем, которые являются причиной их низкого уровня развития и неспособности достичь устойчивых социально-экономических показателей. Первый круг проблем связан с демографическими особенностями сельских районов: незначительная доля молодежи и гендерный дисбаланс снижают экономические показатели, что приводит к доминированию натурального хозяйства над производством и торговлей; смещенная возрастная структура в сочетании с низким уровнем услуг определяет низкую рождаемость и высокий миграционный отток. Второй круг проблем — пространственной изоляции — объясняет неразвитую инфраструктуру, которая не привлекает бизнес и новых жителей, но выталкивает молодежь и трудоспособное население, особенно семьи с маленькими детьми. Третий круг проблем связан с образовательными возможностями: низкий уровень образования и навыков означает, что в сельских районах не хватает рабочей силы, что также не привлекает сюда бизнес. Высокая безработица влечет за собой высокие риски бедности, которые усиливают миграционный отток из сельских районов. Все эти круги проблем препятствуют местному развитию просто потому, что на сельских территориях недостаточно человеческого и экономического капитала. Такие негативные тенденции характерны не только для сельских районов России, но и оказывают серьезное влияние на периферию многих постсоциалистических и европейских стран. Правительства стран ЕС и России реализуют множество программ в целях местного развития, чтобы преодолеть негативные последствия обозначенных кругов проблем. В первой части статьи авторы оценивают возможности их преодоления в рамках проекта «Ладожская инициатива» (успешные и неуспешные усилия по решению местных проблем). Во второй части статьи авторы описывают ряд российских грантовых и приоритетных программ, призванных способствовать местному развитию.

Ключевые слова: местное развитие; местные инициативы; Приладожье; сельская периферия; успешные проекты; неуспешные проекты; финансирование

* © Никула Й., Копотева И., 2020.

Статья поступила 06.05.2019 г. Статья принята к публикации 03.09.2019 г.



DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-115-123

Sociological aspects of alcoholism as a social deviation in Bosnia and Herzegovina*

B.Č. Milošević Šošo

University of East Sarajevo
Alekse Šantića St., 1, 71000, Republic of Srpska, Bosnia and Herzegovina
(e-mail: milosevic_biljana@yahoo.com)

Abstract. There has always been an interest in social-pathological problems in the society. Documents confirming our wish to find out the causes of ‘other’ types of behavior as opposed to the ‘usual’/accepted types date back to the Ancient and Middle Ages. The social significance of the study of social-pathological phenomena is evident for they allow to reveal dysfunctionalities in certain structural elements or failed socialization, which are most probably determined by destabilization of the social system and value priorities. Alcoholism as a form of deviant behavior is usually considered the most common and influential factor of destroying the physical and psychological health and of negative changes in human behavior. The article describes the level of alcoholism and the ways of perceiving it in Bosnia and Herzegovina based on the empirical data collected within the broader scientific study of the social changes in one part of Bosnia and Herzegovina — Republic of Srpska. The survey was conducted on the representative sample of 220 respondents (reflecting the social-demographic and social-economic characteristics of the general population) in 7 municipalities of the Republic of Srpska. The questionnaire consisted of both closed and partly open questions to reveal the opinions of the respondents on specific deviant forms of behavior and to find out whether the respondents are engaged in some of these deviant forms depending on their attitudes and knowledge about them.

Key words: alcoholism; deviation; deviant forms of behavior; Republic of Srpska in Bosnia and Herzegovina; sociological survey; empirical indicators

Society is not an imaginary notion; therefore, many forms of deviant behavior are caused or made possible by social environment. Both normal and pathological behavior, like any other dichotomy of human existence, demands an understanding of the social situation [11]. The need to study the social-pathological behavior on the basis of the scientific principles (objectivity, reliability and especially universality) is evident, but we can choose the focus, for instance, mechanisms for removing or mitigating negative deviations. One of the most widespread social-pathological forms of behavior is alcoholism, mainly due to its ritual nature: almost every event of any significance in our lives needs some sort of ceremony or celebration, which in most cultures involve alcohol. Despite the widely accepted opinion that alcoholism should be considered a medical problem, it is clear that alcoholism is a complex social problem, the most common and most influential factor of human behavior disorders, and an addictive disease together with cardiovascular and cancer diseases prevailing in mortality causes [3. P. 21]. Alcohol has been a pleasure and a problem to mankind since the ancient civilization for drinking

* © B.Č. Milošević Šošo, 2020.

The article was submitted on 15.07.2019. The article was accepted on 03.09.2019.

is essentially a social act determined by a variety of rules and norms on who can drink what, when, where, with whom and so on. Therefore, an alcoholic is a person who, “due to the overuse and long consumption of alcohol, became addictive to it (psychologically, physically or in both ways) and due to this addiction suffers both health problems (psychological or/and physical) and social difficulties, which can be identified through traditional medical and social diagnostic procedures” [5].

Alcohol consumption and alcohol related problems vary, but their burden is significant in most of the countries. According to World Health Organization (WHO), alcohol consumption is the third global risk factor for over 60 diseases and disabilities in the middle-income countries [15]. Almost 4% of all deaths around the world are attributed to alcohol, which is more than caused by the HIV/AIDS, violence or tuberculosis. Alcohol is also a factor of many serious social problems including violence, neglect and child abuse, unemployment. About 23 million Europeans are dependent on alcohol annually: 5% of drinking men and 2% of drinking women report its negative impact on their work, studies and family relations. Almost half of the global male population and two thirds of the global female population did not consume any alcohol last year, and the abstinence rates are lower in the high-income and high-consumption countries and higher in Northern Africa and Southern Asia with predominantly Muslim population. Societies in which alcohol is traditionally an accepted and morally neutral element of everyday life (like Italy, Spain, France and Greece) tend to favor visible drinking-places with large windows and open spaces, so that the drinking-places extend physically into the environment, merge with the everyday world, and “the consumption of alcohol is integrated into common behaviors as sleeping or eating” [10].

In the late 19th — early 20th century, alcohol addicts were often considered as morally wrong, bad people or sinners. This type of thinking made many physicians fight to change such common perceptions in order to help the addicts instead of punishing them. The formation of ‘AA’ (Alcoholics Anonymous) in the 1930s and publication of the book by E.M. Jellinek [7], the famous psychiatrist and head of the Center of Alcohol Studies at the Yale Medical School, defined alcoholism as a disease instead of a deviant behavior, which made its medical treatment more accessible. Many medical and insurance organizations recognize addiction as a physical malady that needs to be treated. Moreover, the term ‘disease’ implies a chronic illness and a hope for treatment.

Opinion polls on alcohol reflect public concerns about alcohol related harm and reveal drinking patterns and problems in general, they were first conducted in the Nordic countries about 70 years ago. The countries of Central Europe started their alcohol surveys in the 1960s and 1970s, when it became clear that alcoholism would not disappear in the new socialist societies and that a comprehensive policy is needed to address alcohol related problems. In the last decades of the 20th century, surveys on alcohol were conducted in the remaining European countries including wine-producing areas in Southern Europe and the Eastern-European countries that reemerged after the fall of the socialist regime. Although the WHO had already put alcohol on its public health agenda in the 1980s, the first EU alcohol strategy was developed only in 2006: it had an important symbolic meaning but did not promote evidence-based policies. Nevertheless, the European Commission allocated significant resources on alcohol research including the standardized comparative surveys on alcoholism

in 10 EU countries representing different drinking cultures and traditions: the Czech Republic, Estonia, Finland, Germany, Hungary, Italy, Ireland, Poland, Spain and the United Kingdom. The project aimed at developing a standardized comparative survey methodology on alcohol consumption, drinking, drunkenness, context of drinking, alcohol dependence, unrecorded alcoholism and public support for alcohol policy. Thus, the Northern-European males reported lower drinking compared to males in other regions, whereas females reported rather higher drinking; moreover, the frequency of episodic heavy drinking was high. The results of the studies showed that for the Central-European countries a rather problematic drinking behaviour was typical — with moderate abstention rates but the highest frequency of drinking, high drinking quantities and a high frequency of episodic heavy drinking. In the two Eastern-European countries respondents showed comparably high rates of abstention in the European context and rather low drinking frequencies; average drinking quantities were high among males but low among females; episodic heavy drinking was less frequent compared to other regions.

Unfortunately, no such studies were conducted in Bosnia and Herzegovina, that is why we conducted a small research on alcohol within a broader scientific study of social changes in one part of Bosnia and Herzegovina — 7 municipalities of the Republic of Srpska (East Sarajevo, Banjaluka, Trebinje, Pale, Šekovići, Rogatica and Doboј). The first part of the questionnaire included questions on the social-demographic characteristics of respondents. The second part of the survey included questions about their opinions on different deviations, whether they were participants or actors in some forms of deviant behavior, and about their knowledge and attitudes to such forms.

According to the survey results, among the mentioned deviations (violence, criminality, alcoholism, gambling, drug addiction, suicide attempts) alcoholism is present in 10,5% of cases and followed by violence (9,1%) and gambling (7,7%). An alcoholic would be a person drinking more than he/she can take even after realizing the harmful consequences of one's alcohol consumption [13]. Figures 1 and 2 present the data on the relationship between gender and alcohol consumption: males are more prone to alcoholism (6,7% consume alcohol on regular basis vs 1,8% of female respondents, 37,1% — occasionally vs 12,4%), although 56,2% (vs 85,8%) claim that regular alcohol consumption is not their habit.

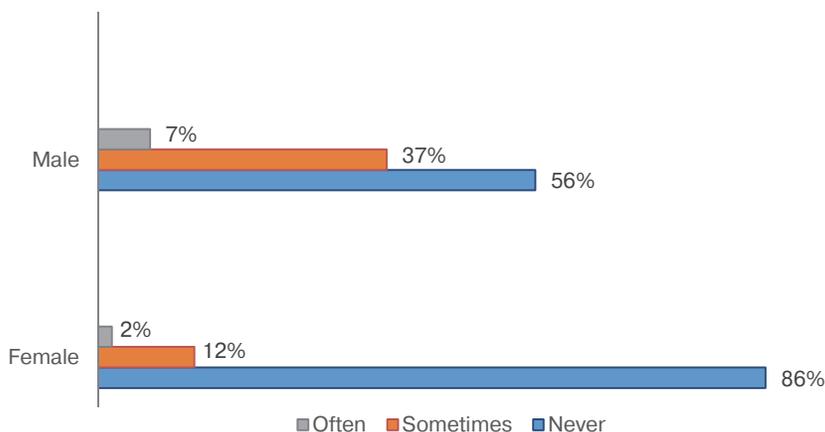


Figure 1. Regular alcohol consumption by gender

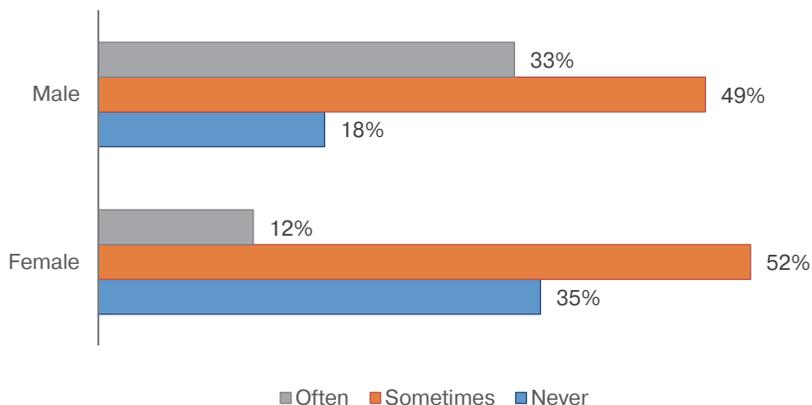


Figure 2. Consumption of alcohol on special occasions by gender

These results prove the social-cultural factors of alcoholism [12]: traditions, perception of alcohol as a sign of masculinity, etc. This is also confirmed by the average number of drinking days in the last 12 months by gender: “Among males, the highest frequency was found in Hungary (50,6 days), the lowest in Slovenia (8,5 days). Among females, Scotland showed the highest level (22,6 days), and Portugal the lowest (3,2 days)” [13. P. 707]. Heavy episodic drinking with meal prevails in Bulgaria (83% of risky single occasion drinkers drunk 40/60 grams of 100% alcohol on one occasion with meal in the last 12 months) and Poland (70%), then come Spain-Catalonia (51%), Croatia (46%), Finland (44%) and Spain (42%). In the social-cultural perspective, occasional alcohol consumption (on special occasions) should be considered as a way of strengthening social cohesion and not as an excuse for frequent alcohol consumption (on everyday basis). The studies show that gender ratios exceeding 1 implied higher drinking frequencies among males as compared to females [3; 4]: the greatest gender differences were found in Portugal (gender ratio = 6,7), the smallest — in England (1.2); without exception males had an increased rate of drinking more frequently. According to Figure 2, occasional alcohol consumption is still more typical for the male population.

The WHO identified four social-cultural reasons that determine differences in male and female patterns of alcohol consumption: power, sexual behavior, risk, and responsibility. Throughout history, in different cultures alcohol consumption was allowed exclusively for men as a superior and more privileged gender. Alcohol reduces social constraints and influences the part of the brain responsible for the self-control, so both sexes enter sexual relations more easily under the alcohol overuse. Society still tends to condemn more strictly the promiscuity of women, that is why they are more pressured to refuse alcohol. When responsibility is concerned, universal differences in alcohol consumption among men and women prove that society imposes more responsibility on women (family duties), which is also the reason why women are more ‘monitored’ by a society or community so that deviant behavior would not distract them from the prescribed roles. However, there are reasons why the gap between men and women in relation to alcohol is narrowing: today women are less concerned about the stigma associated with heavy alcohol consumption; the increase in home delivery of alcohol contributes to the ability of women to avoid the stigma and drink more than at a bar or when buying alcohol in person; mental health disorders like depression, anxiety and

others are linked to an increased rate of alcoholism, and women are more likely to be diagnosed with these disorders than men. Nevertheless, alcohol consumption is still considered a type of risk, it is assumed that men are generally more prone to risky behavior and perceive risk as more appealing and as an expression of masculinity, which make men drink more than women. Some believe that, regardless of gender, anxiety makes us turn to alcohol to relieve our stress, that to interact with others we drink to relax and often drink too much or too frequently. Thus, there are “abstaining cultures, ambivalent cultures, allowing cultures and too indulgent cultures” [13. P. 706].

Social-cultural aspects of alcoholism were examined by Edwin Lemert in his theory of primary and secondary deviations [8]. He believes that attitudes to alcohol are always contradictory, because on some occasions alcohol beverages are an inevitable and desirable ‘companion’, while in other cases they are considered the main source of personal and social destruction [8. P. 46]. If a person’s behavior breaks certain rules of the community, it is a primary, symptomatic or situational deviation as long as it remains within the acceptable social role. If deviant acts repeat in the environment that strongly condemns them, and this condemnation becomes a part of personal identity accepted by the individual, then there is a great probability that existing social roles/expectations will be disrupted [6. P. 336]. By accepting a deviant alternative, an individual enters the second deviation.

The attitudes to alcohol consumption are determined not only by social-cultural but also by social-economic factors (like unemployment). According to Figure 3, the data of our survey show that 36,7% of the unemployed often consume alcohol on special occasions that are often ‘invented occasions’ — an excuse for drinking [see also: 4. P. 50]. In the study conducted in the EU, the results show that, with the exception of Latvia, people of the low socio-economic status are more prone to alcoholism.

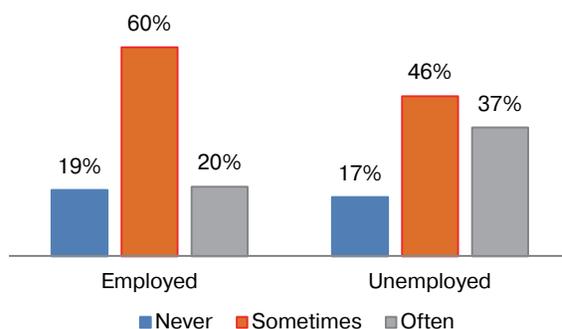


Figure 3. Consumption of alcohol on special occasions by working status

There are many studies of the connection between alcohol addiction and marital status, which show that the marital status can influence this addiction: couples drink less than singles; a person that used to have an alcohol addiction before marriage later consume less alcohol. Many factors explain this phenomenon (less free time, feeling of responsibility, one’s identification as a more mature person), and the same applies to the explanation of divorce as a factor of alcohol overuse. For divorced, separated or widowed, alcohol can be a way to relieve stress and face one’s losses. Our survey data

(Table 1) show that singles are more prone to the frequent regular consumption of alcohol (3%) together with divorced (10%) and widowed (20%). The relationship between marital status and alcohol consumption is even more evident if we consider alcohol consumption on special occasions (Table 2): single respondents often consume alcohol on special occasions (29%), the same applies to the divorced and widowed (20%).

Table 1

Regular alcohol consumption by marital status

Marital status	Alcohol consumed every day		
	Never	Sometimes	Often
Married	73,4%	26,6%	0
Single	69%	28%	3%
Divorced	60%	30%	10%
Widowed	70%	10%	20%
Non-marital partnership	80%	20%	0

Table 2

Consumption of alcohol on special occasions by marital status

Marital status	Alcohol consumed on special occasions		
	Never	Sometimes	Often
Married	25,5%	57,4%	17%
Single	22%	49%	29%
Divorced	40%	40%	20%
Widowed	40%	40%	20%
Non-marital partnership	80%	10%	10%

Perhaps, alcohol is considered as a way to escape the everyday routine and obligations since the society of Bosnia and Herzegovina belongs to the ‘allowing cultures’, i.e. alcohol consumption here is allowed as ‘normal’ but that there is a negative reaction to the drunkenness. Most alcoholics in the region are of the middle age (probably, it is due to the fact that alcoholism is a chronic disease), and about 15% of the population have some alcohol issues including the younger generation. According to the data from the Anonymous Alcoholics in Banjaluka, their youngest member was 33 years old. Table 3 shows that the group of 18—24-year-olds frequently consume alcohol on special occasions (31,7%), the same applies to the group of 25—31-year-olds (27,8%). Dragišić Labaš believes that “the greatest rates of alcohol addiction are among the population between 18—24-year-olds, and one in five here is diagnosed as an alcoholic” [4. P. 41]. She found out that over time alcohol and drugs become linked to anger and aggression for their ability to alter neurotransmitter levels allows them to change the mood and affect personal characteristics and propensity for violence [2; 16]. However, the social context of drinking is no less important for the alcohol related aggression, and Table 4 presents some potential factors of violence against women: problems with alcohol and drug addiction together with gambling are considered by the respondents as the most influential factors of violence against women. Thus, 84,5% of respondents believe that alcohol addiction of partners is a potential factor of violence against women, 85,9% name drug addiction, 75% — gambling.

Table 3

Alcohol consumption on special occasions by age

Age	Alcohol consumed on special occasions		
	Never	Sometimes	Often
18—24	17,5%	50,8%	31,7%
25—31	11,1%	61,1%	27,8%
32—38	41,5%	41,5%	17%
39—45	20,8%	54,2%	25%
46—52	30,8%	57,7%	11,5%
53—59	33,3%	60%	6,7%
60—66	50%	50%	0
older than 66	63,6%	18,2%	18,2%

Table 4

Potential factors of violence against women (%)

Potential factors	Yes	No	No reply
Household size	19,1	71,7	8,2
Economic status of woman	47,7	45,5	6,8
Material deprivation	51,4	16,4	7,3
Common disagreements	53,2	16,4	5
Low level of education	53,6	40	6,4
Patriarchal type of family	53,2	39,1	7,7
Previous marriage experience	39,1	54,5	6,4
Infidelity	80,5	15	4,5
Alcohol addiction	84,5	11,8	3,6
Drug addiction	85,9	10,9	3,2
Gambling addiction	75	19,1	5,9
Participation in the 1990s wars	47,3	45	7,7
Problems with children behavior	36,4	56,8	6,8
Women with disabilities	20,5	71,8	7,7
Sick women	20,5	71,8	7,7
Division of house chores	18,2	74,1	7,7

The problem of alcoholism is a social-pathological one, that is why it should be treated as a family one rather than an individual one [1. P. 96]. In the above-mentioned European study, alcohol was proved to increase the number of problematic forms of behavior: the share of people who were involved in a physical fight over alcohol in the last 12 months was the highest in Latvia (8,5%) and Finland (4,4%) and the lowest in Portugal (0,2%) and Slovenia (0,4%); the 12-month alcohol-related injuries ranged from 0,7% in Slovenia to 8,9% in Iceland; the highest share of people with a blackout after drinking was found in Denmark (23,8%), the lowest in Portugal (4,1%); the share of people who experienced physically dangerous situations due to alcohol was the highest in Germany (5,3%) and the lowest in Sweden (0,6%); feelings of guilt after drinking are rare for Portugal (2,9%) and typical for Iceland (29,9%).

In our survey, we considered the problem of domestic violence determined by the alcohol consumption because families of alcoholics face many problems that “change the quality of communication and emotional relations and affect the psychological health of children and other members of the family” [3. P. 80]. The basic characteristics of alcoholics’ families are dysfunctional relationships that lead to their social isolation, lack of social contacts within the family, aggressiveness and family structure disorder [1. P. 96].

The problem of alcoholism in Bosnia and Herzegovina became especially acute after the end of the last war, and its causes are mainly social-cultural. Our study confirmed that alcoholism is recognized by the population as one of the most common deviant forms of behavior and is present in every tenth family with men being more inclined to alcoholism than women. However, the level of alcoholism among women grows, which turns it into a long-term problem in the society of Bosnia and Herzegovina, because it represents an 'allowing culture' in which alcohol consumption is allowed and only drunkenness is perceived very negatively. Another important factor affecting the level of alcoholism is social-economic: unemployment is an especially risky life condition for it leads to poverty and social isolation, and the unemployed drink more alcohol and more often by 'inventing' special occasions and excuses for it. Many researchers, on the contrary, emphasize the connection between alcohol addiction and marital status saying that marital status can influence addiction to alcohol: married couples drink less alcohol and have longer breaks between drinkings. There are also age differences in alcohol addiction though they are changing: every tenth representative of the younger generation drinks frequently, but the greatest number of alcoholics is still middle-aged. Moreover, despite all mentioned differences, alcoholism is always a potential risk factor of violence for families of alcoholics have dysfunctional relationships and are often isolated from the community. Sociological surveys can provide necessary information so that the society would be aware of all aspects and risks of alcoholism and take necessary measures against it, primarily the preventive ones.

References

- [1] Bošković M. *Social Pathology*. Novi Sad; 2007 (In Serbian).
- [2] Cherpitel C.J. Alcohol and violence-related injuries in the emergency room. *Recent Developments in Alcoholism*. 1997; 13.
- [3] Dragišić Labaš S. *Alcoholism in the Family and Families in Alcoholism*. Beograd; 2012 (In Serbian).
- [4] Dragišić Labaš S. The alcohol use among adolescents and young adults. *Sociološki Pregled*. 2012; 49 (1) (In Serbian).
- [5] Hudolin V. *Alcoholism — a Lifestyle of Alcoholics*. Zagreb; 1997 (In Croatian).
- [6] Ignjatović Dj. *Theory of Criminology*. Beograd; 1997 (In Serbian).
- [7] Jellinek E.M. *Disease Concept of Alcoholism*. College and University Press; 1960.
- [8] Lemert E.M. *Devianza, problemi sociali e forme di controllo*. Milano; 1981.
- [9] Mavero-Milanesi A. *Prevenzione dell'alcolismo II pensiero scientifico*. Rim; 1987.
- [10] Martinez R.N., Martin L. Patronos de consumo de alcohol en la comunidad de Madrid. *Comunidad y Drogas*. 1987; 5—6.
- [11] Opalić P. *Psychiatric Sociology*. Beograd; 2008 (In Serbian).
- [12] Pittman D.J. *Alcoholism*. New York; 1967.
- [13] Štifanić M. Alcoholism and social sciences. *Društvena Istraživanja*. Zagreb; 1995 (In Croatian).
- [14] Vaillant G. *The Natural History of Alcoholism Revised*. Massachusetts; 1995.
- [15] WHO: Alcohol, gender and drinking problems. http://www.who.int/substance_abuse/publications/alcohol_gender_drinking_problem.
- [16] Zhang L., Wiczorek W., Welte J. The nexus between alcohol and violent crime. *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*. 1997; 21.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-115-123

Социологические аспекты алкоголизма как социальной девиации в Боснии и Герцеговине*

Б.Ч. Милошевич Шошо

Университет Восточного Сараево
*Ул. Алексе Шантича, 1, 71000, Республика Сербская,
Босния и Герцеговина*
(e-mail: milosevic_biljana@yahoo.com)

На протяжении всей своей истории общество неизменно проявляло интерес к разного рода социально-патологическим состояниям. Источники подтверждают наше извечное желание обнаружить причины «иных» типов поведения, противопоставленных «обычным»/социально приемлемым, начиная с древнейших времен и эпохи средневековья. Социальное значение исследований социально-патологических феноменов очевидно: полученные данные позволяют обнаружить дисфункциональные проявления в структурных элементах социальной жизни или провалы социализации, которые, вероятнее всего, обусловлены дестабилизационными тенденциями в социальной системе или в ее мировоззренческих доминантах. Алкоголизм как особая форма девиантного поведения обычно считается одним из самых распространенных и влиятельных негативных факторов, разрушающих физическое и психологическое здоровье человека и пагубно сказывающихся на индивидуальном и групповом поведении. В статье представлены показатели, характеризующие уровень алкоголизма и особенности его восприятия на основе эмпирических данных, которые были получены в рамках тематически более широкого научного исследования в одной части Боснии и Герцеговины — Республике Сербской. Опрос был проведен на репрезентативной выборке в 220 респондентов (отражающей социально-демографические и социально-экономические характеристики генеральной совокупности) в семи муниципалитетах Республики Сербской. Анкета состояла из закрытых и полужакрытых вопросов, призванных выявить отношение респондентов к особым формам девиантного поведения и определить, задействованы ли респонденты в таковых, с учетом их отношения и знаний о соответствующих формах девиаций.

Ключевые слова: алкоголизм; девиация; девиантные формы поведения; Республика Сербская в Боснии и Герцеговине; социологическое исследование; эмпирические индикаторы

* © Милошевич Шошо Б.Ч., 2020.

Статья поступила 15.07.2019 г. Статья принята к публикации 03.09.2019 г.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-124-136

Социологические аспекты оценки безопасности на организационном уровне (на примере дошкольных учреждений)*

А.В. Поляков¹, У.В. Унусян²

¹Управление образования администрации
Одинцовского городского округа Московской области
Ул. Молодежная, 16б, Одинцово, 143007, Россия

²Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: al2004pol@yandex.ru; uljanav@mail.ru)

В статье обозначены трактовки (социальной) безопасности, которые могут быть использованы в рамках социологического анализа ее особенностей, факторов и способов обеспечения на теоретическом и эмпирическом уровне. В частности, авторы отмечают нынешнее смещение трактовок проблемы безопасности с государственно-центричного на социально-центричный подход, что существенно расширило возможности операционализации данного понятия и объясняет обращение социологии к этой проблематике, несмотря на сохраняющуюся здесь терминологическую путаницу. Безопасность оказалась встроена в уже устоявшееся понятийное поле, куда включены такие понятия, как риски, опасности, вызовы, угрозы, насилие и пр. (некие «объективные» феномены), а также тревоги, опасения, страхи и пр. (форматы их социального осмысления и «измерения» в ходе опросов общественного мнения). В качестве демонстрации возможностей социологии безопасности (хотя выделение данного отраслевого направления представляется слишком условным) на организационном уровне авторы приводят результаты эмпирического исследования, реализованного в формате кейс-стади (в качестве кейса выступает и район проведения, и объект наблюдения) методом анкетирования: была рассмотрена проблема обеспечения безопасности дошкольных учреждений в Одинцовском районе Московской области с точки зрения запросов субъектов образовательного процесса к организации безопасности в дошкольных учреждениях (управленцы, воспитатели и родители дошкольников). Как показали результаты опроса, родители и сотрудники дошкольных организаций (заведующие и старшие воспитатели) единодушны в том, что определенной гарантией безопасности выступает наличие системы видеонаблюдения, что предотвратит проникновение посторонних (т.е. угрозы безопасности дошкольных учреждений рассматриваются как исходящие, в первую очередь, извне), причем наличие пропускной системы в формате турникетов и пропусков родители и воспитатели не считают необходимой мерой. Заведующие и воспитатели дошкольных учреждений в большей степени озабочены вопросами противодействия терроризму (давление требований «сверху») и противопожарной безопасности (видят угрозы безопасности и «внутри» своего учреждения), т.е. наблюдается рассогласование мнений субъектов образовательного процесса относительно источников и остроты угроз безопасности для дошкольных учреждений.

Ключевые слова: безопасность; социальная безопасность; социология безопасности; угрозы безопасности; гарантии безопасности; защищенность; дошкольные учреждения; эмпирическое исследование

* © Поляков А.В., Унусян У.В., 2020.

Статья поступила 07.10.2019 г. Статья принята к публикации 20.11.2019 г.

Современное общество развивается в неоднозначной ситуации: с одной стороны, расширяются масштабы экономического взаимодействия, возрастает доступность информации, увеличиваются социокультурные контакты и т.д., что способствует развитию и раскрытию созидательного потенциала индивидов, групп и сообществ. С другой стороны, усиливается воздействие негативных факторов, определяющих истощение природных ресурсов, распространение террористических угроз, нарастание масштабов и остроты социально-экономического неравенства, усугубление экологических и демографических проблем, неспособность государства выполнять свои социальные обязательства и т.д., что угрожает не только личному и групповому благополучию, но даже безопасности. Фактически снижение уровня социальной (и повседневной) безопасности наблюдается повсеместно, что сделало проблему ее обеспечения одним из требований нашего времени, в том числе посредством фундаментальных изменений в различных сферах социального управления.

Безусловно, первый вопрос, который здесь неизбежно возникает, — что мы понимаем под безопасностью? Дело в том, что ее современные трактовки весьма разнообразны, хотя их объединяет понимание безопасности как, в первую очередь, защищенности, отсутствия опасности: это «совокупность функций, обеспечивающих стабильное состояние защищенности от разного вида угроз и рисков, воздействие которых может повлиять на структурную и функциональную целостность» [18. С. 52]. Данное понимание закреплено и в законе Российской Федерации № 390-ФЗ «О безопасности», где таковая определена как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

Различные определения безопасности, по сути, лишь акцентируют разные ее аспекты, скажем, деятельностный подход представляет безопасность как деятельность, направленную на выявление, предупреждение, ослабление и нейтрализацию опасностей и угроз в целях поддержания защищенности социума и создания необходимых условий для его жизни и развития [10]. Или «качественный» подход: безопасность оказывается просто свойством социальных систем, позволяющим им оказывать сопротивление любым угрожающим воздействиям. Согласно определению «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона безопасность достигается путем устранения опасностей и является состоянием абсолютной безопасности (надежности, сохранности). Если речь идет о «человеческих» системах, то безопасность как их состояние или свойство предполагает контроль внешних и внутренних параметров, т.е. динамическое равновесие с окружающей средой и высокую вероятность достижения основных жизненных целей систем [13].

Существующие определения безопасности можно суммировать следующим образом: осознание источников угрозы и наличие возможностей защиты от них; совокупность факторов, обеспечивающих жизнеспособность и благоприятные условия для развития; культурно-историческое явление, имеющее историческую форму, содержание, точку генезиса, механизмы возникновения и развития; особая система взаимодействий субъектов и их интересов; защищенность системы как

условие ее существования и развития; особый процесс и результат деятельности субъекта; устойчивое состояние по отношению к неблагоприятным воздействиям, а также деятельность по защите от внутренних и внешних угроз, обеспечение необходимых внутренних и внешних условий существования социальной системы; атрибут и состояние системы, обеспечивающие ее защищенность; совокупность мер по сохранению целостности, относительной самостоятельности и устойчивости системы [10]. Иными словами, речь всегда идет о возможности продолжения существования объекта в условиях опасных воздействий — как внешних, так и внутренних — политического, экономического, социального, военного, экологического, техногенного, информационного и иного характера.

В последние годы проблемы безопасности привлекают внимание все большего числа социальных наук, и социология не стала исключением, прежде всего, в силу необходимости переосмысления устойчивых трактовок безопасности как предмета заботы и зоны ответственности, в первую очередь, государства [25]: сегодня государство уже не выступает единственным субъектом обеспечения безопасности, поскольку о себе в этом качестве заявляют социальные, этнические, религиозные и другие меньшинства (социетальная безопасность), индивиды (безопасность человека) и мировое сообщество (глобальная безопасность) — в целях обеспечения доступности экономических ресурсов, стабильности социальных институтов, поддерживающих необходимый уровень благополучия (экономическая безопасность), функционирования информационных систем (информационная безопасность), охраны природных ресурсов (безопасность окружающей среды) и т.д. Иными словами, в научном дискурсе произошел переход от государственно-центричной к социально-центричной трактовке безопасности, что расширило спектр рассматриваемых угроз и потому сделало проблемы безопасности объектом исследования не только политической и военной науки, но и других дисциплин, в частности социологии.

Впрочем, социологическая наука также не располагает единым и общепринятым определением безопасности, предпочитая работать со множеством связанных с ней понятий — это риски, угрозы, вызовы, опасности, насилие, терроризм и т.п., а также разные варианты их общественного осознания и признания [см., напр.: 4; 11; 15; 19; 20; 28; 29]. Одни авторы рассматривают социальную безопасность в контексте различных рисков и угроз (например, как существующие в обществе противоречия влияют на уровень защищенности личности и групп, если социальная безопасность государства — основа общественной стабильности и благополучия), другие считают ее самостоятельным объектом исследования. Например, У. Бек рассматривает источники возникновения современных рисков, которые могут порождаться, в том числе, вполне рациональными технологическими и экономическими решениями и соображениями полезности для социального порядка [4]. Кроме того, по его мнению, риски не являются чем-то исключительным в социальной жизни — это стабильный инструмент воспроизводства общества в экономической, политической и социальной сферах, выступающий неизбежным атрибутом любых процессов принятия решений.

Безусловно, переход от государственно-центричной к социально-центричной модели безопасности не означает, что роль государства в ее обеспечении не признается ключевой: в основе социальной безопасности общества лежит система минимальных гарантий, поддерживающих воспроизводство и жизнедеятельность населения на стабильном уровне, куда включен прожиточный минимум, размер минимальной оплаты труда и пенсионного обеспечения, доступность необходимых медицинских, образовательных и иных услуг [21]. Нередко социальная/общественная безопасность трактуется как состояние социально-политической системы, которая обеспечивает защиту прав и свобод человека, общества и государства в политико-правовой, культурно-духовной и социальной сферах, сотрудничество институтов государства и гражданского общества в целях обеспечения безопасности жизни, здоровья и благополучия человека [26]. Более того, нынешнее появление террористических сетей и, соответственно, специальных служб, борющихся с терроризмом, — следствие повышения цены человеческой жизни, которое определило дифференциацию социальной безопасности на два типа: безопасность среды и безопасность контроля (инструменты контроля не должны порождать опасную для жизни среду) [31].

В центре внимания социологии находится, прежде всего, социальная безопасность (или социетальная [25]) — возможности спокойного и стабильного существования больших групп с различными характеристиками, жизненными приоритетами и коллективной идентичностью [32. Р. 120]. Поскольку структурные угрозы социальной безопасности обусловлены не только действиями акторов, но и особенностями социальной системы, то опасности могут возникать вследствие решений конкретных институциональных акторов или быть обусловлены разными аспектами самой системы (встроенными в нее источниками опасности и устойчивыми социальными нормами, т.е. быть «побочными эффектами» функционирования общества) [14]. Иными словами, социологический анализ безопасности предполагает исследование паттернов взаимодействия социальных акторов (индивидов и групп) и социальной структуры на основе принципа «активной защищенности» — принимая во внимание особенности объекта изучения и спектр внешних и внутренних угроз его безопасности [1; 9]. В том случае, когда речь идет о социолого-управленческом анализе, следует помнить, что даже высокие уровни надежности и устойчивости объекта не могут гарантировать достаточного уровня его безопасности, поскольку таковая требует постоянной оценки потенциальных угроз (траектории и скорость так называемого «управляемого движения системы в точку катастрофы») и обеспечения своевременных реакций, адекватных сложившимся ситуациям. Причем опасности нельзя измерить с помощью некоего волшебного прибора или датчика — только на основе большого объема информации о текущей ситуации с учетом действия множества различных факторов [12]. Таким образом, активное обеспечение безопасности любой социальной системы — это процесс выработки и реализации защитных управляющих воздействий, адекватных (прогнозируемой) опасности текущей ситуации и направленных на противодействие ее (просчитанному) возрастанию [6; 17].

Для иллюстрации социологических аспектов изучения проблемы безопасности мы решили рассмотреть «кейс» — дошкольные образовательные учреждения, поскольку, как любые образовательные организации, они весьма уязвимы с точки зрения безопасности: последствия чрезвычайных ситуаций в них характеризуются особой тяжестью, а также политическим и социальным резонансом. Основным субъектом обеспечения безопасности здесь выступает администрация при поддержке охраны дошкольных образовательных учреждений, органов опеки, уполномоченного по правам ребенка и т.д. Система комплексной безопасности дошкольных образовательных учреждений предполагает совокупность мер по обеспечению безопасности и подготовке сотрудников к рациональным действиям в чрезвычайных ситуациях.

К сожалению, особенностью системы образования в нашей стране является различие состояния дел де-факто и де-юре, вследствие чего образовательные учреждения, по сути, дистанцировались от проблем безопасности как общества, так и их собственных. Если соответствующие вопросы и обсуждаются в советах учебных заведений, то не с точки зрения безопасности, а с позиций обеспечения выполнения требований контролирующих инстанций. Например, в общеобразовательных учреждениях введена должность заместителя директора по безопасности, проводятся учебные курсы по информационной безопасности для детей, внедрены контрольно-пропускные системы доступа в помещения и системы видеонаблюдения, но не оценивается эффективность (и даже работоспособность) всех этих мер для обеспечения безопасности детей.

Безусловно, жизнь и здоровье ребенка более уязвимы, чем жизнь и здоровье взрослого человека, поскольку физиологические и поведенческие регуляторно-адаптивные системы детей еще не сформированы полностью [5]. Вот почему в законе № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» отражены и вопросы безопасности, в частности, в статье 28 перечислены компетенции, права, обязанности и ответственность образовательных организаций, а в статье 48 — обязанности и ответственность работников образовательных учреждений за формирование у детей культуры здорового и безопасного образа жизни. С введением федеральных государственных образовательных стандартов изменился подход к проблемам безопасности: к понятиям «охрана жизни и здоровья детей» и «организация безопасных условий труда для работников образовательных учреждений» добавились понятия «катастрофа» и «терроризм», что требует от руководителей и персонала образовательных учреждений знаний в сфере права, медицины, психологии и т.д. Кроме того, обеспечение комплексной безопасности образовательных учреждений требует от них максимальной открытости и активного вовлечения в решение возникающих проблем иных субъектов образовательного процесса, помимо руководителей и персонала, — родителей обучающихся, которые, несомненно, имеют собственные представления и ожидания в сфере обеспечения безопасности своих детей.

Для сравнения запросов к организации безопасности в дошкольных учреждениях разных субъектов образовательного процесса (управленцы, воспитатели и родители) мы провели опрос (методом анкетирования, анкета «Безопасность в дошкольном учреждении») состояла из двух тематических блоков — обеспе-

чение безопасности в здании и на территории образовательного учреждения, а также вопросы безопасности по дороге в него) в ряде дошкольных учреждений Одинцовского района Московской области. Был опрошен 961 человек — родители дошкольников в 16 образовательных учреждениях Одинцовского района, а также 12 экспертов — руководители районных организаций, заведующие и старшие педагоги дошкольных организаций. Одинцовский район был выбран по двум причинам: во-первых, в силу объективных возможностей провести здесь опрос при поддержке администрации района; во-вторых, поскольку муниципальная образовательная сеть Одинцовского района — самая масштабная в Московской области, а Одинцово — один из типичных городов Московской области, и по результатам социологического исследования в нем можно в принципе говорить об общей картине организации безопасности в дошкольных образовательных учреждениях.

Что касается результатов опроса родителей, то вполне предсказуемо были опрошены преимущественно мамы: доля респондентов-женщин составила 95%, в основном трех возрастных групп — 20—30 лет (32%), 31—40 лет (35%) и 41—50 лет (32%). Оценивая обеспечение безопасности в дошкольном образовательном учреждении, большинство родителей сочли ее достаточной (62%), меньшинство (13%) — недостаточной (преимущественно будучи обеспокоены возможностями получения травм и наличием только одного охранника), а остальные затруднились ответить на соответствующий вопрос, уточнив, что подобная оценка требует осведомленности не только о наличии домофонов и охранников, но и том, как проинструктированы сотрудники по вопросам безопасности, каковы реальные возможности обеспечения безопасности, проводятся ли тренировки по эвакуации/сбору/реагированию на угрозы, имеется ли прямая связь с ведомственной/вневедомственной охраной и т.д. Впрочем, большинство родителей (73%) уверены, что коллектив дошкольного образовательного учреждения прилагает достаточно усилий для обеспечения безопасности детей — противоположного мнения придерживается меньшинство (5%), а каждый пятый вновь затруднился с ответом на соответствующий вопрос. Следует отметить, что вряд ли можно было ожидать иного распределения ответов родителей на оба вопроса, если они продолжают водить своих детей в данные дошкольные учреждения.

Когда речь заходит о конкретных инструментах обеспечения безопасности детей, то распределение ответов родителей несколько меняется. 65% удовлетворены созданной в дошкольном учреждении пропускной системой, однако каждый пятый (22%) не удовлетворен, отмечая, что, несмотря на наличие данной системы, посторонние люди могут проникнуть на территорию и в здание учреждения, особенно учитывая постоянное отсутствие охраны на входе (а если охранник на месте, то открывает калитку всем, кто позвонит в звонок, не спрашивая, кто именно пришел и куда направляется). Соответственно, лишь половина родителей (52%) исключает возможность проникновения в помещения и на территорию дошкольного учреждения посторонних лиц, а каждый четвертый (25%) допускает такую возможность (родители отметили, что на территорию детского сада можно попасть, если перелезть через забор или дожждаться в утреннее время отсутствия охранника на входе). Однако родители в большинстве своем не считают, что проблему проникновения посторонних на территорию дошкольного учреждения

можно решить, установив на входе электронные турникеты: эту идею поддерживает лишь каждый третий (32%), каждый второй категорически против (47%), а каждый пятый затруднился с ответом на этот вопрос. Родители однозначно отдают предпочтение использованию системы видеонаблюдения в помещениях и на территории дошкольного учреждения (89%).

Несколько вопросов анкеты предлагали родителям оценить ряд параметров безопасности дошкольного образовательного учреждения (рис. 1), и распределение ответов на них показало, что наибольшее соответствие родители обнаруживают в тех случаях, когда речь идет о понятных и «видимых» им аспектах пребывания ребенка в дошкольном учреждении. Так, наибольшее число положительных ответов — о соответствии требованиям безопасности — мы получили в отношении игрушек (78%), ограждений дошкольного учреждения (75%) (недовольство не согласных с этим родителей вызывает наличие на территории мусора, который перебрасывают через забор, то, что по внешнему периметру учреждения регулярно наблюдаются курящие и выпивающие подростки, громко нецензурно ругающиеся, а также слишком большое пространство между ограждением и землей — дети могут пролезть под ним за территорию дошкольного учреждения), территории (72%) (недовольство не согласных с этим родителей вызывает то, что резиновое покрытие примерно 80% детской площадки в жаркую погоду сильно нагревается и выделяет токсичные испарения, что скудное количество зеленых насаждений не обеспечивает достаточной тени в солнечную погоду, причем пластиковые прозрачные козырьки лишь усугубляют ситуацию и служат только укрытием в дождливую погоду, что на территорию дошкольного учреждения заезжают личные автомобили его сотрудников), а также соблюдения правил пожарной безопасности (65%) (многие родители уточняли, что хотели бы лично увидеть, как работает пожарная сигнализация, как проходят учебные пожарные тревоги или хотя бы видео проведенных с детьми тренировок по эвакуации и т.п.).

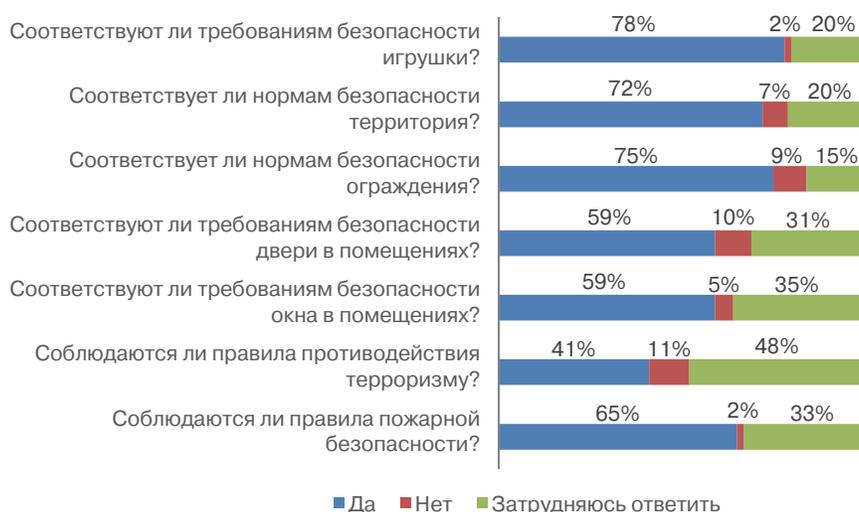


Рис. 1. Обеспечение безопасности детей в оценках родителей

Несколько меньше доли родителей, которые уверены в соответствии требованиям безопасности дверей и окон в помещениях дошкольного учреждения (59%). Применительно к дверям респонденты отмечали, что входная дверь в учреждение очень тяжелая и с неудобной ручкой, поэтому в экстремальной ситуации ребенку будет крайне сложно открыть ее без помощи взрослых, а на окнах родители хотели бы видеть системы блокировки (специальные детские замки), чтобы предотвратить выпадение детей из окон высоких этажей. Как видно на рисунке 1, наименьшая доля родителей (41%) уверена в том, что на территории дошкольного учреждения соблюдаются правила противодействия терроризму. Однако это, вероятнее всего, связано с тем, что родители просто не знакомы с требованиями, которые подобные правила регламентируют, — об этом свидетельствуют многочисленные комментарии родителей и на другие вопросы анкеты, когда они уточняли, что хотели бы познакомиться, например, с требованиями к дверям и окнам в помещениях образовательного учреждения. Когда речь идет о более понятных «объектах», респонденты высказываются более уверенно, скажем, они убеждены в безопасности расположенных на игровых площадках сооружений (качелей, горок и др.) (62%) (не уверены в этом или затруднились ответить на вопрос по 18%), потому что видят, что все сооружения прочно закреплены, хотя все равно считают, что ребенок может получить травму, упав или стукнувшись о них, особенно если речь идет об устаревших конструкциях, которые давно нуждаются в ремонте или замене.

Мы включили в анкету открытый вопрос, чтобы родители могли высказать свои рекомендации по улучшению безопасности дошкольного учреждения: ответ на него дали лишь 18%. Какие же изменения родители предлагают ввести в дошкольных образовательных учреждениях в целях повышения безопасности пребывания в них своих детей? Установить видеонаблюдение в каждой группе; установить на входе в учреждение турникет и камеру и нанять сертифицированного охранника не пожилого возраста; сделать на входной двери кнопку для выхода (открытия двери) недоступной для дошкольников; запретить воспитателям оставлять детей одних во время тихого часа; установить более яркие фонари, чтобы в вечернее время на игровых площадках было светло; установить замки на окнах; огородить забор поликарбонатом, чтобы у детей не было возможности вылезти за территорию под забором; перевести младшие группы на первый этаж, чтобы в случае чрезвычайной ситуации они смогли быстро покинуть помещения; поменять калитку, чтобы не было возможности открыть ее рукой через прутья, — установить доводчики и магнитный замок; увеличить количество охранников как минимум до двух человек; установить современные безопасные сооружения на игровых площадках; проводить родительские собрания по информированию о требованиях и мерах по обеспечению безопасности детей и т.д.

Второй блок анкеты включал в себя вопросы, которые касались безопасности детей по дороге в дошкольное учреждение и предполагали оценку родителями не того, что делают другие люди/учреждения для обеспечения безопасности их ребенка, что делают они сами. Вполне предсказуемо, учитывая давление феномена социальной желательности, собственные усилия родители оценивают весьма

высоко: 89% утверждают, что показывают своему ребенку дорогу из дома и обратно (6% ответили отрицательно, ссылаясь на то, что добираются до образовательного учреждения на личных автомобилях или общественном транспорте и показывать дорогу у них просто нет возможности, или на то, что дети еще слишком маленькие, чтобы запоминать дорогу и тем более ходить по ней в одиночку), 95% — что знакомят своего ребенка с правилами дорожного движения (4% ответивших отрицательно уточняют, что знакомят не систематически, а по случаю, или отмечали маленький возраст детей, вследствие чего объясняют им не правила, а только то, что дорога опасна), 93% уверены, что их ребенок различает сигналы транспортного и пешеходного светофоров, а каждый второй (52%), — что их ребенок знает знаки дорожного движения (может рассказать, что они обозначают), 91% — что выступают главным примером для ребенка при формировании навыков безопасности, в том числе на улице (многие уточняли, что это задача и дошкольного учреждения), 75% — что никогда не нарушают правила дорожного движения, даже если очень спешат, будучи с детьми (25% нарушителей оправдываются тем, что не совершать нарушения им мешает отсутствие пешеходного перехода, знаков и разметки на дороге возле дошкольного учреждения, а также припаркованные на тротуарах автомобили). Тем не менее, родители готовы принимать участие в мероприятиях по обучению их детей правилам дорожного движения в дошкольном учреждении (84%) и одобряют раннее обучение детей этим правилам на специальных занятиях (99%).

Для сравнения запросов к организации безопасности в дошкольном учреждении разных субъектов образовательного процесса мы провели также экспертный опрос — с руководителями районных организаций управления дошкольным образованием, а также с заведующими и старшими педагогами дошкольных организаций. В целом по экспертным ответам, как и по родительским, мы получили достаточно высокие оценки системы обеспечения безопасности в дошкольных учреждениях Одинцовского района, причем среди экспертных ответов редко встречались негативные оценки — эксперты предпочитали вариант «затрудняюсь ответить». Так, две трети опрошенных экспертов уверены, что в их районе в полной мере обеспечена безопасность детей в дошкольных учреждениях, что коллективы этих учреждений достаточно профессиональны в этой области, что в учреждениях создана эффективная с точки зрения обеспечения безопасности пропускная система, что на их игровых площадках нет травмоопасных сооружений (остальные эксперты отметили, что недостаточно компетентны в перечисленных вопросах).

Лучше ориентируясь в требованиях к безопасности и постоянно отчитываясь об их соблюдении по формальным критериям, две трети экспертов уверены, что окна и двери в помещениях дошкольных образовательных учреждений соответствуют требованиям безопасности. Абсолютно все эксперты убеждены, что соответствуют нормам безопасности и ограждения территорий дошкольных учреждений, однако, как и родители, допускают возможность проникновения на территорию и в помещения посторонних лиц: каждый второй эксперт считает, что пропускная система не может полностью исключить такую возможность, практически все эксперты солидарны с родителями в том, что в дошкольных

учреждениях следует ввести систему видеонаблюдения в помещениях и на территории, и, как и в случае с родителями, далеко не все эксперты считают нужным вводить систему электронных турникетов. Кстати, в вопросах обеспечения пожарной безопасности и правил противодействия терроризму эксперты оказались не более уверенными, чем родители, — примерно половина затруднились ответить на соответствующие вопросы, что, видимо, говорит как о размытости существующих здесь требований, так и о невозможности исключить все возможные угрозы.

Таким образом, наш опрос подтверждает, что обеспечение безопасности — это постоянный процесс развития и совершенствования методов, способов и механизмов выявления потенциальных опасностей и угроз, а также выработки и реализации мер по эффективному противодействию им, причем ответственность за этот процесс не может быть возложена на какого-то одного субъекта данного процесса. Кроме того, необходимо проводить регулярный мониторинг понимания, оценки и запросов всех субъектов соответствующей деятельности к организации системы обеспечения безопасности.

Библиографический список

- [1] *Анисимов О.С.* Методология безопасности. М., 2009.
- [2] *Барковская Е.В.* Социальная безопасность: методологический анализ и практика социологического исследования: Дисс. к.с.н. М., 2005.
- [3] *Безопасность жизнедеятельности: Современный комплекс проблем безопасности.* М., 2004.
- [4] *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
- [5] *Березин Ф.Б.* Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л., 1988.
- [6] *Васильев С.Н., Жерлов А.К., Федосов Е.А., Федунев Б.Е.* Интеллектуальное управление динамическими системами. М., 2000.
- [7] *Викторов В.Ш.* Духовная безопасность России. М., 2009.
- [8] *Гидденс Э.* Судьба, риск и безопасность // Thesis. 1994. № 5.
- [9] *Гончаренко Л.П., Куценко Е.С.* Управление безопасностью. М., 2005.
- [10] *Жмеренецкий В.Ф.* Теория безопасности в системе образования России // Мир образования — образование в мире. 2008. № 1.
- [11] *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
- [12] *Кафидов В.В.* Социология и технологии безопасности. М., 2005.
- [13] *Краснянская Т.М.* Безопасность и опасность как феномены системы «Человек» // Известия ЮФУ. Серия: Технические науки. 2006. № 1.
- [14] *Кузнецов В.Н.* Социология безопасности. М., 2009.
- [15] *Луман Н.* Общество как социальная система. М., 2004.
- [16] *Макаров В.Е.* Аспекты обеспечения комплексной безопасности социальных учреждений // Материалы VI Международного социального конгресса. М., 2006. Т. 2.
- [17] *Минаев Г.А.* Безопасность организации. М., 2008.
- [18] *Мугулов Ф.К., Медведев В.Б.* Основы социологического анализа безопасности личности. Сочи, 2003.
- [19] *Нарбут Н.П.* Технологии антитеррористической деятельности: международное и региональное измерения // Актуальные проблемы антиэкстремистского и антитеррористического воспитания молодежи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2015.

- [20] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Страх и опасения российского студенчества: возможности эмпирической фиксации // *Теория и практика общественного развития*. 2014. № 2.
- [21] *Рахлеев А.В.* Обеспечение социальной безопасности российского общества на современном этапе модернизации: Автореферат дисс. к.с.н. Волгоград, 2008.
- [22] *Риск в социальном пространстве / Под ред. А.В. Мозговой.* М., 2001.
- [23] *Серебрянников В.В.* Социология войны. М., 1998.
- [24] *Силласте Г.Г.* Социальная безопасность личности, общества и государства. Теоретико-методологические основания и социальный запрос. М., 2014.
- [25] *Смирнова А.Г.* Угрозы безопасности как объект социологического исследования // *Социология власти*. 2010. № 5.
- [26] *Супряга И.А.* Политические механизмы обеспечения и регулирования общественной безопасности РФ: опыт и особенности: Автореферат дисс. к.п.н. М., 2016.
- [27] *Тепечин В.И.* Социология национальной безопасности как «новая» парадигма социологического знания // *Безопасность*. 1995. № 34.
- [28] *Троцук И.* Проблема насилия в российском обществе: «нормальные» и «патологичные» проявления // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2007. № 3.
- [29] *Троцук И.В.* Современные подходы к концептуализации терроризма: социально-психологические и социально-конструктивистские модели // *Актуальные проблемы антиэкстремистского и антитеррористического воспитания молодежи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. М., 2015.
- [30] *Унусаев У.В.* Актуальные проблемы комплексной безопасности дошкольного образовательного учреждения // *Юриспруденция, история, социология, политология и философия*. 2016. № 1.
- [31] *Шульман Е.* Цена человеческой жизни // <https://www.pravmir.ru/ekaterina-shulman-tsenachelovecheskoy-zhizni>.
- [32] *Buzan B., Weaver O., Wilder J. de.* Security: A New Framework for Analysis. L., 1998.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-124-136

Sociological aspects of assessing security at the organizational level (on the example of preschools)*

A.V. Polyakov¹, U.V. Unusyan²

Department of Education,

¹Administration of the Odintsovo City District (Moscow Region)
Molodezhnaya St., 16-b, Odintsovo, 143007, Russia

²RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia
(e-mail: al2004pol@yandex.ru; uljanav@mail.ru)

Abstract. The article identifies interpretations of (social) security which can be used in the sociological analysis of its features, factors and methods for ensuring it at the theoretical and empirical level. In particular, the authors note the current shift of security interpretations from the state-centric to the social-centric

* © A.V. Polyakov, U.V. Unusyan, 2020.

The article was submitted on 07.10.2019. The article was accepted on 20.11.2019.

approach, which significantly expanded the possibilities of operationalizing this concept and explains the sociological interest in security despite the remaining terminological confusion. Security turned out to be embedded in the already established conceptual field consisting of such terms as risks, dangers, challenges, threats, violence, etc. ('objective' phenomena) and anxieties, fears, concerns, etc. (formats of social understanding and 'measurement' of 'objective' phenomena in the opinion polls). To demonstrate the possibilities of sociology of security (although this is rather a conditional branch of sociology) at the organizational level, the authors present the results of the empirical study conducted as a case study (both the region and the object serve as a case) in the form of a survey: the issues of ensuring security of preschool organizations in the Odintsovo District of the Moscow Region were examined through the requests of different actors of the educational process (administrators, teachers and parents). According to the survey results, parents and employees of preschool organizations (managers and senior teachers) agree that a video surveillance system in the premises and on the territory is a certain security guarantee for it would prevent outsiders from entering (security threats are considered as coming from outside); however, both groups do not consider a system of turnstiles and passes as a necessary measure. The heads and teachers of preschool organizations are more concerned about countering terrorism (pressure from 'above') and fire safety (they see security threats as coming from both outside and 'inside'). Thus, there is a disagreement of different actors on the sources and severity of security threats for preschool organizations.

Key words: security; social security; sociology of security; security threats; security guarantees; protection; preschool organizations; empirical research

References

- [1] Anisimov O.S. *Metodologiya bezopasnosti* [Methodology of Security]. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [2] Barkovskaya E.V. *Sotsialnaya bezopasnost: metodologichesky analiz i praktika sotsiologicheskogo issledovaniya* [Social Security: Methodological Analysis and Sociological Research]. Diss. k.s.n. Moscow; 2005 (In Russ.).
- [3] *Bezopasnost zhiznedeyatelnosti: Sovremenny kompleks problem bezopasnosti* [Life Safety: A Contemporary Set of Security Issues]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [4] Beck U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern* [Risk Society: Towards a New Modernity]. Moscow; 2000 (In Russ.).
- [5] Berezin F.B. *Psikhicheskaya i psikhofiziologicheskaya adaptatsiya cheloveka* [Psychological and Psycho-Physiological Adaptation of Person]. Leningrad; 1988 (In Russ.).
- [6] Vasiliev S.N., Zherlov A.K., Fedosov E.A., Fedunov B.E. *Intellektnoe upravlenie dinamicheskimi sistemami* [Intellectual Management of Dynamic Systems]. Moscow; 2000 (In Russ.).
- [7] Viktorov V.Sh. *Dukhovnaya bezopasnost Rossii* [Spiritual Security of Russia]. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [8] Giddens A. *Sudba, risk i bezopasnost* [Fate, risk and security]. *Thesis*. 1994; 5 (In Russ.).
- [9] Goncharenko L.P., Kutsenko E.S. *Upravlenie bezopasnostyu* [Security Management]. Moscow; 2005 (In Russ.).
- [10] Zhmerenetsky V.F. *Teoriya bezopasnosti v sisteme obrazovaniya Rossii* [Theory of security in the Russian education system]. *Mir obrazovaniya — obrazovanie v mire*. 2008; 1 (In Russ.).
- [11] Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kultura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow; 2000 (In Russ.).
- [12] Kafidov V.V. *Sotsiologiya i tekhnologii bezopasnosti* [Sociology and Technologies of Security]. Moscow; 2005 (In Russ.).
- [13] Krasnyanskaya T.M. *Bezopasnost i opasnost kak fenomeny sistemy 'Chelovek'* [Security and dangers as phenomena of the 'man' system]. *Izvestiya YuFU. Seriya: Tekhnicheskie Nauki*. 2006; 1 (In Russ.).
- [14] Kuznetsov V.N. *Sotsiologiya bezopasnosti* [Sociology of Security]. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [15] Luhmann N. *Obshchestvo kak sotsialnaya Sistema* [Society as a Social System]. Moscow; 2004 (In Russ.).

- [16] Makarov V.E. Aspekty obespecheniya kompleksnoy bezopasnosti sotsialnykh uchrezhdeniy [Aspects of ensuring the integrated security of social organizations]. *Materialy VI Mezhdunarodnogo sotsialnogo kongressa*. Vol. 2. Moscow; 2006 (In Russ.).
- [17] Minaev G.A. *Bezopasnost organizatsii* [Security of Organization]. Moscow; 2008 (In Russ.).
- [18] Mugulov F.K., Medvedev V.B. *Osnovy sotsiologicheskogo analiza bezopasnosti lichnosti* [Basics of the Sociological Analysis of Personal Security]. Sochi; 2003 (In Russ.).
- [19] Narbut N.P. Tekhnologii antiterroristicheskoy deyatel'nosti: mezhdunarodnoe i regionalnoe izmereniya [Antiterrorism technologies: International and regional dimensions]. *Aktualnye problemy antiextremistskogo i antiterroristicheskogo vospitaniya molodezhi: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [20] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Strakhi i opaseniya rossiyskogo studenchestva: vozmozhnosti empiricheskoy fiksatsii [Fears and concerns of the Russian students: Possibilities of empirical measurement]. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*. 2014; 2 (In Russ.).
- [21] Rakhleev A.V. Obespechenie sotsialnoy bezopasnosti rossiyskogo obshchestva na sovremennom etape modernizatsii [Ensuring Social Security of the Russian Society at the Present Stage of Modernization:]. Avtoreferat diss. k.s.n. Volgograd; 2008 (In Russ.).
- [22] *Risk v sotsialnom prostranstve* [Risk in the Social Space]. Pod red. A.V. Mozgovoy. Moscow; 2001 (In Russ.).
- [23] Serebryannikov V.V. *Sotsiologiya voyny* [Sociology of War]. Moscow; 1998 (In Russ.).
- [24] Sillaste G.G. *Sotsialnaya bezopasnost lichnosti, obshchestva i gosudarstva. Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya i sotsialny zapros* [Social Security of the Individual, Society and State. Theoretical-Methodological Foundations and Social Request]. Moscow; 2014 (In Russ.).
- [25] Smirnova A.G. Ugrozy bezopasnosti kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniya [Security threats as an object of sociological research]. *Sotsiologiya Vlasti*. 2010; 5 (In Russ.).
- [26] Supryaga I.A. Politicheskie mekhanizmy obespecheniya i regulirovaniya obshchestvennoy bezopasnosti RF: opyt i osobennosti [Political Mechanisms for Ensuring and Regulating Public Security in the Russian Federation: Experience and Features]. Avtoreferat diss. k.p.n. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [27] Tepechin V.I. Sotsiologiya natsionalnoy bezopasnosti kak 'novaya' paradigma sotsiologicheskogo znaniya [Sociology of national security as a 'new' paradigm of sociological knowledge]. *Bezopasnost*. 1995; 34 (In Russ.).
- [28] Trotsuk I. Problema nasiliya v rossiyskom obshchestve: 'normalnye' i 'patologichnye' proyavleniya [The problem of violence in the Russian society: 'Normal' and 'pathological' manifestations]. *Vestnik Obshchestvennogo Mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2007; 3 (In Russ.).
- [29] Trotsuk I.V. Sovremennye podkhody k kontseptualizatsii terrorizma: sotsialno-psikhologicheskie i sotsialno-konstruktivistskie modeli [Contemporary approaches to the conceptualization of terrorism: Social-psychological and social-constructivist models]. *Aktualnye problemy antiextremistskogo i antiterroristicheskogo vospitaniya molodezhi: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [30] Unusyan U.V. Aktualnye problemy kompleksnoy bezopasnosti doshkolnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya [Actual problems of the integrated security in the preschool educational institution]. *Yurisprudentsiya, Istoriya, Sotsiologiya, Politologiya i Filosofiya*. 2016; 1 (In Russ.).
- [31] Shulman E. Tsena chelovecheskoy zhizni [The price of human life]. <https://www.pravmir.ru/ekaterina-shulman-tsena-chelovecheskoy-zhizni> (In Russ.).
- [32] Buzan B., Weaver O., Wilder J. de. *Security: A New Framework for Analysis*. London; 1998.



СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-137-144

Sociology of sports and the space of sports practices: Social genesis and sociological theories*

F.I. Sharkov¹, V.V. Silkin²

¹Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)
Prosp. Vernadskogo, 76, Moscow, Russia, 119454

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Prosp. Vernadskogo, 84, Moscow, Russia, 119454
(e-mail: sharkov_felix@mail.ru; vv.silkin@igsu.ru)

Abstract. In recent years, the importance of sports in Russia has increased dramatically, which is determined primarily by the country's hosting international sport events, in particular, the Olympics and the FIFA World Cup 2018. The influence of sports on social processes has increased, sports began to strengthen its position in public opinion as a prestigious sphere of employment and an important social category [24. P. 60]. Thus, there is an obvious need to identify the relationship of physical culture with society as a whole and with all elements of the social structure and specific social institutions. The article examines the origins and prerequisites for the formation of sociology of sport as a relatively independent scientific discipline; presents the issues of sports sociology in the historical perspective — in the context of both their social genesis and contemporary sociological theories; considers the social role and social functions of sport education and sports. The authors believe that the differentiated social distribution of sports practices is determined by the interconnections of the space of possible practices (supply) and the space of demand for certain practices. In the article, the well-known foreign scientists are presented in the new perspective — as sociologists who provided for both Russian and foreign authors the incentive and direction for theoretical studies of sports issues. The article also presents to Russian readers the original studies on sociology of sports conducted by famous scientists — Norbert Elias, Eric Dunning, Anna Ingram, Georges Hébert, etc.

Key words: sport; sociology of sports; space of sports practices; social genesis; contemporary sociological theories; institutionalization of sociology of sports

Sports was first considered an important sphere of sociological research in 1925 by the German scholar Heinz Risse in his book *Sociology of Sports*. “Historians and sociologists have never felt themselves competent enough to study the human physical activities within the old school of sports history. Then the modernization-theoretical approach raised the question: how is the development of specific social forms of sports

* © F.I. Sharkov, V.V. Silkin, 2020.

The article was submitted on 26.06.2019. The article was accepted on 20.09.2019.

combined with the development of modern western societies? What political, economic and social framework conditions contributed to the establishment of the organized competitions following the rules? This was the key research issue. Who were the actors? What motives led them to sports? What social effects generated sports passion?" [22]. In 1925, the theorist and practitioner, instructor of physical culture in the French army, Georges Hébert in the book *Sports Against Physical Education* described a system of physical education and training that combines the development of physical skills and training of moral-volitional qualities [12].

In the 1930—1940s, both Russian and foreign authors focused mainly on the development of physical culture and physical training [4; 5; 10; 17]. In these decades, there was a confrontation between the capitalist and socialist camps at various sports games and international competitions. Therefore, unambiguous political issues crept into the writings of foreign authors on the development of sports in the USSR. Seth Bernstein in his work *Communist Uprising under Stalin: The Political Socialization and Militarization of Soviet Youth, 1934—1941* focused on the *Komsomol* organization that by 1941 had managed to include more than a quarter of all Soviet youth. Thus, with the support of the *Komsomol*, the youth became an important state resource on the uncertain and dangerous path to the future communism [1].

During the World War II, many sportsmen in the countries participating in the war changed their sports equipment to weapons. The activities of all sports organizations of the Soviet Union aimed at solving the problems of the wartime, and the description of sports activities in the wartime under the German occupation provided by V. Ginda is of particular interest: he focused on the so-called 'death match' played on August 9, 1942 by the football players of the *Kiev Dynamo* and the German soldiers [9].

The interest in sports from the sociological perspective started to increase after the World War II: new sports professional leagues were created and developed quite actively, and the organized youth forms of sports became quite common for different settlements and educational institutions. In the postwar years, the Soviet athletes achieved great success in international and world sports competitions, for instance, they participated in the largest sports event of 1956 — the XVI Olympic Games that were held in Melbourne (Australia). The late-season dates of the Games (late November — early December), their climatic and geographical conditions required thorough training of the Soviet Olympic team. However, despite all difficulties, the Soviet team won 37 gold, 29 silver and 32 bronze medals and got 622.5 points in the unofficial standings, while the US team — only 497.5. 58 Soviet athletes became the Olympic champions, and among them Vladimir Kuts, who became a real hero of the Olympic Games for he won in the 5- and 10-thousand meters' races [20].

By the 1960s, in the Soviet Union, not only the press but also the television paid much attention to sports. A number of works on sociology of sports and physical education was published in this decade — by V.I. Zholdak [28], I.V. Vishnevsky, N.A. Ponomarev, L.N. Nifontova, M.Kh. Titma, K.V. Adamson, M.A. Arvisto, A.S. Chesnokov [8]. These works present the results of sociological studies in the field of physical education and sports. Due to the fact that the harmoniously developing personality was proclaimed

the main goal of sports, “one of the research objects of sociology of physical culture and sports was the human body as an element of personal bodily existence. Within the framework of this science (as well as within other sciences that study physical culture and sports) the human body is not considered by itself but rather in the process of its socialization and cultural development — when under the influence of various social factors, primarily conscious and purposeful, it becomes social by nature and significance and is included in the world of culture. In this respect, it acts as a somatic culture” [26].

In the 1970s, the representatives of sociology of physical culture and sports conducted studies aimed at identifying their similarities and differences as specific forms or areas of culture in relation to its other forms and areas. These research questions are especially important for the studies of sports, because its functioning is inextricably linked to various organizations, each of which has its own specific social conditions, sports ideology and worldview, certain normative regulations and expected roles, etc. [13]. Among the Russian authors V.B. Kuchevsky [16], N.I. Ponomarev [21]. M.A. Yacobson [27]. O.A. Milshtein [18], B.M. Gzovsky, N.A. Nelga, V.N. Kryazh [11] and others should be mentioned. In the United States, Gregory Stone, David Riesman, Erving Goffman, James Coleman, Charles Page, etc. described social processes related to sports, especially for scientific communities involved in the study of physical education and sports.

Sociological study of sports practices

Pierre Bourdieu, one of the most influential sociologists of the 20th century, in his speech to a group of students in November of 1980 and at the opening of the VIII ICSS Symposium “Sport, Social Classes and Subculture”, identified the conditions that make the very sociology of sports possible. First of all, one should not analyze a separate sport as isolated from all other sports practices, but rather the space of all sports as a system, each element of which has its own meaning, i.e. to understand any sport, one need to identify its position within the space of all sports. Sports practices represented in the statistical questionnaire can be described as the resulting relationship between supply and demand, or, more precisely, between the space of currently available products and the space of inclinations (associated with one’s position in the social space and capable of being reflected in other consumption practices in connection with another space of supply) [2].

Thus, according to Bourdieu, the differentiated distribution of sports practices is the result of the relationship between two homologous spaces: the space of possible practices (supply) and the space of inclinations to a specific sport practice (demand). On the supply side, there is a space of sports perceived as sports-practices programs characterized primarily by their technical features (in particular, capabilities and, primarily, limitations of these practices for expressing various bodily inclinations.) On the demand side, there is a space of sports inclinations that, as one of the dimensions of the disposition system (*habitus*), are characterized both structurally and relationally in the same way as their corresponding positions and whose features are determined

by the current supply (taken into account in the production of needs as providing effective opportunities for their satisfaction) and by the previous supply-demand ratio.

Bourdieu believes that there is a number of necessary indicators for the sociological study of sports issues. Such a research space can be constructed on the basis of a set of indicators such as, on the one hand, the distribution of those involved in a particular sport according to their position in the social space, distribution of different federations by the number of their members, wealth, social characteristics of leaders, etc.; and, on the other hand, the distribution by the type of attitude to the body necessary for different sports or contributing to the success in them, for instance, depending on the direct contact in classical wrestling or rugby, or, on the contrary, excluding such a contact in golf and allowing it only through the ball as in tennis or by a tool as in fencing.

Thus, we can identify three main research foci of the sociological analysis of sports: individual — the degree and nature of the involvement of individuals and social groups in sports, and also factors affecting this involvement; social — either social functions of sports or interconnections of sports and social institutions (sport—family, sport—education, sport—state); and intercultural — sports in the system of international relations. At the higher level of generalization, sociology of sport studies mainly the relationship between sports and such social institutions as family, education, politics, culture and economy. Sociological studies focus on social relations and group behavior in various sports (for example, elite and mass sports, amateur and professional sports, class, gender or racial relations in sports, etc.), and also on various social processes in sports organizations, communities and around them. Special sociological studies allow to analyze social needs and motives in the field of physical culture and sports, to evaluate the real attitudes, interests and value orientations to physical culture and sports. Unfortunately, under the market economy, it is almost impossible to find a practical interest in such studies; that is why public authorities and municipal governments should ask sociologists to conduct the studies of physical culture and sports.

Therefore, we can identify the following goals of sports sociology: to study the role, functions and significance of sports in the life of people and society; to describe and explain the factors of the development of sports in various communities and at different stages of social development; to identify the level of influence of sports on the socialization processes in the contemporary society; to study the values and norms of sports life considered as social-cultural activities and their impact on the sphere of culture in general; to examine the differentiating function of sports including the creation of additional opportunities and restrictions for the mobility of sportsmen and sports communities; to analyze the impact of social changes on the development of sports; and to promote the development of theoretical and applied sociology including the implementation of policies to ensure that the world sport has less and less negative impact on people's lives.

Institutionalization of sports sociology

We believe that the sociological attention to such a significant area of public life as sports is still insufficient, and some scholars insist that sociology of sport stays at the periphery of sociology. Nevertheless, by the second half of the 20th century, socio-

logy of sports was already recognized as one of the branches of the sociological discipline. At first the studies of the developing special sociological science aimed primarily at its 'legitimization' as a new branch of the sociological knowledge. At the same time, its representatives tried to distinguish its key concepts such as 'game', 'physical education' and 'sports'. Eventually sports were recognized as a social construct, the definition of which depends on such contextual factors as time and space (venue).

Most of the very first works on sports sociology reflected a close relationship between sociology of sports, psychology, social psychology, and the research of consumer behavior, which was manifested in the studies of group dynamics, group cohesion, leadership, social facilitation and what is now called the 'social idleness' [16; 19]. The relationship was also evident in some early studies of socialization that focused on roles and motivation; and some studies of the group dynamics in sports teams subsequently led to the studies of sports subcultures. Special studies conducted at the University of Wisconsin reflected the functionalist and instrumental positivist aspects of the American sociology in the 1960s — early 1970s, and this analytical approach contributed to the development of complex statistical modeling of how and why people decide to go in for sports.

According to Eric Dunning, in the 1990s, sociology of sports became one of the liveliest areas of sports research due to the fact that sociology of sports became so much associated with all main sociological paradigms that William James called this degree of the sociological conceptual debates 'a blooming and buzzing confusion'. Although the very attempt to conduct theoretical studies of sports sociology issues through the prism of all sociological paradigms is interesting and important, this situation was dangerous, especially because the representatives of different paradigms began to misinterpret the positions of their opponents, which certainly did not contribute to fruitful discussions and sometimes even led to devastating conflicts. Eric Dunning called this situation a 'destructive inter-paradigm rivalry' [6]. However, the very destructive attempt to consider the processes in the field of sports through the theories of functionalism, symbolic interactionism, feminism, poststructuralism and postmodernism contributed to the institutionalization of sports sociology and to the social development in the field of physical culture and sports.

Norbert Elias modified some elements of the theories of Karl Marx, Max Weber and Emile Durkheim and expressed concerns about the interpretation of the very term 'social development' and, accordingly, about the interpretation of the terms 'development of knowledge' and 'development of sports', which constitute the basis of figurative sociology [7]. Elias referred to Comte's studies of social development (Comte called it 'social dynamics'), thus, essentially, used Comte's concept of social dynamics to consider the issues of social development in sports. Thus, the sociological research of sports should not only assess the current and real situation in sports, but also search for the best ways to motivate teams and authorities to strengthen the links between teams and fans, and to prevent any discrimination in amateur and professional sports. Such studies should be conducted in relation with such fields as sports medicine, sports psychology and sports social psychology. Perhaps, a good example of such a sociological study is the distributional analysis described in the article *The emergence and development of sociology of sports as an academic specialty* [17].

In recent decades, the topics of sociological studies of sports and the very space of sports practices have expanded significantly. The general physical culture, which was traditionally considered only in the natural-science sections of sports science (sports medicine, biomechanics, sports training techniques), is now examined in the context of preparing the body for sports events. In sports science, we find new approaches to the study of man from the anthropological perspective, for instance, some sociological studies show how and by what mechanisms the contemporary controlled and totally organized sports competitions affect other areas of public life and what are this impact's consequences. In particular, there are attempts to purposefully study the relationship between the consumption of doping and the consumption of drugs, between the bodies of athletes and the labor market in the contemporary postindustrial society, between certain common forms of communication in sports and in other areas of communication (for instance, political communication), etc.

Most sociological studies of sports are far from the true ideologization of sports processes. However, when studying the empirical reality, some researchers (voluntarily or not) tend to mythologize the processes in the sports field by overestimating the elements of its attractiveness and by borrowing the most spectacular and most consumed by the mass audience elements from specific areas of mass culture, art communications, leisure and tourism. However, there is a completely different situation in the field of sports science as it is represented by the studies of professional sports conducted at the universities of Australia, Italy, Germany, Russia, the UK and the USA within the special research programs. In China, Russia and the UK, there are special sports research institutes that are independent in their activities (both thematically and financially) from the studies of sports at universities. In all countries, there are non-university research areas in the field of sports (on both public and private initiative), and in some countries the state supports the most mainstream research areas. The advantage of this approach is that the applied studies supported on the centralized basis can form a scientific discipline or a circle of disciplines, which would facilitate the fulfillment of scientific tasks and would ensure the continuous interaction in sports practices. Today, in many regions of the world, there are stable creative communications between physical education students, teachers and graduate students of physical education faculties and sociologists, because sociology of sports considers social processes in sports through the prism of their social genesis and contemporary sociological theories.

References

- [1] Bernstein S. *Communist Uprising under Stalin: The Political Socialization and Militarization of Soviet Youth, 1934—1941*. University of Toronto; 2013.
- [2] Bourdieu P. *Choses dites*. Paris; 1987.
- [3] Chepik V.D. *Fizicheskaya kultura v sotsialnykh protsessakh* [Physical Culture in Social Processes]. Moscow; 1995 (In Russ.).
- [4] Dickinson S. The efficiency of bicycle-peddalling as affected by speed and load. *Journal of Physiology*. 1929; 67.
- [5] Dill D.B. The economy of muscular exercise. *Physiological Review*. 1936; 16.

- [6] Dunning E. *Sport Matters: Sociological Studies of Sport, Violence, and Civilization*. Lonon — New York; 1999.
- [7] Elias N. On transformations of aggression. *Theory & Society*. 1978; 5 (2).
- [8] *Fizicheskaya kultura i sovetsky obraz zhizni* [Physical Culture and the Soviet Way of Life]. K.V. Adamson, M.Kh. Titma, M.A. Arvisto, A.S. Chesnokov. Moscow; 1982 (In Russ.).
- [9] Ginda V. Beyond the death match: Sport under German occupation between repression and integration, 1941—1944. Katzer N., Budy S., Zeller M. *Euphoria and Exhaustion: Modern Sport in Soviet Culture and Society*. University of Chicago Press; 2011.
- [10] Grachev A.V., Kogan M. *Istoriya fizicheskoy kultury v SSSR s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII v.* [History of Physical Culture in the USSR from the Ancient Times to the Late 18th Century]. Moscow; 1940 (In Russ.).
- [11] Gzovsky B.M., Nelga V.N. *Organizatsiya fizicheskogo vospitaniya studentov* [Organization of Students' Physical Education]. Minsk; 1978 (In Russ.).
- [12] Hébert G. *Sport contre l'éducation physique*. Paris; 1925.
- [13] Heinemann K. Sport in developing countries. Dunning E., Maguire J., Pearton R. (Eds.). *The Sports Process: A Comparative and Developmental Approach*. Champaign; 1993.
- [14] Ingram A.G. Delineation of sport sociology. *International Review of Sport Sociology*. 1973; 1 (8).
- [15] Kravchenko S.A. Re-discovery of social reality as an indicator of sociological knowledge validity. *Sociological Studies*. 2014; 5 (In Russ.).
- [16] Kuchevsky V.B. Sport kak sovokupnost obshchestvennykh otnosheny [Sports as a complex of social relations]. *Teoriya i Praktika Fizicheskoy Kultury*. 1972; 9 (In Russ.).
- [17] Loy J.W., Kenyon G., McPherson B.D. The emergence and development of sociology of sport as an academic specialty. *Research Quarterly for Exercise and Sport*. 1980; 51 (1).
- [18] Milshtein O.A. O predmete sotsiologii sporta i ee razvitii v SSSR [On the object of sociology of sports and its development in the USSR]. *Sotsialnye osnovy fizicheskoy kultury i sporta*. Kiev; 1973 (In Russ.).
- [19] Narbut N. The peculiar features of consumer behavior in contemporary Russia. *Social Relations in Turbulent Times*. Geneva; 2011.
- [20] Organizatsiya i provedenie fizkulturnoy raboty v SSSR v poslevoennye gody [Organization and implementation of sports activities in the USSR in the postwar years]. <https://megaobuchalka.ru/10/23118.html> (In Russ.).
- [21] Ponomarev N.I. K voprosu o predmete marksistskoy sotsiologii fizicheskoy kultury i sporta [On the object of the Marxist sociology of physical culture and sports]. *Teoriya i Praktika Fizicheskoy Kultury*. 1973; 1 (In Russ.).
- [22] Risse H. *Soziologie des Sports*. Berlin; 1921.
- [23] Robinson S., Harmor P.M. The effect of training and gelation upon certain factors which limit muscular work. *American Journal of Physiology*. 1941; 133.
- [24] Sharkov F.I., Silkin V.V., Layshev R.A. Sportivnaya zhurnalistika v sisteme sovremennoy mediakommunikatsii [Sports journalism in the system of contemporary media communication]. *Kommunikologiya*. 2018; 6 (4) (In Russ.).
- [25] Stolyarov V.I. Metodologicheskie voprosy razrabotki teorii sporta [Methodological issues in the development of the theory of sports]. *Sport — nauke, nauka — sportu*. Part 2. Novosibirsk; 1984 (In Russ.).
- [26] Stolyarov V.I. *Sotsiologiya fizicheskoy kultury i sporta (vvedenie v problematiku i novaya kontseptsiya)* [Sociology of Physical Culture and Sports (Introduction and a New Concept)]. Moscow; 2002 (In Russ.).
- [27] Yakobson M.A. Sotsiologicheskie problemy fizicheskoy kultury [Sociological issues of the physical culture]. *Sotsialnye issledovaniya*. Vyp. 7. Moscow; 1971 (In Russ.).
- [28] Zholdak V.I., Korotaeva N.V. *Sotsiologiya fizicheskoy kultury i sporta* [Sociology of Physical Culture and Sports]. Malakhovka; 1994 (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-137-144

Социология спорта и пространство спортивных практик: социальный генезис и современные теории*

Ф.И. Шарков^{1,2}, В.В. Силкин²

¹Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Просп. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Просп. Вернадского, 84, Москва, Россия, 119606
(e-mail: sharkov_felix@mail.ru; vv.silkin@igsu.ru)

В последние годы значение спорта в России резко возросло, что связано, прежде всего, с проведением в стране международных спортивных мероприятий, в частности, Олимпиады и Чемпионата мира по футболу. Влияние спорта на общественные процессы увеличилось, он стал укреплять свои позиции в сознании людей в качестве престижной сферы занятости и привлекательной социальной категории [24. Р. 60]. В связи с этим еще более актуализируется необходимость выявления взаимосвязей физической культуры с обществом в целом, а также со всеми элементами социальной структуры и конкретными социальными институтами. В статье исследуются истоки и предпосылки формирования социологии спорта как относительно самостоятельной научной дисциплины. В исторической перспективе представлены проблемы социологии спорта — в контексте их социального генезиса, а также современных социологических теорий; обозначена социальная роль и социальные функции физической культуры и спорта. Дифференцированное социальное распределение спортивных практик рассматривается авторами как результат установления связи между пространством возможных практик (предложением) и пространством востребованности определенных практик. В статье известные отечественному читателю зарубежные ученые раскрываются с новой стороны — как социологи, давшие отечественным и зарубежным авторам стимул и направления теоретических исследований спортивной проблематики. Статья открывает для отечественных читателей оригинальные исследования по социологии спорта известных ученых — Норберта Элиаса, Эрика Даннинга, Анны Ингрэм, Жоржа Эбера, Хайнца Рисса и др.

Ключевые слова: спорт; социология спорта; пространство спортивных практик; социальный генезис; современные социологические теории; институционализация социологии спорта

* © Шарков Ф.И., Силкин В.В., 2020.

Статья поступила 26.06.2019 г. Статья принята к публикации 20.09.2019 г.



DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-145-160

Принцип единства исполнительной власти в федеративном устройстве современной России*

В.М. Платонов

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198
(e-mail: vladimir@platonovvm.ru)

В статье рассматривается принцип единства исполнительной власти в федеративном устройстве современной России — чтобы показать, что единая система исполнительной власти в контексте российской политико-правовой культуры предполагает иерархичность отношений между органами исполнительной власти разных уровней. Такая специфика взаимоотношений между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации противоречит идее вертикального разграничения власти. Российская модель федеративных отношений исходит из того, что там, где имеет место переплетение интересов федерации и ее субъектов, продуктивным представляется не их обособление или размежевание, а взаимодействие, обеспечение совместного решения задач, стоящих перед государством и его составными частями. Автором были изучены федеральные нормативно-правовые акты и практика Конституционного Суда, в которых нашел свое закрепление и оценку принцип единства системы исполнительной власти. Статья основана на культурологическом подходе как разновидности системно-структурного анализа права и иных элементов социальной действительности. Такой подход позволяет рассмотреть специфику российского федерализма как особой модели государственного управления в динамике, а соответствующие институты — в их постоянном взаимодействии и развитии. Использование формально-юридического метода позволило выявить правовое содержание принципа единства системы государственной власти как «краеугольного камня» российского федеративного устройства. Результатом стала следующая культурно-историческая модель российских федеративных отношений: допуская широкую децентрализацию в политической сфере (через закрепление перечня предметов совместного ведения федерального центра и субъектов РФ, а также по остаточному принципу — исключительной законодательной компетенции субъектов РФ), федеральный центр усиливает централизационные механизмы в административной сфере (через распределение полномочий в рамках предметов совместного ведения), тем самым обеспечивая конкуренцию политических интересов при сохранении жестких статистических начал в сфере государственного управления.

Ключевые слова: децентрализация; единство исполнительной власти; федеративное устройство; разграничение полномочий; политическая и правовая культура.

Тенденции к централизации или децентрализации государственной власти отражают баланс публичных ресурсов и специфику их распределения [22]. На основе соотношения этих тенденций оценивается эффективность системы государственного и муниципального управления. При этом децентрализация ради нее

* © Платонов В.М., 2020.

Статья поступила 15.05.2019 г. Статья принята к публикации 10.09.2019 г.

самой бессмысленна, ее цель — перераспределение задач, функций и полномочий между уровнями власти, чтобы добиться максимальной эффективности управленческого процесса [26; 29; 30]. Значение децентрализации не следует преувеличивать, поскольку ее элементы подчиняются логике функционирования механизма государственной власти, в частности это: а) требование организационного единства публичной власти, степень которого определяется спецификой ветвей власти, а также предметов ведения и полномочий; б) признание, что некоторые властные структуры функционируют на основе принципа вертикали и интеграции власти, что обеспечивает их гармоничное и взаимодополняющее участие в осуществлении политической власти; в) нормативное закрепление предметов ведения и полномочий субъектов власти, что не означает невозможности их последующего изменения, поскольку часто необходимый и достаточный их объем определяется эмпирически — в процессе взаимодействия государственных органов [25; 31].

Состояние современных исследований в этой области таково, что вопросам вертикали власти как фактора централизации системы государственного управления в отечественной литературе уделяется гораздо больше внимания, чем исследованию практического значения вертикали для усиления взаимодействия уровней государственной власти на основе общности их интересов [24; 32]. Пожалуй, наиболее обстоятельным трудом по вопросам вертикали государственной власти стала монография под редакцией А.В. Малько и Р.В. Пузикова «Вертикаль публичной власти в правовом пространстве России» [4]. С политологической точки зрения интерес представляют работы Д.Е. Слизовского [12] и Д.С. Докучаева [6], с социологической — А.Е. Чириковой [15]. Проблематика государственного управления, связанная с вертикалью исполнительной власти, изложена в работах Я.И. Кузьмина [13], А.В. Клименко [7], О.С. Минченко [8], Э. Паина [10], О.Б. Подвинцева [11]. Теоретическую основу статьи составили работы зарубежных ученых — А. Бенца, Й. Сонниксена [22], А. Лейпхарта [26], М. Аморе, М. Бенедсена [21], А. Фатаса, И. Михова [23], Х. Мартинеса-Васкеса, Х. Боэза [27; 28], посвященные проблеме баланса между разными уровнями государственного управления.

Конституция Российской Федерации закрепляет принцип единства системы государственной власти (часть 3 статьи 5). Этот принцип находит подтверждение в положениях части 2 статьи 77, устанавливающей, что в пределах полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения с субъектами РФ федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов РФ образуют единую систему исполнительной власти. Разграничение предметов ведения и полномочий между федеральной властью и органами государственной власти субъектов РФ происходит с учетом необходимости обеспечения реализации положений статей 5 и 77 Конституции.

Базовыми требованиями, обуславливающими такое разграничение, являются: принцип верховенства Конституции РФ и федеральных законов на всей территории страны (часть 2 статьи 4); высшая юридическая сила и прямое действие Конституции РФ на всей территории России (часть 1 статьи 15); положения о том, что вне пределов ведения, а также совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов республики, края, области, города федерального значения, авто-

номные области и округа осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативно-правовых актов (часть 4 статьи 76), однако они не могут противоречить федеральным законам, принятым по вопросам исключительного ведения Российской Федерации и ее совместного ведения с субъектами — в случае противоречия действует федеральный закон (часть 5 статьи 76).

Гарантией установленного конституцией порядка осуществления правотворческой деятельности является право Президента РФ приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов РФ в случае их противоречия конституции и федеральным законам, международным обязательствам РФ или нарушения прав и свобод человека и гражданина до решения суда (часть 2 статьи 85).

Единство государственной власти обеспечивается распространением суверенитета Российской Федерации на всю ее территорию (часть 1 статьи 4), применением единых демократических принципов организации и деятельности органов государственной власти как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ, принципом равноправия субъектов РФ во взаимоотношениях с федеральным центром (часть 4 статьи 5). Единству государственной власти способствует закрепление в части 1 статьи 85 и в статье 105 Конституции РФ механизмов согласования интересов органов государственной власти различных уровней.

Конституционное закрепление принципа единства исполнительной власти реализуется при конкретизации сфер деятельности органов государственной власти [9. С. 120] посредством указания на предметы совместного ведения РФ и ее субъектов, а также на то, что единство акцентируется не столько в организации исполнительной власти, сколько в деятельности ее органов. Этот принцип учитывает, что по вопросам совместного ведения органы исполнительной власти субъектов РФ не находятся в непосредственном подчинении федеральных органов, однако обязаны выполнять их указания, сформулированные в подзаконных нормативно-правовых актах, изданных в пределах полномочий федерального центра по вопросам совместного ведения. Эта обязанность основана на положениях части 2 статьи 115 Конституции РФ об обязательном характере постановлений и распоряжений Правительства РФ и положениях пункта 2 статьи 26.1 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», согласно которому полномочия, осуществляемые органами государственной власти субъекта РФ по предметам совместного ведения, определяются Конституцией РФ, федеральными законами, договорами о разграничении полномочий и соглашениями, а также законами субъектов РФ. При этом положения этого федерального закона предполагают, что федеральные органы исполнительной власти не вправе в рамках предметов совместного ведения давать поручения органам исполнительной власти субъектов РФ в части полномочий, не закрепленных за ним в установленном законом порядке.

Свою оценку принципу единства исполнительной власти в контексте разграничения предметов ведения и полномочий между федеральной властью и субъек-

ектами РФ дал Конституционный Суд, указавший в Постановлении от 18 января 1996 года № 2-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного закона) Алтайского края», что для организации системы государственной власти существенное значение имеет конституционное положение, согласно которому в пределах ведения и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения с субъектами РФ федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов РФ образуют единую систему исполнительной власти (статья 77, часть 2), что должно обеспечиваться при создании органов государственной власти субъектов РФ. Поскольку по Конституции РФ законодательная и исполнительная ветви власти являются самостоятельными, недопустимо закреплять в Уставе нормы, ставящие исполнительную власть в подчиненное по отношению к представительному органу положение (это противоречило бы и статье 77, часть 2).

В своем определении от 6 декабря 2001 года № 249-О «По ходатайству Президента Республики Башкортостан об официальном разъяснении определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2001 года по ходатайству полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе об официальном разъяснении определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений Конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия—Алания и Республики Татарстан» Конституционный Суд указал, что в пределах ведения Российской Федерации и ее полномочий по предметам совместного ведения федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов РФ образуют единую систему исполнительной власти, поэтому должны подчиняться единым принципам и правилам функционирования.

Впоследствии принцип единства системы государственной власти последовательно истолковывался Конституционным Судом в русле обозначенных правовых позиций. Таким образом, его Постановление от 18 января 1996 года № 2-П стало своего рода моделью прецедентного значения, образцом, аргументация которого неоднократно использовалась Судом.

Российская культурно-историческая модель федеративного устройства и разграничения компетенции между Российской Федерацией и ее субъектами исходит из принципа единства исполнительной власти, при этом предусматривая широкие возможности компенсации ее изъянов в ситуациях, в которых система может показать свою неэффективность или нефункциональность. Так, единство системы исполнительной власти обеспечивается таким компенсационным механизмом, как институт передачи полномочий федеральными органами исполнительной власти органам исполнительной власти субъектов РФ, а также передачи полномочий от органов исполнительной власти субъектов РФ федеральным органам (части 2 и 3 статьи 78). Для понимания сути разграничения полномочий между федераль-

ным центром и субъектами РФ важно то, что при передаче полномочия его природа и принадлежность не меняется. Инструментом, опосредующим такую передачу, являются соглашения между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ.

Часть 3 статьи 78 Конституции РФ закрепляет возможность передачи органами исполнительной власти субъектов РФ части своих полномочий федеральным органам. Часть 2 указанной статьи, закрепляя возможность такой передачи, содержит ограничение — такая передача не должна противоречить Конституции РФ и федеральным законам. Использование в Конституции РФ понятия «свои полномочия» порождает следующие проблемы: во-первых, неясно, включает ли оно лишь исключительные полномочия федерального центра и субъектов РФ или же также и полномочия Федерации и ее субъектов по вопросам совместного ведения. Во-вторых, чем вызвано ограничение права на передачу полномочий для федеральных органов исполнительной власти и отсутствие такого ограничения для органов исполнительной власти субъектов РФ? Вероятно, понятие «свои полномочия» включает себя обе группы полномочий (эта точка зрения поддержана Конституционным Судом в 2001 году), а порядок распределения и реализации полномочий федеральных органов и органов государственной власти субъектов РФ определяется федеральными законами, т.е. законодательной властью. При этом полномочия субъектов РФ и федеральной власти — это по большей мере позитивные обязательства, и лишь та их часть, что сформулирована в дозволительной форме, предполагает возможность передачи на основании решения федерального органа исполнительной власти, которое не может противоречить решениям, утвержденным законодательной властью.

Иными словами, проблема единой системы исполнительной власти связана с тем, что, развиваясь в контексте российской политико-правовой культуры, она оказывается относительно несовместима с принципом федерализма, понимаемым в рамках западной политико-правовой культуры как вертикальное размежевание федеральной власти и субъектов федерации. Формирование единой системы исполнительной власти предполагает иерархичность отношений между органами исполнительной власти разных уровней. Такая иерархичность подразумевает: 1) обязанность органов исполнительной власти субъектов РФ следовать в сфере совместного ведения указаниям федеральных органов; 2) участие федеральных органов в реализации задач, возложенных на органы субъектов РФ; 3) осуществление федеральными органами контроля за органами исполнительной власти субъектов РФ по вопросам совместного ведения; 4) закрепление в законодательстве возможности приостановления и судебного признания недействующими нормативно-правовых актов органов исполнительной власти субъектов РФ.

Существует точка зрения, что такая специфика взаимоотношений между федеральными и органами исполнительной власти субъектов РФ «обесценивает идею вертикального разграничения власти, заложенную в принципе федерализма» [2. С. 124]. Аргументами сторонников этой точки зрения становятся утверждения, что федеративную структуру органов государственной власти характеризует нали-

чие «сегментированных, независимых подразделений с ограниченным правом управления» [2. С. 124], защищенность органов власти субъектов федерации от вмешательства в их деятельность в тех сферах, где переплетены интересы федерации и ее субъектов, в то время как при единстве исполнительной власти эти принципы нарушаются. С этой точкой зрения сложно согласиться, поскольку единство системы исполнительной власти не подрывает независимость субъектов федерации по иным вопросам, например, исключительного ведения субъектов или законодательной деятельности в рамках совместного ведения. Кроме того, российская модель федеративных отношений исходит из того, что там, где имеет место переплетение интересов федерации и ее субъектов, продуктивным представляется не их обособление или размежевание, а взаимодействие разных уровней власти, обеспечение совместного решения задач, стоящих перед государством и его составными частями.

Видимо, российский федерализм предполагает развитие конституционной доктрины и практики по вопросу о единстве системы органов исполнительной власти. Инструментами развития этой системы являются: процедуры совместного принятия решений органами государственной власти разных уровней; 2) кадровая политика в федеральных и региональных государственных органах, осуществляемая с учетом мнения как федеральных, так и региональных структур; 3) реализация принципа двойного подчинения государственных органов субъектов федерации, реализующих полномочия в порядке статьи 77 Конституции РФ.

Реализация принципа двойного подчинения может быть усовершенствована: формирование «пирамиды» должно предполагать подчинение органов государственной власти субъектов РФ только высшим федеральным органам, а во взаимоотношениях с территориальными федеральными органами исполнительной власти должно иметь место взаимодействие, а не отношения власти и подчинения. Из отношений, основанных на приказах федеральных органов государственным органам субъектов РФ, целесообразно исключить территориальные органы исполнительной власти субъектов РФ, т.е. приказ должен направляться вышестоящему органу исполнительной власти субъекта РФ или его должностному лицу, которые, в рамках своей компетенции, будут обеспечивать исполнение приказа, при необходимости давая собственные указания территориальным органам. Таким образом, сложится система опосредованного властного воздействия федеральных органов государственной власти на территориальные органы исполнительной власти субъектов РФ, при которой федеральный приказ, адресованный, по сути, им, будет доводиться до их сведения органами власти субъекта РФ, тем самым легитимируя отношения власти и подчинения между федеральной властью и властью субъектов РФ. На практике такая модель взаимоотношений обеспечит самостоятельность территориальных органов исполнительной власти субъектов РФ по отношению к федеральным органам, усилит контроль за реализацией ими поручений, поскольку связь между ними и вышестоящими органами значительно крепче и интенсивнее, чем между ними и федеральными органами.

Другим возможным механизмом урегулирования отношений между органами государственной власти РФ и органами исполнительной власти субъектов РФ

может стать введение двухуровневой модели принятия решений, обязательных для исполнения территориальными органами исполнительной власти субъекта РФ. В рамках двухуровневой системы федеральный орган издает обязательный для исполнения приказ, а высший орган исполнительной власти субъекта РФ обладает правом отлагательного вето в отношении приказа. В случае серьезных конфликтов между федеральной властью и органами государственной власти субъектов РФ конфликт подлежит разрешению либо на уровне федерального Правительства, либо Президентом РФ, либо в судебном порядке. Такая ситуация позволит легитимировать приказы, которые отдаются органами государственной власти РФ и адресованы органам исполнительной власти субъектов РФ.

Повышению эффективности конституционной системы разрешения конфликтов между Федерацией и ее субъектами может способствовать эволюция полномочий Президента РФ по приостановлению действия актов органов исполнительной власти субъектов РФ в случае их противоречия Конституции РФ и федеральным законам, международным обязательствам РФ или нарушения прав и свобод человека и гражданина до решения суда. Реализация этих полномочий Президентом напрямую представляется эффективной, когда речь идет о правовых актах глав субъектов РФ. Если же правовой акт издан правительством субъекта РФ или его органом исполнительной власти, логично предусмотреть возможность как непосредственной реакции со стороны Президента РФ, если речь идет об особом социально значимом содержании приостанавливаемого правового акта, так и участие Правительства РФ или профильного федерального министерства в анализе ситуации для принятия Президентом соответствующего решения.

Применительно к возможности выполнения федеральным органом исполнительной власти полномочий органов государственной власти субъектов РФ по вопросам совместного ведения следует исходить из возможности применения либо расширительного, либо ограничительного подхода. Первый предполагает, что такая ситуация правомерна на любом уровне исполнительной власти (высших органов или территориального органа федерального органа исполнительной власти, когда деятельность ответственного органа исполнительной власти субъекта оказывается неэффективной). Ограничительный подход исходит из того, что выполнение полномочий органа исполнительной власти субъекта РФ федеральным органом реализуется только на высшем уровне. Вероятно, применение ограничительного подхода, хотя он, на первый взгляд, в большей степени соответствует «реальному» разграничению компетенции между Федерацией и ее субъектами, способно существенно снизить эффективность решения управленческих задач, поэтому применение расширительного подхода представляется более предпочтительным.

Обеспечению эффективного взаимодействия федеральных органов и органов исполнительной власти субъектов РФ может способствовать правовая диагностика моделей разграничения компетенции между ними [14. С. 131]. Правовая диагностика проводится на основе комплекса показателей, позволяющих системно оценить влияние деятельности органов государственной власти на общественные отношения и социальные проблемы. Ю.А. Тихомиров предлагает диагностировать

деятельность субъектов публичной власти на основе следующих типов информации: отраслевой, статистической, информации о правовых конфликтах, информации, полученной в ходе деятельности контрольно-надзорных органов, а также в результате самоанализа деятельности субъекта публичной власти. Такая информация позволяет оценить степень обоснованности закрепления компетенции за субъектом публичной власти на конкретном историческом этапе; проанализировать объемы бюджетного финансирования, сопоставив их с реальными расходами субъекта публичной власти, а также с целевым использованием ресурсов; сопоставить объем и содержание мероприятий, закрепленных за субъектом публичной власти в планах, программах, нормативно-правовых актах, с реально осуществленными мероприятиями; проанализировать содержание правовых актов, принятых субъектом публичной власти при реализации закрепленных за ним функций. В основу этой модели оценки информации о деятельности субъектов публичной власти положена «целевая ориентация» — модель распределения компетенции между федеральными и органами субъектов РФ, при которой «целеполагание находит выражение в нормативно установленных функциях, показателях деятельности органов и комплексе действий по их достижению, в контроле и мониторинге» [14. С. 134]. Целеполагание при разграничении компетенций между федеральными и органами власти субъектов РФ требует согласованности целей на федеральном уровне и целей, закрепленных за регионами. На каждом уровне власти цели следует «привязывать» к конкретным субъектам публичной власти, что позволит избежать дублирования полномочий, определить, какие субъекты публичной власти будут осуществлять взаимодействие при решении конкретной управленческой задачи, а также закрепить формы их взаимодействия и зоны ответственности каждого субъекта в контексте конкретной управленческой задачи.

Разграничение компетенций между федеральными и органами власти субъектов РФ в модели целеполагания целесообразно корректировать на основе следующего алгоритма: 1) на основе конкретной цели определяются задачи управленческой деятельности, ее промежуточные и конечные результаты (показатели); 2) определяются меры и механизмы реализации управленческих задач и создается система их осуществления с четким распределением ролей между субъектами публичной власти разных уровней; 3) проводится качественная и количественная оценка достижения управленческой цели на всю систему государственного управления; 4) оцениваются ресурсы, необходимые для достижения цели, определяется их источник; 5) проводится оценка факторов, способствующих и препятствующих достижению управленческой цели. Этот алгоритм позволяет, с одной стороны, обеспечить функциональное единство системы исполнительной власти, с другой — дифференцированно подойти к организации взаимодействия между федеральными и органами исполнительной власти субъектов РФ в зависимости от экономического, политического и социального потенциала конкретного субъекта РФ.

Укреплению единства исполнительной власти способствует также построение единой исполнительной вертикали, начало которой было положено изменениями,

внесенными в 2004 году в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Этот закон ввел процедуру, в соответствии с которой Президент РФ представляет законодательному (представительному) органу субъекта РФ кандидатуру на пост высшего должностного лица субъекта РФ (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти), и он дает или не дает свое согласие на эту кандидатуру. Критики этого подхода выдвигали следующие аргументы: во-первых, закон закрепляет полномочие Президента РФ инициировать роспуск законодательного органа субъекта РФ, что, по сути, предопределяет его позицию при голосовании; во-вторых, введение такой процедуры означает постепенный переход от модели федеративного децентрализованного государства к модели деконцентрации властных полномочий. Во многом под воздействием критики с 2012 года базовой моделью замещения поста высшего должностного лица субъекта РФ стали прямые выборы, но субъект вправе сохранить модель избрания представительным органом по представлению Президента.

В защиту предшествующей модели замещения должности главы субъекта РФ следует отметить, что она показала жизнеспособность и эффективность. Так, Президент РФ предлагал на должности глав субъектов РФ кандидатуры, которые получали поддержку в региональных законодательных органах. Во всяком случае, начиная с 2004 года и по настоящее время ни одного конфликта между Федерацией и субъектом РФ по данному вопросу не возникло. Кроме того, процедура назначения на должность главы субъекта РФ способствовала повышению управляемости системы исполнительной власти: через предложение кандидата на должность главы субъекта РФ федеральная власть получала возможность без прямого вмешательства в политику субъекта РФ оперативно реагировать на социально-экономические потребности регионального развития и отслеживать эффективность решения управленческих задач на региональном уровне, своевременно используя компенсационные механизмы. В конечном итоге именно такая политика позволила сегодня перейти к прямым выборам глав субъектов, сформировав необходимый политический опыт и традиции в регионах.

Принцип единства исполнительной власти предполагает наличие отношений вертикального типа между федеральными и органами власти субъектов РФ, а также деконцентрацию полномочий во взаимоотношениях федеральных органов власти, т.е. некую «организационную технику» [3. С. 392], состоящую «в передаче прав по принятию решений представителям центральной власти, осуществляющим свою деятельность на региональном и местном уровнях» [5. С. 97]. Применение механизмов деконцентрации власти не противоречит федеративной модели отношений — федеральная власть обладает всеми конституционными возможностями определять, какое из ее конкретных звеньев будет реализовывать какие полномочия. Децентрализация во взаимоотношениях федеральной власти и органов власти субъектов РФ также имеет место в тех вопросах, где Конституция РФ закрепляет относительную автономность интересов субъектов РФ, а субъекты РФ способны эффективно осуществлять управленческие функции вне прямой вертикальной подчиненности федеральным органам.

Позитивный опыт формирования политических традиций на региональном уровне может быть использован и на уровне местного самоуправления. Значимость качественных изменений в этой сфере сложно переоценить, поскольку местное самоуправление — один из основных инструментов реализации государственной политики в социальной сфере и в решении вопросов местного значения. В контексте построения вертикали исполнительной власти целесообразно рассмотреть возможность постепенного повышения роли глав субъектов РФ в определении кандидатур на должности глав исполнительных органов местного самоуправления. Кроме того, эту процедуру можно увязать со взаимодействием глав субъекта РФ и полномочных представителей Президента в федеральных округах. Конституционно-правовая легитимность таких изменений заложена в статье 132 Конституции РФ, закрепляющей возможность наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями. Эта возможность конкретизирована в Федеральном законе от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и связана с необходимостью финансирования бюджетных расходов муниципальных образований для исполнения ими отдельных государственных полномочий. Следует также отметить, что в настоящее время, хотя главы муниципальных образований в большинстве своем формально избираются населением (часть 2 статьи 36 закона «Об общих принципах организации местного самоуправления» закрепляет различные способы замещения этой должности), по факту определение кандидатур на эти должности и их административная поддержка на выборах зависят от интересов властной вертикали — мнения федеральной власти и субъекта федерации.

Подобная вертикаль власти обеспечивает единство центра принятия управленческих решений (в лице федерального органа исполнительной власти), учет интересов субъектов федерации и муниципальных образований (через участие в формировании властных структур разных уровней) и отсутствие посягательств на компетенцию субъектов РФ и органов местного самоуправления, поскольку речь идет об организации деятельности исполнительной власти без вторжения в сферу законодательной компетенции.

Таким образом, описанная модель взаимоотношений между федеральной властью, органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления позволяет выработать компромиссы между уровнями власти на основе самой вертикали исполнительной власти (возможности решать ряд вопросов государственного и муниципального управления в порядке подчинения) и объективных свойств исполнительной власти, представляющей собой «верховенство силы, капитала и имущества» [1]. В этой системе отношений представительные законодательные органы субъекта РФ и муниципального образования выступают элементами системы сдержек и противовесов, если интерпретировать теорию разделения властей в ее вертикальном аспекте. Будучи избраны населением, эти органы, одобряя или не одобряя политику органов исполнительной

власти соответствующего уровня, обеспечивают легитимность принимаемых исполнительной властью решений.

Стремление обеспечить политическую интеграцию регионов, как и интеграцию в общефедеральном масштабе, потребовало от Российской Федерации поиска инструментов, которые, с одной стороны, решали бы эту задачу, а, с другой, не позволяли бы усиливать региональные элиты и их партикулярные социально-экономические и политические интересы. Одним из таких инструментов и стала политическая интеграция через единый административный механизм в рамках системы исполнительной власти. При этом нельзя обвинить федеральный центр в антиконституционном сужении пространства федеративных отношений и степени самостоятельности субъектов РФ. Так, нельзя отождествлять контроль федерального центра над социально-экономическим, административным и политическим пространством государства с социально-экономическим, административным и политическим контролем над субъектами РФ или вмешательством в их дела. Ошибочно считать институты федерального представительства в субъектах РФ признаком зависимости регионов от федерального центра. Как показала практика развития федеративных отношений после 2000 года, федеральная власть сумела обеспечить баланс федеральных и региональных интересов в деятельности силовых структур, расположенных в субъектах федерации.

Эволюция федеративных отношений в направлении укрепления вертикали власти позволила федеральному центру создать эффективную систему исполнения решений и контроля за их исполнением. Так, ответственности регионов за исполнение решений федеральной власти по вопросам, входящим в ее компетенцию, корреспондирует ответственность федерального центра за принимаемые решения. В свою очередь, ориентация субъекта РФ на исполнение решения стимулирует формирование на региональном уровне вертикального административного механизма, обеспечивающего эффективность реализации управленческих функций. По сути, Федерация стимулирует появление у своих субъектов эффективных механизмов реализации их полномочий. Такая региональная вертикаль власти имеет четкую ориентацию на оперативное решение управленческих задач. Кроме того, она позволяет федеральному центру, не вмешиваясь напрямую в компетенцию субъектов РФ, смещать «центр тяжести» в их полномочиях и усилиях с политической (партикуляризм интересов, т.е. потенциал к дезинтеграции) на административную (рационально-управленческая, имеющая потенциал к единству) сферу.

Библиографический список

- [1] *Авакьян С.А.* Проблемы народного представительства в Российской Федерации // Проблемы народного представительства в Российской Федерации. М., 1998.
- [2] *Бланкенагель А.* Концепция единой системы исполнительной власти, часть 2 статьи 77 Конституции Российской Федерации — какая система, а где единство? // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 1.
- [3] *Ведель Ж.* Административное право Франции. М., 1973.
- [4] *Вертикаль публичной власти в правовом пространстве России / Под ред. А.В. Малько, Р.В. Пузикова.* Тамбов, 2011.

- [5] *Дементьев А.* Единая исполнительная вертикаль в системе публичной власти // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 2.
- [6] *Докучаев Д.С.* «Вертикаль власти» и трансформация системы региональной идентичности в современной России // Политика и общество. 2010. № 3.
- [7] *Клименко А.В.* Десятилетие административной реформы: результаты и новые вызовы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 1.
- [8] *Клименко А.В., Минченко О.С.* Полномочия, функции и услуги исполнительной власти: соотношение, классификация и основные характеристики // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 1.
- [9] *Лексин И.* Конституционное значение понятия «единая система исполнительной власти» // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 1.
- [10] *Паин Э.* Управление культурным разнообразием в городах: новая парадигма в регулировании этнополитических отношений в России // Государственная служба. 2016. № 106.
- [11] *Подвинцев О.Б.* Попытка формирования новых политических элит в регионах РФ: цели, механизмы, результаты (2012—2014 гг.) // Власть и элиты. 2015. Т. 2.
- [12] *Слизовский Д.Е.* Политическое лидерство в контексте укрепления вертикали власти // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2001. № 3.
- [13] Тезисы доклада на XVII Апрельской международной научной конференции «Перспективы административной реформы» / Я.И. Кузьминов, А.Б. Жулин // <https://conf.hse.ru/2016/reports>.
- [14] *Тихомиров Ю.А.* О влиянии административной реформы на федеративные отношения // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 1.
- [15] *Чирикова А.Е.* Вертикаль власти в оценках региональных элит: динамика перемен // Политические исследования. 2008. № 6.
- [16] ФЗ от 6.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 18.10.1999. № 42.
- [17] ФЗ от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40.
- [18] ФЗ от 11 декабря 2004 года № 159-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации“ и в Федеральный закон „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации“» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 50.
- [19] Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.1996 № 2-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 1.
- [20] Определение Конституционного Суда РФ от 6.12.2001 № 249-О «По ходатайству Президента Республики Башкортостан об официальном разъяснении Определения Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2001 года по ходатайству полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе об официальном разъяснении Определения Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 года по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции РФ отдельных положений Конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия—Алания и Республики Татарстан» // Собрание законодательства РФ. 28.01.2002. № 4.
- [21] *Amore M., Bennedsen M.* The value of local political connections in a low-corruption environment // Journal of Financial Economics. 2013. Vol. 110. No. 2.
- [22] *Benz A., Sonnicksen J.* Patterns of federal democracy: Tensions, friction, or balance between two government dimensions // European Political Science Review. 2017. Vol. 9. No. 1.

- [23] *Fatas A., Mihov I.* Policy volatility, institutions, and economic growth // *Review of Economics and Statistics*. 2013. Vol. 95. No. 2.
- [24] *Ledeneva A.V.* Can Russia Modernise? *Sistema, Power Networks and Informal Governance*. Cambridge, 2013.
- [25] *LeÓN S., Orriols L.* Asymmetric federalism and economic voting // *European Journal of Political Research*. 2016. Vol. 55. No. 4.
- [26] *Lijphart A.* The power-sharing approach // J.V. Montville (Ed.). *Conflict and Peacemaking in Multiethnic Societies*. Lexington, 1990.
- [27] *Martinez-Vazquez J.* *Asymmetric Federalism in Russia: Cure or Poison?* Georgia State University, 2002.
- [28] *Martinez-Vazquez J. & Boex J.* *Russia's Transition to a New Federalism*. World Bank Publications, 2001.
- [29] *Pierre J., Guy Peters B.* *Governance, Politics and the State*. Basingstoke, 2000.
- [30] *Rodríguez-Pose A.* Do institutions matter for regional development? // *Regional Studies*. 2013. Vol. 47. No. 7.
- [31] *Shaikhutdinova G.R.* Enhanced cooperation in federal states: Democracy through asymmetry // *Public Administration Issues*. 2017. Vol. 5.
- [32] *Zhuravskaya E.* *Federalism in Russia* // Aslund A., Guriev S., Kuchins A. (Eds.). *Russia after the Global Economic Crisis*. Washington, 2010.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-145-160

The principle of the executive power unity in the contemporary Russian federative model*

V.M. Platonov

RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: vladimir@platonovvm.ru)

Abstract. The article considers the unity of executive power in the federative model of contemporary Russia to show that a single system of executive power within the Russian political-legal culture presupposes a hierarchical relationship between executive authorities of different levels. Such specifics of the relationship between the federal executive bodies and executive bodies of the subjects of the Russian Federation contradicts the idea of a vertical division of powers. The Russian model of federal relations is based on the fact that if the interests of the federation and its subjects are intertwined the best decision is not to isolate or separate the levels of power but rather to help them to interact, to provide a joint solution to the challenges of the state and its constituent parts. The author studied the federal legal acts and the practice of the Constitutional Court, in which the principle of the unity of the executive power was reinforced and evaluated. The article is based on the culturological approach as a kind of the system-structural analysis of law and other elements of social reality. This approach allows to consider the specifics of the Russian federalism as a special model of public administration in dynamics, and the corresponding institutions in their constant interaction and development. The formal-legal method allowed to identify the legal content of the principle of the state power system unity as the ‘cornerstone’ of the Russian federative structure. As a result, the article presents the following cultural-historical model of the Russian federative

* © V.M. Platonov, 2020.

The article was submitted on 15.05.2019. The article was accepted on 10.09.2019.

relations: it allows for widespread decentralization in the political sphere (by providing a list of objects of joint jurisdiction of the federal center and the subjects of the Russian Federation, and also — by residual principle — the exclusive legislative competence of the subjects), while the federal center strengthens centralization mechanisms in the administrative sphere (through the distribution of powers within the joint jurisdiction), thus, ensuring political competition under the tough statist principles in public administration.

Key words: decentralization; unity of executive power system; federative model; division of powers; political-legal culture

References

- [1] Avakyan S.A. *Problemy narodnogo predstavitelstva v Rossiiskoi Federatsii* [Issues of people's representation in the Russian Federation]. *Problemy narodnogo predstavitelstva v Rossiiskoi Federatsii*. Moscow; 1998 (In Russ.).
- [2] Blankenagel A. Kontseptsiya edinoi sistemy ispolnitelnoi vlasti, chast 2 statiy 77 Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii — kakaya sistema, a gde edinstvo? [The concept of the unified system of executive power in Part 2, Article 77 of the Constitution of the Russian Federation — what system, and where is the unity?]. *Sravnitelnoe Konstitutsionnoe Obozrenie*. 2006; 1 (In Russ.).
- [3] Vedel J. *Administrativnoe pravo Frantsii* [Administrative Law of France]. Moscow; 1973 (In Russ.).
- [4] *Vertikal publichnoy vlasti v pravovom prostranstve Rossii* [A Vertical of Public Power in the Legal Space of Russia]. A.V. Malko, R.V. Puzikov (Eds.). Tambov; 2011 (In Russ.).
- [5] Dementiev A. *Edinaya ispolnitelnaya vertikal v sisteme publichnoi vlasti* [The single executive vertical in the system of public power]. *Sravnitelnoe Konstitutsionnoe Obozrenie*. 2005; 2 (In Russ.).
- [6] Dokuchaev D.S. 'Vertikal vlasti' i transformatsiya sistemy regionalnoj identichnosti v sovremennoj Rossii ['Power vertical' and transformation of the regional identity system in contemporary Russia]. *Politika i Obshchestvo*. 2010; 3 (In Russ.).
- [7] Klimenko A.V. Desyatiletie administrativnoy reformy: rezulyaty i novye vyzovy [The decade of the administrative reform: Results and new challenges]. *Voprosy Gosudarstvennogo i Munitsipalnogo Upravleniya*. 2014; 1 (In Russ.).
- [8] Klimenko A.V., Minchenko O.S. Polnomochiya, funktsii i uslugi ispolnitelnoy vlasti: sootnoshenie, klassifikatsiya i osnovnyie kharakteristiki [Powers, functions and services of the executive power: correlation, classification and key features]. *Voprosy Gosudarstvennogo i Munitsipalnogo Upravleniya*. 2016; 1 (In Russ.).
- [9] Leksin I. Konstitutsionnoe znachenie ponyatiya 'edinaya sistema ispolnitelnoi vlasti' [The constitutional meaning of the term 'unified system of executive power']. *Sravnitelnoe Konstitutsionnoe Obozrenie*. 2006; 1 (In Russ.).
- [10] Pain E. Upravlenie kulturnym raznoobraziyem v gorodakh: novaya paradigma v regulirovanii etnopoliticheskikh otnosheniy v Rossii [Management of cultural diversity in cities: A new paradigm in the regulation of the ethnic-political relations in Russia]. *Gosudarstvennaya Sluzhba*. 2016; 106 (In Russ.).
- [11] Podvintsev O.B. Popytka formirovaniya novykh politicheskikh elit v regionakh RF: tseli, mekhanizmy, rezulyaty (2012—2014 gg.) [An attempt to create new political elites in the Russian Federation regions: Goals, mechanisms, results (2012—2014)]. *Vlast i Elity*. 2015; 2 (In Russ.).
- [12] Slizovsky D.E. Politicheskoe liderstvo v kontekste ukrepleniya vertikalni vlasti [Political leadership under the strengthening power vertical]. *RUDN Journal of Political Science*. 2001; 3 (In Russ.).
- [13] Kuzminov Y.I., Zhulin A.B. Perspektivy administrativnoi reformy [Perspectives of the administrative reform]. <https://conf.hse.ru/2016/reports> (In Russ.).
- [14] Tikhomirov Yu.A. O vliyaniy administrativnoi reformy na federativnye otnosheniya [On the administrative reform impact on the federative relations]. *Sravnitelnoe Konstitutsionnoe Obozrenie*. 2006; 1 (In Russ.).

- [15] Chirikova A.E. Vertikal vlasti v otsenkah regionalnykh elit: dinamika peremen [The power vertical in the estimates of the regional elites: Dynamics of changes]. *Political Studies*. 2008; 6 (In Russ.).
- [16] FZ ot 06.10.1999 No. 184-FZ “Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatelnykh (predstavitelnykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoi vlasti sub'ektov Rossiiskoi Federatsii” [Federal Law ‘On general principles of the organization of legislative (representative) and executive bodies of the state power in the subjects of the Russian Federation’]. *Sobranie Zakonodatelstva RF*. 18.10.1999. No. 42 (In Russ.).
- [17] FZ ot 6 oktyabrya 2003 goda No. 131-FZ “Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii” [Federal Law ‘On general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation’]. *Sobranie Zakonodatelstva RF*. 2003. No. 40 (In Russ.).
- [18] FZ ot 11 dekabrya 2004 goda No. 159-FZ “O vnesenii izmenenii i dopolnenii v FZ ‘Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatelnykh (predstavitelnykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoi vlasti sub'ektov Rossiiskoi Federatsii’ i v FZ ‘Ob osnovnykh garantiyakh izbiratelnykh prav i prava na uchastie v referendume grazhdan Rossiiskoi Federatsii’” [Federal Law “On changes and amendments to the Federal Law ‘On general principles of the organization of legislative (representative) and executive bodies of the state power in the subjects of the Russian Federation’ and to the Federal Law ‘On basic guarantees of voting rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation’”]. *Sobranie Zakonodatelstva RF*. 2004. No. 50 (In Russ.).
- [19] Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 18.01.1996 No. 2-P “Po delu o proverke konstitutsionnosti ryada polozhenii Ustava (Osnovnogo Zakona) Altaiskogo kraya” [Statement of the Constitutional Court of the Russian Federation ‘On the constitutionality of a number of provisions of the Charter (Basic Law) of the Altai Region]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*. 1996 (1) (In Russ.).
- [20] Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 06.12.2001 No. 249-O “Po khodataistvu Prezidenta Respubliki Bashkortostan ob ofitsialnom razyasnenii Opredeleniya Konstitutsionnogo Suda RF ot 19 aprelya 2001 goda po khodataistvu polnomochnogo predstavatelya Prezidenta RF v Privolzhskom federalnom okruge ob ofitsialnom razyasnenii Opredeleniya Konstitutsionnogo Suda RF ot 27 iyunya 2000 goda po zaprosu gruppy deputatov Gosudarstvennoi Dumy o proverke sootvetstviya Konstitutsii RF otdelnykh polozhenii Konstitutsii Respubliki Adygeya, Respubliki Bashkortostan, Respubliki Ingushetiya, Respubliki Komi, Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya i Respubliki Tatarstan” [Statement of the Constitutional Court of the Russian Federation at the request of the President of the Republic of Bashkortostan ‘On the official explanation of the Statement of the Constitutional Court of the Russian Federation at the request of the plenipotentiary representative of the President of the Russian Federation in the Volga Federal District on the official explanation of the Statement of the Constitutional Court of the Russian Federation at the request of a group of deputies of the State Duma on the constitutionality of certain provisions of the Constitutions of the Republic of Adygea, Republic of Bashkortostan, Republic of Ingushetia, Republic of Komi, Republic of North Ossetia — Alania and Republic of Tatarstan’]. *Sobranie Zakonodatelstva RF*. 28.01.2002. No. 4 (In Russ.).
- [21] Amore M.D., Bennedsen M. The value of local political connections in a low-corruption environment. *Journal of Financial Economics*. 2013; 110 (2).
- [22] Benz A., Sonnicksen J. Patterns of federal democracy: Tensions, friction, or balance between two government dimensions. *European Political Science Review*. 2017; 9 (1).
- [23] Fatas A., Mihov I. Policy volatility, institutions, and economic growth. *Review of Economics and Statistics*. 2013; 95 (2).
- [24] Ledeneva A.V. *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance*. Cambridge; 2013.
- [25] LeÓN S., Orriols L. Asymmetric federalism and economic voting. *European Journal of Political Research*. 2016; 55 (4).

- [26] Lijphart A. The power-sharing approach. J.V. Montville (Ed.). *Conflict and Peacemaking in Multiethnic Societies*. Lexington; 1990.
- [27] Martinez-Vazquez J. *Asymmetric Federalism in Russia: Cure or Poison?* Georgia State University; 2002.
- [28] Martinez-Vazquez J., Boex J. *Russia's Transition to a New Federalism*. World Bank Publications; 2001.
- [29] Pierre J., Peters G.B. *Governance, Politics and the State*. Basingstoke; 2000.
- [30] Rodríguez-Pose A. Do institutions matter for regional development? *Regional Studies*. 2013; 47 (7).
- [31] Shaikhutdinova G.R. Enhanced cooperation in federal states: Democracy through asymmetry. *Public Administration Issues*. 2017; 5.
- [32] Zhuravskaya E. Federalism in Russia. Aslund A., Guriev S., A. Kuchins (Eds.). *Russia after the Global Economic Crisis*. Washington; 2010.

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-161-169

Будущее исследований будущего: от технократии к новым моделям социальности*

Е.А. Коваль¹, С.Г. Ушкин²

¹Средне-Волжский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
Ул. Федосеевко, 6, Саранск, 430003, Россия

²Научный центр социально-экономического мониторинга
Ул. Б. Хмельницкого, 39А, Саранск, 430005, Россия
(e-mail: nwifesc@yandex.ru; ushkinsergey@gmail.com)

Статья представляет собой рецензию на книгу Дж. Урри «Как выглядит будущее?» (Пер. с англ. А. Матвеевко; под науч. ред. С. Шукиной. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 320 с.), посвященную множественным дискурсам социального будущего и методам его исследования. Автор, соруководитель Института социального будущего в Ланкастере, отмечает, что многие футурологи акцентируют внимание на новых технологиях, однако ключевым элементом судьбоносных инноваций являются социальные явления. Описанный в книге подход характеризует основные аспекты исследований будущего: оно множественно, и различные его образы поддерживаются разными акторами и конкурируют друг с другом; в обсуждении будущего должны участвовать все заинтересованные субъекты — государства, рынки, институты гражданского общества, частные лица; чаще всего будущее изучается с помощью индивидуалистического, структурного методов и подхода теории сложных систем; будущее необходимо не планировать, а координировать. В книге обосновывается необходимость изучения будущего для исправления настоящего посредством создания и трансформации социальных норм, практик и мировоззренческих установок.

Ключевые слова: будущее; утопия; антиутопия; нормотворчество; дискурс будущего; теория сложных систем; координация будущего

Будущее обладает высокой степенью неопределенности, поэтому разговоры о нем, как правило, страшат современных людей не меньше, чем огонь — первобытные племена. В разные времена познать будущее пытались и пророки, и колдуны, и писатели, и режиссеры, и успешность прогнозов подобных «экспертов» зависела от их личностных качеств — развитой интуиции и нетривиальных аналитических способностей.

В то же время будущее не только не определено, но и привлекательно — недаром оно было, есть и, вероятно, будет объектом притяжения исследователей,

* © Коваль Е.А., Ушкин С.Г., 2020.

Статья поступила 22.07.2019 г. Статья принята к публикации 20.09.2019 г.

специализирующихся в разных областях научного знания. В частности, к идеалам будущего обращались классики социологии — О. Конт, К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, П. Сорокин, Ю. Хабермас и др., что во многом позволило укрепить их научный авторитет [11. С. 13]. Постепенно построение прогнозов перестало восприниматься в качестве атрибута социологической науки, и она сфокусировалась на изучении настоящего — постановке диагноза, но не лечении [14. С. 26]. Между тем характер социальности человека подразумевает, что он одновременно темпорально находится и в прошлом, и в настоящем, и в будущем, поскольку его поступки определяются относительно устойчивыми установками, которые, тем не менее, могут корректироваться.

Соответственно, исследования будущего обладают нормотворческим потенциалом. Изучение динамики социальных практик позволяет перейти от диагноза к лечению, одним из способов которого выступает трансформация социальной нормативности. Подобный импульс в изучении проблем будущего характерен для работ футурологов — М. Маклюэна, Е. Масуды, Дж. Нейсбита, Э. Тоффлера и др., которые сместили акцент с трансформаций социальности на технологические детерминанты общественного развития. При этом в разработке сценариев будущего преимущественно использовались три инструмента социального проектирования — гаджеты, семиотические фантомы и сознательное конструирование правовых систем (законодательства) [5. С. 67]. В то же время, говоря о роли футуролога, Б. Стерлинг отмечает, что он не должен быть пророком и, более того, не должен одерживать блестящие победы над будущим — он должен всего лишь предсказывать настоящее [12. С. 14].

В последние годы мы наблюдаем новый виток интереса социальной мысли к проблемам будущего. Способствовали этому работы французского экономиста Т. Пикетти, прославившегося исследованием причин и последствий неравенства доходов [8]. Основываясь на теоретических предпосылках марксизма, он, используя исторические и статистические данные, эмпирически доказывает и обосновывает усиливающуюся поляризацию населения по уровню дохода, которая пока не имеет действенных механизмов самокоррекции. И ведущие социологи достаточно быстро приняли идеи Пикетти: уже в ходе XVIII Всемирного социологического конгресса «Обращаясь к неравному миру: вызовы глобальной социологии», который прошел 13—19 июля 2014 года в Йокогаме, они заговорили о принципиально новой повестке дня, которая не сводится к анализу глобальных проблем турбулентного мира, но предполагает активное включение в диалог, попытки построения более справедливого общества [1. С. 3; 4. С. 15]. Многие периодические издания на своих страницах организовали научные дискуссии по поводу будущего, а различные научные и неакадемические структуры инициировали ряд симпозиумов и конференций, впоследствии ставших регулярными [см., напр: 11. С. 14—15].

Сформировавшийся полилог, включающий в себя различные дискурсы будущего, позволяет зафиксировать следующий парадокс: с одной стороны, прогно-

стические возможности человека значительно возросли, и версия будущего в трактовке современного социолога, как правило, будет более достоверной, чем версия средневекового колдуна; с другой стороны, быстрое развитие технологий погружает исследователя в прогностический хаос, где вероятность реализации того или иного сценария будущего крайне мала, поскольку появляется слишком много вводных факторов.

В сложившихся условиях важное значение обретает последняя работа известного британского социолога Дж. Урри «Как выглядит будущее?», которая была опубликована на английском языке в 2016 году, а через два года переведена для российского читателя. В ней не просто описываются перспективы «реальных утопий» (например, изменения процессов производства путем внедрения технологий 3D-печати, цифровизации городской среды, Интернета вещей и т.д.), но и предлагаются аналитические механизмы, основанные, в первую очередь, на теории сложных систем [см., напр.: 10], и подчеркивается нелинейный характер внедряемых инноваций, во многом зависящий от эффекта «черного лебедя» [см., напр.: 6; 13].

По сути, Урри опубликовал не столько научную монографию (хотя, она, безусловно, таковой является), сколько манифест исследователей будущего, в котором он постоянно акцентирует внимание читателя на пяти важных положениях. Первое заключается в том, что в процесс размышлений о будущем (необходимо отметить, что Урри отказывается от термина «планирование» как несущего в себе определенную идеологическую окраску) должно быть вовлечено максимальное количество акторов — начиная с государства и заканчивая негосударственными организациями (с. 26). По мнению Урри, будущее представляет собой общую категорию, которая не должна быть приватизирована ни технократами, ни футурологами, ни экономистами, ни кем-либо еще. Более того, изучение будущего должно опираться не только на академические знания, но и на практику, а, точнее, на то, что Аристотель в «Никомаховой этике» назвал фронезисом (или «практической мудростью») [2]. В подобном ключе рассуждал и А. Шюц, считавший, что «в социологическом смысле наиболее релевантным знанием является знание человека с улицы, иными словами, знания, „основанные на здравом смысле“, а не теоретические конструкции интеллектуалов» [цит. по: 3. С. 43].

Полноценным полем конструирования подобного рода коллективных представлений может стать Интернет, который позволяет каждому пользователю включиться в любой избранный им дискурс будущего, что делает процесс исследования будущего более демократичным. Речь идет о том, что Дж. Кин называет «мониторной демократией» — новой исторической формой демократии, некой разновидностью «постэлекторальной» политики и правительства, определяемых быстрым ростом разных типов внепарламентских механизмов контроля власти [7. С. 104—105]. Но многообразие дискурсов будущего в условиях дефицита ресурсов приводит к конфликтному взаимодействию первых и ускорению исчерпания последних: «в мире, где идет борьба за разные варианты будущего, существует множество

неожиданных, „упрямых“ и „злостных“ проблем, включая возможность „коллапса общества“» (с. 285).

Второе положение вытекает из первого: социальность, имплицитно присутствующая, но все же относительно размытая, должна полноценно вернуться в сферу изучения будущего (с. 291). Урри последователен в своих идеях: еще в 1975 году, совместно с Р. Кит, он высказал идею, что социальные науки должны играть важные, освободительные роли в строительстве лучших миров, но только тогда, когда современный мир будет детально изучен [15]. Без полноценного участия социальных наук и социальных акторов мозаика будущего просто не сложится, поскольку многие изменения будут носить трудно прогнозируемый характер. Урри убедительно аргументирует свою позицию на примере 3D-печати (хотя можно упомянуть автомобили, персональные компьютеры, мобильные телефоны и т.д.), которая стала не только технологическим, но и социальным новшеством: повседневная доступность подобных устройств может привести к тому, что несложные товары не будут приобретаться в традиционных магазинах, а будут печататься у себя дома (или в специализированных центрах), и продавцы будут торговать не товаром, а программами и схемами его печати. Среди экономических последствий реализации такого сценария — сокращение количества заводских мануфактур и численности обслуживающих их работников.

Данный тезис Урри, по сути, представляет собой констатацию бунта социального будущего против технологического или экономического. Позиция, что социальная нормативность определяет трансформацию экономических, технологических и экологических процессов, задает совершенно новый подход к исследованию будущего, который позволяет «заземлиться», вырваться из плена неподвластных человеку изменений реальности. Так, например, скорость финансовых операций выходит за пределы человеческого разума: миром владеет не тот, кто производит товары и услуги, а тот, кто обеспечивает мгновенный оборот финансов и информации (с. 262—263). Чтобы избавиться от властных преимуществ финансовых элит, необходимо изменить ряд социальных норм, в частности, определенные перспективы имеет правовое нормотворчество, направленное на сокращение офшоризации экономики, локализацию производства товаров и услуг и внедрение «зеленых» технологий.

Третье положение Урри касается методологического арсенала науки о будущем: он выделяет три наиболее часто используемых подхода к его изучению — индивидуалистический, структурный и основанный на теории сложных систем. Первый направлен на исследование последствий решений и действий отдельных акторов; второй акцентирует внимание на изменениях надличностных систем в соответствии с их внутренними ритмами; третий (Урри отдает ему предпочтение) рассматривает эволюцию сложных нелинейных систем, объединяющих в себе личностные и надличностные особенности (что не противоречит наметившейся со времен Э. Гидденса, П. Бурдьё, Ю. Хабермаса и др. интеграционной парадигме в социологическом знании). По мнению Урри, простой экстраполяции,

которую предполагают первые два подхода, недостаточно, поскольку будущее многогранно, и его необходимо рассматривать комплексно, с привлечением различного эмпирического материала — результатов социологических исследований, литературы, искусства, кино, телевидения, компьютерных игр и многого другого (с. 11).

Следует отметить, что значительная часть работы Урри посвящена изучению утопий и антиутопий, а также произведений научной фантастики, которые ставят перед человечеством новые вопросы и способствуют осмыслению текущих и будущих страхов. Эти произведения рассматриваются не только как аналитический инструмент, но и как орудие саморефлексии и способ проектирования желаемого, пусть и не всегда достижимого, будущего. Утопии и антиутопии часто инициируют и ускоряют процессы социального нормотворчества, в некотором смысле реализуя функцию Сократа, который был «приставлен богом к государству, словно как к коню большому и благородному, но слишком ленивому из-за своей тучности, нуждающемуся в том, чтобы его подстрекали шпорой» [9. С. 68—69]. Образы «плохого» и «хорошего» общества «пришпоривают» исследователей настоящего, заставляя задумываться о будущем будущего.

Утопии и антиутопии порождают разные нормотворческие тенденции. Антиутопии становятся источником запретов и ограничений, акцентируя внимание на проблемах, зародившихся в прошлом и/или настоящем, которые препятствуют появлению желаемого будущего и способствуют реализации нежелательных сценариев, вплоть до катастрофических. Урри, в частности, анализирует такие антиутопии, как полный крах социальных устоев, атомизация общества, тотальный контроль, чрезмерная нормативная урегулированность социальных и экономических процессов, опустошение земли и установление диктатуры рукотворных киборгов (с. 139—143). Каждый вариант нежелательного будущего требует принятия в настоящем определенных мер, включая нормотворческие, чтобы не допустить воплощения антиутопии в жизнь. Так, предотвращение захвата власти киборгами требует контроля разработок в сфере новых технологий; чтобы избежать тотального контроля, необходимо уже сейчас вводить нормативные механизмы, обеспечивающие свободу слова и ограничивающие вторжение в частное пространство; атомизации общества препятствует обращение к традициям коллективизма, воспроизводство институтов гражданского общества и т.п.

Утопии, в отличие от антиутопий, активизируют нормотворчество, направленное на создание норм-дозволений и норм-предписаний, обеспечивающих возникновение и поддержание практик, которые с наибольшей вероятностью (с учетом специфики развития сложных систем) могут привести к желаемому будущему. Урри отмечает, что недостаток утопий, создаваемых киноиндустрией и писателями-фантастами, заключается в том, что они содержат детальное описание будущего, но в них нет практически ничего о механизмах его становления (с. 146). Следовательно, в гуманитарных исследованиях будущего этот пробел должен, насколько это возможно, восполняться.

Четвертое положение Урри касается необходимости координации будущего как достижимой альтернативы планированию. Координация, осуществляемая на основе демократического подхода всеми заинтересованным акторами с использованием доступных методов изучения социального будущего, позволит не пропустить те моменты, в которых поворот к нежелательным сценариям становится необратимым, и наиболее достоверно спрогнозировать, какие прошлые достижения приведут к инновациям, способным помочь обществу сделать шаг в желаемом направлении развития. Разумеется, прогностические возможности человека по-прежнему ограничены, но лучше, чтобы непредсказуемые изменения оказались приятными и полезными.

Урри убедительно описывает координацию будущего на примере проблемы изменения климата. В дискурсах климатического будущего активно участвуют такие стейкхолдеры, как национальные государства, рынки, институты гражданского общества, международное сообщество и даже будущие поколения, от имени которых говорят философы, правительства, неправительственные организации, эко-активисты и др. Обсуждаются как оптимистические, так и пессимистические версии будущего в контексте глобальных климатических изменений: сохранение статуса кво, антирост, экологическая модернизация, глобальная геоинженерия (с. 279—283). Очевидно, что эти сценарии несовместимы, поэтому мы наблюдаем борьбу дискурсов, победа в которой предопределяет выбор практик — возможно, будущих составляющих той самой инновации, которая в очередной раз перевернет мир.

Поскольку координация будущего требует принятия решений здесь и сейчас, отмечены попытки предотвращения климатической антиутопии (Киотский протокол, принятый в 1997 году в Японии; локальные способы сокращения выбросов парниковых газов; разработка альтернативных источников энергии, «зеленых» технологий и т.п.). Колоссальный вклад в постепенное изменение повседневных практик в целях сокращения «экологического следа» (термин М. Вакернагеля и У. Риса) [16], сопровождающееся (иногда предваряемое) ценностно-нормативными трансформациями, вносит экологическая этика. Это вид прикладной этики, в центре которой находится регулирование взаимоотношений человека и природы: в русле различных эколого-этических учений ставятся вопросы об ответственности перед нон-антропной природой и будущими поколениями, экологической справедливости, изменении пищевых и иных потребительских практик. Экологическая этика сегодня — источник нормативных инноваций, которые, возможно, приведут к воспроизводству если не климатической утопии, то климатического «хорошего общества» — достижимого и пригодного для жизни.

Наконец, пятое положение Урри гласит, что представление о будущем как о чем-то едином в корне неверно: будущее множественно и соотносится с различными временными режимами (с. 288). При его изучении особую значимость обретают контекстуальные взаимозависимости, которые могут переформатировать существующие социальные институты, практики и движения. Урри настаивает

на том, что комплексному пониманию различных вариантов будущего способствует изучение прошлого и настоящего. Оперирование категорией темпоральности оказывается весьма важным, поскольку способствует установлению казуальных взаимосвязей; другим важным параметром исследований будущего выступают сети — как новые инструменты его преобразования, особенно в случаях, когда сетевые отношения приводят к неожиданному развитию новых областей практики, пример чему — «цифровой утопизм» (с. 111).

Не случайно Урри в заглавие книги выносит знак вопроса: если кто-то попытается найти в ней ответы, то, скорее всего, будет разочарован. Книга лишь актуализирует широкий круг проблем, начиная с экологических катастроф и заканчивая цифровизацией городов, которые будоражат умы многих исследователей. Но рецензируемая работа не может не внушать оптимизм: по его мнению, все проблемы будущего решаемы, главное — найти правильные инструменты.

Библиографический список

- [1] *Абрахам М.* Наша задача — усилить роль социологии в формировании справедливого общества // Социологические исследования. 2015. № 7.
- [2] *Аристотель.* Этика / Пер. с древнегреч. И. Брагинской, Т. Миллер. М.: АСТ, 2002.
- [3] *Бергер П.* Священная завеса: элементы социологической теории религии / Пер. с англ. Р. Сафронова. М.: НЛЮ, 2019.
- [4] *Буравой М.* Социология и неравенство // Социологические исследования. 2015. № 7.
- [5] *Ваганов А.Г.* Скелет будущего. Заметки к практическому пособию по конструированию социальных реальностей // Форсайт. 2008. № 2.
- [6] *Гладуэлл М.* Переломный момент. Как незначительные изменения приводят к глобальным переменам / Пер. с англ. В. Логвиновой. М.: Альпина Паблишер, 2018.
- [7] *Кин Дж.* Демократия и декаданс медиа / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015.
- [8] *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке / Пер. с фр. А. Дунаева. М.: Ад Маргинем, 2016.
- [9] *Платон.* Апология Сократа // Полное собрание творений Платона в 15 тт. Т. I / Пер. с древнегреч. С. Жебелева. Петербург: Academia, 1923.
- [10] *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / Пер. с англ. Ю. Данилова. М.: Прогресс, 1986.
- [11] *Романовский Н.В.* Будущее как проблема современной социологии // Социологические исследования. 2015. № 11.
- [12] *Стерлинг Б.* Будущее уже началось: что ждет каждого из нас в XXI веке? / Пер. с англ. И. Цибизовой. Екатеринбург: У-Фактория, 2005.
- [13] *Талеб Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / Пер. с англ. В. Сонькина, А. Бердичевского, М. Костионова, О. Попова. М.: КоЛибри, 2011.
- [14] *Титаренко Л.Г.* Будущее общества сквозь призму взглядов зарубежных социологов // Социология. 2016. № 3.
- [15] *Keat R., Urry J.* Social Theory as Science. L.: Routledge, 1975.
- [16] *Wackernagel M., Rees W.* Our Ecological Footprint: Reducing Human Impact on the Earth. Philadelphia: New Society Publishers, 1996.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 19-011-00082 «Нормотворчество в морали, праве, религии».

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-161-169

Future research of the future: From technocracy to new models of sociality*

E.A. Koval¹, S.G. Ushkin²

¹Middle-Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice
Fedoseenko St., 6, Saransk, 430003, Russia

²Research Center for Social-Economic Monitoring
B. Khmel'nitskogo St., 39a, Saransk, 430005, Russia
(e-mail: nwifesc@yandex.ru; ushkinsergey@gmail.com)

Abstract. The article is a review of the book by J. Urry *Kak vyglyadit budushchee?* [What is the Future?] (Trans. by A. Matvienko; ed. by S. Shchukina. Moscow: Delo; 2018. 320 pp.) which describes multiple discourses of the social future and methods for its research. Its author, the co-director of the Lancaster's Institute for Social Futures, believes that futurologists focus on new technologies but the key element of crucial innovations is social phenomena. The book presents the following main aspects of the contemporary research of the future: the social future is multiple, and its various images are supported by different actors and compete; all stakeholders should take part in discussions of the future — states, markets, civil society institutions, individuals; as a rule, three methods are used to study the future — individualistic, structural and based on the theory of complex systems; the future needs not to be planned but rather coordinated. The book proves the necessity to study the future to correct the present by creating and transforming social norms, practices and value orientations.

Key words: future; utopia; dystopia; norm-creating; discourse of the future; theory of complex systems; coordination of the future

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 19-011-00082 “Norm-creating in morality, law and religion”.

References

- [1] Abraham M. *Nasha zadacha — usilit rol sociologii v formirovanii spravedlivogo obshchestva* [Sociology's role in making of just society]. *Sociological Studies*. 2015; 7 (In Russ.).
- [2] Aristotle. *Etika* [Ethics]. Moscow: AST; 2002 (In Russ.).
- [3] Berger P. *Svyashchennaya zavesa: elementy sociologicheskoy teorii religii* [The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion]. Moscow: NLO; 2019 (In Russ.).
- [4] Burawoy M. *Sociologiya i neravenstvo* [Sociology facing the inequalities]. *Sociological Studies*. 2015; 7 (In Russ.).
- [5] Vaganov A.G. *Skelet budushchego. Zаметki k prakticheskomu posobiyu po konstruirovaniyu socialnyh realnostej* [Framework of the Future: Notes on Practical Guidelines for the Design of Social Realities]. *Foresight*. 2008; 2 (In Russ.).
- [6] Gladwell M. *Perelomny moment. Kak neznachitelnye izmeneniya privodyat k globalnym peremenam* [The Tipping Point: How Little Things Can Make a Big Difference]. Moscow: Alpina Publisher; 2018 (In Russ.).
- [7] Kin D. *Demokratiya i dekadans media* [Democracy and Media Decadence]. Moscow: Izd. dom VShE; 2015 (In Russ.).

* © E.A. Koval, S.G. Ushkin, 2020.

The article was submitted on 22.07.2019. The article was accepted on 20.09.2019.

- [8] Piketty T. *Kapital v XXI veke* [Capital in the Twenty-First Century]. Moscow: Ad Marginem; 2015 (In Russ.).
- [9] Plato. Apologiya Sokrata [The apology of Socrates]. *Polnoe sobranie tvoreniy Platona*. Vol. I. Petersburg: Academia; 1923 (In Russ.).
- [10] Prigogine I., Stengers I. *Poryadok iz haosa. Novy dialog cheloveka s prirodoj* [Order out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature]. Moscow: Progress; 1986 (In Russ.).
- [11] Romanovsky N. V. Budushchee kak problema sovremennoj sociologii [Future as an Issue of the contemporary sociology]. *Sociological Studies*. 2015; 11 (In Russ.).
- [12] Sterling B. *Budushchee uzhe nachalos: chto zhdet kazhdogo iz nas v XXI veke?* [Tomorrow Now. Envisioning the Next Fifty Years]. Ekaterinburg: U-Faktoriya; 2005 (In Russ.).
- [13] Taleb N. *Cherny lebed. Pod znakom nepredskazuemosti* [The Black Swan. To Impact of the Highly Improbable]. Moscow: KoLibri; 2011 (In Russ.).
- [14] Titarenko L.G. Budushchee obshchestva skvoz prizmu vzglyadov zarubezhnyh sociologov [Social future in the theories of Western sociologists]. *Sociology*. 2016; 3 (In Russ.).
- [15] Keat R., Urry J. *Social Theory as Science*. London: Routledge; 1975.
- [16] Wackernagel M., Rees W. *Our Ecological Footprint: Reducing Human Impact on the Earth*. Philadelphia: New Society Publishers; 1996.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-170-175

Перспектива «duplex» как попытка преодоления ключевой социологической дилеммы*

И. Шульц

Карлов университет
Ул. У Криже, 8, Прага 5, 15800, Чехия
(e-mail: irina.sulc@gmail.com)

Статья представляет собой рецензию на книги известного чешского социолога, заведующего кафедрой исторической социологии факультета гуманитарных наук Карлова университета (Прага), Иржи Шубрта «Исторические процессы, социальные изменения, модернизация с точки зрения социологии» (М.: РУДН, 2017. 248 с.), «Антиномии, дилеммы и дискуссии в современной социологической мысли: очерки социальной теории» (М.: РУДН, 2018. 280 с.) и «Individualism, Holism and the Central Dilemma of Sociological Theory» (Bingley: Emerald Publishing, 2019. 184 p.). Эти работы объединяет описание и анализ главной социологической дилеммы — индивидуализма/холизма, которая является главным научным интересом И. Шубрта на протяжении последних лет. Актуальность проработки этой дилеммы очевидна: индивидуализм исходит из субъективности человеческой личности, а холизм — из объективности сверхиндивидуальной социальной реальности, и такое противопоставление тормозит развитие теоретического знания. Следовательно, необходимо пытаться преодолеть это противостояние, что Шубрт и делает, подвергая критическому анализу предыдущие попытки разрешения дилеммы и предлагая посмотреть на нее с точки зрения подхода «дуплекс», который отражает как волюнтаристское, так и социальное начала.

Ключевые слова: социологическая теория; Иржи Шубрт; социологическая дилемма; индивидуализм/холизм

Рабочее название моего подхода можно определить как «критический эклектизм». Но критический не в смысле критической теории франкфуртской школы, а в смысле попперовского критического рационализма.

И. Шубрт в интервью К. Черны [1. С. 216]

Известный чешский социолог Иржи Шубрт посвятил попытке преодоления теоретического дуализма индивидуализма/холизма с позиций исторической социологии целый ряд статей и монографий [3; 4] на родном языке. Впервые на русском языке его статья на эту тему вышла в журнале «Вестник РУДН. Серия: Социология» в 2013 году [2] и впоследствии была включена в монографию «Антиномии, дилеммы и дискуссии в современной социологической мысли: очерки социальной теории» (С. 34—64).

* © Шульц И., 2020.

Статья поступила 12.10.2019 г. Статья принята к публикации 20.11.2019 г.

Прежде чем приступить к анализу ключевой для всех монографий темы и неотделимых от нее подтем (классификация социологических школ и направлений, варианты преодоления дихотомии индивидуализма/холизма, социальные роли и габитус), остановимся кратко на теоретической позиции Иржи Шубрта, его научном подходе, который он сам определил как критический (в попперовском смысле) эклектизм.

Термин «эклектика» происходит от слова *ἐκλεκτικός* (с древнегреческого — способный выбирать, выбирающий), в философию термин ввел Потамон Александрийский, назвав свое учение эклектическим, т.е. сочетающим разнородные элементы. Эклектика как соединение разнородных, подчас несовместимых идей, концепций и взглядов, не дающее общего представления о происходящих процессах и явлениях, критиковалась на протяжении веков, начиная с Аристотеля. И сегодня в социально-гуманитарных науках в качестве методологического приема эклектика имеет негативную коннотацию. Однако «во втором своем качестве, резко отличном от первого, — как момент познания, эклектика особенно часто встречается в периоды коренной перестройки теорий или мировоззренческих схем и выступает в двух формах: как предварительный этап синтеза разнородного в единую систему (конвергентная эклектика) или как начало типологического расплывания единых прежде систем (дивергентная эклектика)» [1. С. 76]. Соответственно, для анализа разнородных систем и концепций, которыми обогатилась социология начиная со второй половины XX века, Шубрт явно использует термин «эклектика» во втором ее значении, оставаясь при этом последователем критического реализма Карла Поппера с его традицией постоянной рациональной критики и отказа от догматизма. Важно отметить и то, что социологию Шубрт определяет как науку о социальных процессах, что отражено в названии первой из его книг, вышедших в России, — «Исторические процессы, социальные изменения, модернизация с точки зрения социологии».

Главный вопрос, который Шубрт поднимает в своих монографиях: индивидуализм или холизм в социологии — как преодолеть теоретическую дилемму? Авторский подход ориентирован на метатеоретические проблемы: многообразие социологических концепций и их мультипарадигматический плюрализм требуют от автора предварительного ознакомления читателя с контекстами социологического мышления. Шубрт проводит читателя по концептуальному лабиринту социологической теории и знакомит с основными классификациями социологических направлений и школ, что немаловажно: знание о путях становления социологического мышления помогает найти ответ на вопрос, почему произошло разделение на два идейных направления — индивидуалистическое и холистическое.

Свои рассуждения Шубрт начинает с разбора оппозиции атомизма и холизма (Брайан Фей) и трех дуализмов (Дерек Лейдер) — индивид/общество, микро/макро, действие/структура, что приводит его к мысли о необходимости дополнения этого ряда недостающим дуализмом — номинализм/реализм. С номинализмом в истории социологической мысли традиционно связано имя Макса Вебера, с реализмом — Эмиля Дюркгейма. Подробную классификацию концепций в теорети-

ческой социологии Шубрт приводит в своем английском издании (С. 29—86) — мы кратко ее рассмотрим.

«Понимающая социология» Вебера исходит из индивидуалистских начал, на основании которых исследует комплексные социальные явления как проявления индивидуальной воли, преследующей личные цели и блага. Последователей Вебера (в понимании целерационального действия) автор находит среди приверженцев утилитаристской теории, представленной бихевиоризмом (теория социального обмена Джорджа Хоманса), и теории рационального выбора Джеймса Коулмана. Из веберовской теории социального действия вышли и все течения интерпретативной социологии: феноменологическая теория Альфреда Шюца, которую в направлении социального конструктивизма развили его ученики Питер Бергер и Томас Лукман; этнометодология Гарольда Гарфинкеля, на которую повлияла феноменология; символический интеракционизм, который черпал вдохновение не в веберовской теории, а в американской прагматической философии (Чикагская школа) и социологии Георга Зиммеля. В развитии этого способа социологического мышления важную роль сыграл Джордж Герберт Мид, который разложил человеческое «Self» на творческое активное «I» и социальное «Me». К индивидуалистическому подходу примыкает и оригинальная микросоциологическая концепция ритуалов взаимодействия (интерактивных ритуалов), разработанная американским социологом Рэндалом Коллинзом и черпающая вдохновение в интерпретативной социологии и теории социального обмена.

Переходя к описанию холистической традиции, Шубрт указывает, что, наряду с Дюркгеймом и его учением о системе социальных фактов, ее основателем также может считаться Карл Маркс, чье материалистическое понимание истории оказало влияние на французский структурализм, критическую теорию франкфуртской школы, историческую социологию и теории социальных изменений, хотя учение Маркса автор оставляет за рамками рассмотрения. Он подробно разбирает теории структурализма (Клод Леви-Стросс) и постструктурализма (Мишель Фуко), функционализма (Бронислав Малиновский, Альфред Рэдклифф-Браун — оба считаются основоположниками британской антропологии), американского структурного функционализма (Толкотт Парсонс, Роберт Мертон), неофункционализма (Джеффри Александер). Под влиянием идей Парсонса немецкий ученый Никлас Луман во второй половине XX века создал теорию аутопойетических систем. Самым молодым из холистических подходов Шубрт считает сетевую теорию, которая начала развиваться в США в 1960-е годы.

Анализируя теории социальных изменений, которые носят холистский и одновременно макросоциологический характер, автор выделяет несколько их типов: эволюционистский (классический — Спенсер, Дюркгейм и неоэволюционизм — Парсонс, Смелзер, Мур, Айзенштадт, Луман); теории исторических циклов и изменений (Парето, Сорокин, Шпенглер, Тойнби, Кеннеди, Голдстайн); исторический материализм и его ответвления, которые сегодня связаны с именами исторических социологов, таких как Баррингтон Мур и Теда Скочпол, а также с теориями мировых систем, создателем самой известной из которых является Иммануил Валлерстайн.

В социологической теории Шубрт обнаруживает несколько попыток преодолеть дихотомию индивидуализма/холизма, которые сводятся, как правило, к двум основным стратегиям. Первая (интеракция Георга Зиммеля, затем фигурация Ноберта Элиаса и др.) основывается на чем-то третьем, что лежит «между» индивидуальным и коллективным. Вторая стратегия сводится к сближению двух позиций за счет смены обеих перспектив (Парсонс, Бергер, Лукмана, Хабермас, Бурдьё, Гидденс и др.). Особое внимание Шубрт уделяет теории структурации Энтони Гидденса, который в поисках пути выхода из тупика и основываясь на критике парсоновского функционализма, заменил традиционный дуализм действие/структура принципом двойственности. Гидденс постоянно меняет интерпретацию, переходя с индивидуалистической на холистическую позицию: в работе «Антиномии, дилеммы и дискуссии в современной социологической мысли» Шубрт отмечает, что Гидденс «как будто говорит, что на первом этапе необходимо занять индивидуалистическую позицию, так как именно индивиды своими действиями создают социальную структуру. Однако на втором этапе необходимо занять холистическую позицию, поскольку созданные структуры оказывают влияние на последующие индивидуальные действия. На третьем этапе мы возвращаемся к индивидуалистической перспективе, так как индивиды, как констатирует Гидденс, готовы своими действиями не только репродуцировать, но и модифицировать, изменять существующие структуры» (С. 44).

Новаторством Шубрта является разработка «призмы дуплекс»: отталкиваясь от идеи основополагающей внутренней человеческой двоякости (*homo duplex*) Дюркгейма, он предлагает преодоление дилеммы индивидуализма/холизма через призму «дуплекс», применив ее к рассмотрению как основных понятий (индивид, действие, структура), так и к проблеме структур и механизмов действия индивидов, отражающихся на формировании макроструктур. Автор анализирует действие посредством понятий «волонтаризм» и «социальность» и объясняет процесс интеракции индивидов так: «В упрощенной модельной форме это можно выразить следующим образом: во взаимной интеракции соотносятся друг с другом индивид А и индивид В, каждый из которых представляет для другого *alter ego* и признает, что другой, так же, как и он сам, имеет свои особенности и склонности и в своих действиях преследует личные интересы и цели, но одновременно он, как представитель определенной роли или института, также вынужден в той или иной мере соблюдать определенные общие структурные правила, предписания, образцы поведения» (С. 52).

По мнению Шубрта, структуры не могут быть одноуровневыми, лишенными индивидуальных качеств, как их трактовали прежде, — социальные структуры имеют многослойный характер. В качестве иллюстрации он приводит пример нукlearной семьи: как типичный социальный институт она представлена ролями отца, матери, ребенка; в функциональной трактовке она выполняет репродуктивные, защитные, воспитательные и прочие функции, которые диктуются институциональными правилами, т.е. обществом. Однако если рассматривать конкретную семью как малую социальную группу, то внутри ее действуют свои правила, продиктованные индивидуальными качествами ее членов (например, кто забирает ребенка из школы, кто готовит еду, кто стрижет газон), т.е. важно ролевое поведение

членов семьи. Обе структуры — социальная и индивидуальная — взаимосвязаны, и отделить их друг от друга невозможно (С. 55). Шубрт приводит и другие примеры — из области спорта, политики, экономики.

Безусловной научной новизной обладает рассмотрение автором через «призму дуплекса» роли личности в макроструктурах: Шубрт выдвигает гипотезу, согласно которой отдельные индивиды, благодаря своему элитарному или монопольному статусу, способны к общим макроструктурным правилам добавить еще один специфический уровень, который является отражением их индивидуальных качеств — как позитивных, так и негативных. Соответственно, автор считает незаслуженно забытой проблематику «социальной роли» и считает, что назрела необходимость к ней. Существует несколько трактовок роли актора в обществе: Энтони Гидденс рассматривает актора как деятельного компетентного агента, понимающего все, что он делает (скажем, с точки зрения теории рационального выбора актор действует так, чтобы минимизировать затраты и максимизировать выгоду). Пьер Бурдьё считает, что актор, как член определенной группы или класса, действует исходя из заранее заданных схем, свойственных его социальной группе.

Полемизируя с Э. Гидденсом, П. Бурдьё, Дж. Коулманом и др., Шубрт предпочитает понятие «исполнение социальной роли», которое шире и сложнее, нежели понятие «социальная роль», так как зависит от целого ряда факторов, включая эгоистические интересы и ситуацию, в которой происходит действие. Понятие «исполнение социальной роли», по мнению Шубрта, способно соединить разные полюса теоретических подходов, т.е. объединить индивидуальное с общественным: «исполнение роли обычно... превышает свод правил, предписаний и норм, характеризующих саму роль. Исполнитель социальной роли нередко противостоит целому ряду требований и ожиданий, но в то же время может попытаться привести их в состояние взаимного соответствия» (С. 98).

Таким образом, рассматривая существующие версии преодоления дихотомии индивидуалистического и холического и в основном пересматривая гиденсовскую теорию структуризации, Шубрт предлагает свои варианты решения проблемы, задавая основания для дальнейших теоретических изысканий и практических поисков. Например, через призму «дуплекса» можно рассмотреть традиционную дихотомию Россия—Запад или применить концепцию «исполнения социальной роли» для изучения поведения лидеров общественного мнения. Впрочем, автор скромно оценивает свои разработки в области научного (мета)теоретизирования, отмечая, что его гипотезы — всего лишь наброски для последующих размышлений, от которых нельзя ожидать немедленного снятия проблемы дуализма.

Безусловным достоинством монографии на английском языке является ее четкое структурирование, соответствующее научно-учебному стилю. Именно такая подача материала оптимальна для раскрытия выбранной темы и позволяет достаточно легко пройти через лабиринт теоретических концепций, чтобы согласиться или оспорить авторские гипотезы. Российские издания подобной четкой структурой не отличаются, но у них есть свое стилистическое преимущество — здесь автор не был ограничен какой-то одной темой, поэтому читатель может проследить ход теоретических рассуждений автора по важным для него вопро-

сам — это сложная, но захватывающая читательская работа. Необходимо отметить и библиографический аппарат всех трех монографий: в английском издании он составляет более 300 источников на английском и немецком языках, в российских изданиях — свыше 250, но языковая палитра здесь намного шире — это литература на семи языках: русском, чешском, английском, немецком, французском, словацком и польском.

Библиографический список / References

- [1] Микешина Л.А. Эклектика и синкретизм: к вопросу о системности научного знания // Эпистемология и философия науки. 2014. Т. 39. № 1 / Mikeshina L.A. Eklektika i sinkretizm: k voprosu o sistemnosti nauchnogo znaniya [Eclecticism and syncretism: On the system nature of scientific knowledge]. *Epistemologiya i Filosofiya Nauki*. 2014; 39 (1) (In Russ.).
- [2] Шубрт И. Индивидуализм versus холизм: о попытке преодоления теоретического дуализма // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2013. № 1 / Šubrt J. Individualizm versus kholizm: o popytke preodolenii teoreticheskogo dualizma [Individualism versus holism: An attempt to overcome theoretical dualism]. *RUDN Journal of Sociology*. 2013; 1 (In Russ.).
- [3] Šubrt J. *Historicko-sociologické reflexe*. Praha: Karolinum; 2018.
- [4] Šubrt J. *Individualismus a holismus v sociologii. Jak překonat teoretické dilema?* Praha: SLON; 2015.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-170-175

The ‘duplex’ perspective as an attempt to resolve the key sociological dilemma*

I. Šulc

Charles University
U Kříže, 8, 15800 Praha 5, Czech Republic
(e-mail: irina.sulc@gmail.com)

Abstract. This article is a review of the books by the famous Czech sociologist, head of the Historical Sociology Chair of the Faculty for Humanities at the Charles University (Prague), Jiří Šubrt *Historical Processes, Social Changes, and Modernization in the Sociological Perspective* (Moscow: RUDN; 2017. 248 p.), *Antinomies, Dilemmas, and Discussions in the Contemporary Sociological Thought: Essays on Social Theory* (Moscow: RUDN; 2018. 280 p.), and *Individualism, Holism and the Central Dilemma of Sociological Theory* (Bingley: Emerald Publishig; 2019. 184 p.). All three works focus on the key sociological dilemma — individualism versus holism, which has been the main scientific interest of J. Šubrt in recent years. The relevance of this dilemma is obvious: individualism declares the subjectivity of the person, while holism insists on the objectivity of the supra-individual social reality, and this contradiction hinders the development of theoretical knowledge. Therefore, it is necessary to try to resolve this contradiction, which Šubrt does by critically analyzing the previous attempts to resolve this dilemma and by considering it in the ‘duplex’ perspective that reflects both voluntarist and social principles.

Key words: sociological theory; Jiří Šubrt; sociological dilemma; individualism versus holism

* © I. Šulc, 2020.

The article was submitted on 12.10.2019. The article was accepted on 20.11.2019.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-176-182

Государственные расходы: меньше или больше?*

Т.Д. Залевская

Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: taniau93@mail.ru)

Статья представляет собой рецензию на книгу В. Танци «Правительство и рынки: меняющаяся экономическая роль государства» (Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 584 с.). Книга написана ведущим международным экспертом по вопросам налоговой политики и ее влияния на экономическое развитие, бывшим директором Управления по бюджетным вопросам Международного валютного фонда. Танци рассматривает экономическую роль государства в XX—XXI веках в историческом и географическом контексте, отмечая, что должно делать или пытаться делать государство в экономической сфере, в том числе в ближайшем будущем. В рецензии подчеркивается, что книгу можно рассматривать как своеобразный справочник по вопросам аналитического разграничения рынка и государства, а также выработки стратегии выхода из бюджетных кризисов нашего времени.

Ключевые слова: бюджетные расходы; государственное управление; государственное вмешательство; смешанные экономики; рынок

Автор рецензируемой книги, Вито Танци, — бывший директор Управления по бюджетным вопросам Международного валютного фонда и один из ведущих мировых экспертов по проблемам налоговой политики и роли государства в экономике. Танци можно отнести к не склонным к догматизму апологетам рыночной экономики, пытающимся ответить на такие вопросы, как: в каком направлении должны двигаться развитые страны в XXI веке? Должно ли государство вмешиваться в развитие рынка? Должно ли государство заниматься социальной поддержкой незащищенных слоев (например, стариков и безработных)?

Кредо автора достаточно четко выражено уже в предисловии: его главным тезисом можно назвать утверждение, что свободный рынок представляет собой «экологическую систему», в которой идет постоянный процесс эволюции и адаптации. Танци — принципиальный противник плановой экономики (в его работе нет даже намек на то, что капитализм и либеральная демократия могут когда-либо исчезнуть), однако он признает, что в современном обществе государство должно играть важную роль, адаптируя экономику к изменениям и учитывая так называемые «провалы рынка», которые могут иметь негативные последствия для множества граждан (например, возникновение монополий). В то время Танци признает,

* © Залевская Т.Д., 2020.

Статья поступила 27.05.2019 г. Статья принята к публикации 20.09.2019 г.

что бесконечный и бесконтрольный рост государственных расходов и увеличение налогового бремени недопустимы.

Книга состоит из четырех частей. Первая часть («Роль государства в экономике») и вторая часть («Исторический обзор») носят несколько справочный характер: автор рассматривает историю становления основных принципов экономической стратегии государств вплоть до кризиса начала XXI века. В третьей части («Теоретические и аналитические вопросы») и четвертой части («Результаты государственного вмешательства») подробно рассматривается социальная политика современных развитых стран. И, наконец, в пятой части («Об экономической роли государства в будущем») Танци предпринимает попытку спрогнозировать, какие экономические стратегии могут быть востребованы в ближайшие годы и десятилетия.

Ключевые тезисы автора представлены не только в предисловии, но и в первой главе («Введение и основные вопросы»). Танци скептически оценивает рост государственных расходов, связанных с социальными обязательствами, в XX веке. Призывая извлечь уроки из прошлого, он описывает риски вмешательства государства в экономику. Прежде всего, это высокая стоимость социальных программ (причем пенсионные программы превращаются в «финансовые пирамиды»), ограничение экономических свобод граждан (принуждение к уплате налогов) и высокие расходы на поставщиков государственных услуг (сюда также входит риск коррупции и расхищения средств). Танци стремится к объективности и отмечает, что необходимость вмешательства государства была исторически обусловлена рядом факторов, в частности, это недальновидность большинства граждан, не умеющих рационально распланировать свое будущее, а также возможная нечестность участников рынка. Идеал Танци можно сформулировать следующим образом: государственное регулирование должно гарантировать, что частные поставщики услуг следуют социально приемлемым правилам, а рынки прозрачны, что, впрочем, не исключает государственного патернализма. Абсолютная свобода выбора может привести к асоциальным моделям поведения, угрожающим обществу, поэтому государство должно давать «советы» (например, рекомендовать страховку), что уже делается, например, в США и Сингапуре. Кроме того, государство должно отказаться от монополии на здравоохранение и образование (свои услуги непременно предложат «частники»), от финансирования универсальных программ (оказывая лишь адресную помощь) и от стремления к сокращению неравенства — снижение налогов, по мнению Танци, приведет к более быстрому росту экономики, а он, в свою очередь, обеспечит увеличение доходов всех слоев населения.

Следующие главы носят преимущественно информативно-исторический характер. Танци отмечает, что до XIX века доступ граждан к благам был напрямую связан с их происхождением, но в XIX веке обрели популярность теории равенства возможностей, и к середине XX века акцент сместился на обеспечение равенства результатов. Важную роль в этом сыграло всеобщее избирательное право, благодаря которому разные слои населения получили возможность влиять на политику государства.

Реконструируя теории экономической роли государства, Танци выделяет две крайности — две противоположные теории. Первая известна под условным названием «laissez faire» (принцип невмешательства; доктрина, согласно которой государственное вмешательство в экономику должно быть минимальным) — здесь роль государства ограничивается исправлением «провалов рынка» и вмешательством в случае, например, стихийных бедствий. Вторая теория утверждает, что государство владеет всеми средствами производства и людьми, относясь к ним как к собственности, — эта теория вызывает особую неприязнь у Танци. Зачатки первой теории можно обнаружить у Адама Смита, второй — в концепции Карла Маркса. Однако до настоящего времени ни одна из них не была реализована в «чистом виде». Первая утратила популярность к концу XIX века, вторая, воплотившись в социалистических экспериментах ряда стран, оказалась бессильна в условиях массового рынка, — сегодня используются элементы обеих.

Особую симпатию у Танци вызывает классик экономической мысли Адам Смит. Возражая критикам капитализма, упрекавшим его за апологию алчности, Танци отмечает, что Смит видел в коммерции лишь «дух товарищества» и считал задачей государства стимуляцию торгового обмена. Государство, согласно Смицу, должно строить крупные объекты, оказывать административные услуги, заниматься обороной и правосудием, начальным образованием и адресной поддержкой бедных. При этом, подчеркивает Танци, Смит не писал ничего о вкладе государства в перераспределение доходов.

Какой была экономическая роль государства в разные исторические периоды? Танци приводит множество данных, свидетельствующих, что до Первой мировой войны для всех государств был характерен низкий уровень налогов (доходы бюджета от налогов составляли в среднем 13%). Общегосударственный подоходный налог был внедрен после начала Первой мировой войны в США, Франции и Германии. Танци называет ряд факторов, которые привели к резкому изменению экономической политики в XX веке: прежде всего, это развитие промышленности, повлекшее за собой структурные изменения в экономике, а также новые экономические теории. Так, о необходимости государственных расходов для достижения социальных целей писал Адольф Вагнер. Джон Кейнс сформулировал новую цель — стабилизация экономики при поддержании полной занятости, причем нехватка частного спроса должна компенсироваться с помощью фискальных мер, и государство должно держать под контролем почты, метрополитен, железные дороги и т.д. На увеличение государственных расходов повлияли и социалистические эксперименты (в СССР).

В 1960-е годы началось движение в направлении государств всеобщего благосостояния, или «смешанных экономик», отработаны механизмы повышения налогов. В итоге к концу XX века налоговые доходы европейских стран выросли в среднем на 15%. Вводя термин «кейнсианская революция», Танци отмечает, что после 1965 года во многих странах были введены налоги на доходы и добавочную стоимость, а также социальные взносы. В 1990 году в Швеции доход от налогов составлял уже 52,2%, что, по мнению автора, обусловлено спросом на государст-

венные расходы со стороны получивших больше политической власти слоев населения, а также ростом налоговой выручки благодаря технологическому и административному прогрессу в сборе налогов и структурным изменениям в экономиках. Однако в XXI веке началось движение в обратном направлении: предпринимаются попытки снизить уровень налогового бремени.

Государства всеобщего благосостояния требуют огромных расходов на социальную защиту. Танци, скептически относясь к такому расточительству, анализирует, как обстояли дела до вмешательства государств в экономику: бедным помогали родственники, члены общины, церковь, общества взаимопомощи. Возврат к таким методам слишком архаичен, поэтому Танци признает, что настоящим рывком вперед стало изобретение системы социальной защиты Отто Бисмарком (внедрение законов об обязательном страховании), а также национальная программа социального страхования, внедренная Франклином Рузвельтом в 1935 году. Согласно Танци, в США расточительность началась уже при Линдоне Джонсоне: некоторые слои населения, избалованные соцзащитой, стали настоящими иждивенцами. Однако в 2010 году Барак Обама ввел обязательную медицинскую страховку. По мнению Танци, оптимальный вариант социального обеспечения — тот, при котором государство гарантирует базовый уровень социальной защиты для всех, однако работодатели должны направлять часть зарплаты для его обеспечения и необходима базовая страховка.

Рассматривая процессы глобализации, которые набирали обороты с середины XIX века, Танци отмечает, что свобода рыночных сил, введение золотого стандарта и научно-технический прогресс привели к тому, что благодаря большим объемам экспорта и импорта стало легче получить высокие налоговые доходы. Однако в 1970-е годы экономики ряда стран стали закрытыми (политика импортозамещения, основанная, в частности, на теории Рауля Пребиша). В 1990-е годы начался новый этап открытия рынков и глобализации, что повлекло за собой масштабные международные финансовые спекуляции (Танци сравнивает деятельность финансовых воротил с игрой в казино). Тревожным звонком стала тотальная нищета в Юго-Восточной Азии во время финансового кризиса 1997—1998 года. Рассматривая ряд гипотез, оценивающих роль государства в условиях глобализации, Танци подробно анализирует «гипотезу эффективности», согласно которой «чем больше государственные расходы, тем хуже страна конкурирует на глобальных рынках», и «компенсационную гипотезу» (что государственные расходы, напротив, следует увеличивать) — Танци занимает компромиссную позицию.

Особый интерес представляет седьмая глава книги, где Танци предлагает классификации поведения государственного сектора в разных типах государств. Используя наработки итальянских исследователей (впрочем, Танци около 15 лет проработал в правительстве Италии), он выделяет три типа государств: монополистическое — правящий класс преследует исключительно собственные цели; индивидуалистическое — прозрачный бюджет и общественный интерес на основе суммарного благосостояния всех частных лиц; патерналистское — цели политики

связаны с некоей абстрактной идеей (например, идеей нации). Танци рассматривает и иную классификацию, предложенную американским экономистом Ричардом Масгрейвом: обслуживающее государство (по сути, описанное еще Адамом Смитом); государство всеобщего благосостояния (подразумевающее распределение благ); общинное или коммунальное (схожее с патерналистским); неполноценное (неработоспособный государственный сектор). Завершает седьмую главу теория фискальных иллюзий Аликонаре Пувиани: согласно этой теории правительства, пользуясь тем, что большинство налогоплательщиков и избирателей не склонны рационально оценивать последствия того или иного выбора из-за недостатка информации, могут наращивать расходы в своих целях, что ведет к серьезным системным ошибкам.

Анализ различных концепций продолжается в следующих главах книги. Так, Танци рассматривает теорию добровольного обмена (напоминает «голового короля») и школу общественного выбора, акцентируя внимание на книге «Расчет согласия», опубликованной Джеймсом Бьюкененом и Гордоном Таллоком в 1962 году. Танци выражает свое согласие с тем, что провалы государства намного опаснее, чем провалы рынка, а государство — это лишь совокупность индивидов.

Наиболее «продвинутыми» государствами всеобщего благосостояния, по мнению Танци, являются Финляндия, Дания, Норвегия, Швеция и Исландия — это итог фискальной стратегии. Политики этих государств не имеют иных целей, кроме содействия росту общественного благосостояния посредством правил и проводимой политики. Общественное благосостояние зависит от нескольких показателей — экономических и социальных: это экономический рост, рост занятости, рост производительности труда, уровень инфляции, распределение доходов, продолжительность жизни, уровень преступности, качество жизни, уровень заболеваемости и доля домовладельцев. Танци приводит примеры и инструментов экономической политики: различные налоги, обменный курс, процентные ставки. Успешное развитие государств всеобщего благосостояния предполагает наличие некоего центра, где обсуждаются цели и инструменты экономической политики. При этом обязательны следующие условия: а) представители власти действуют только в общественных интересах; б) они полагаются на лучшие методы экономического анализа; в) инструменты фискальной политики обычно встроены в законодательство.

В четвертой части книги Танци описывает вышеупомянутые североевропейские развитые страны, уделяя особое внимание количественным аспектам социальной защиты: социальная защита в старости; пособия по утрате кормильца; пособия по нетрудоспособности; пособия по болезни; семейные пособия; программы на рынке труда; пособия по безработице; пособия на жилье. Нельзя не отметить, что ряд подобных инструментов социальной защиты характерен не только для развитых стран, но Танци скептически настроен по отношению к развивающимся странам. Приводя таблицы расходов в развитых и развивающихся странах, он отмечает, что страны второго «эшелона» не имеют возможности

использовать государственные расходы для социальных целей. Восхваляя североевропейские страны, Танци отмечает, что их успехи связаны с такими важнейшими условиями, как: высокая доля занятых в секторе социальных и медицинских услуг; политика, направленная на достижение полной занятости; доверие правительству; чувство общности; низкий уровень коррупции. При этом Танци признает, что с 1990-х годов в развитых странах последовательно проводился ряд реформ, направленных на сокращение государственных расходов.

В заключительной части книги Танци подводит итоги своего масштабного исследования. Однако, несмотря на громкое название последней главы («Экономическая роль государства в будущем»), он не склонен к однозначным прогнозам и «рецептам», с помощью которых развитые страны смогут точно сориентироваться в ближайшем будущем и принять конкретные меры по преодолению кризиса. Автор настроен весьма пессимистично: считает рыночный фундаментализм (основанный на вере, что рынок способен к полной саморегуляции) ошибочным, но в то же время убежден, что нет четких механизмов для регуляции рынка извне, и ситуация осложняется необратимой глобализацией. По мнению Танци, вопросы распределения ресурсов, перераспределения доходов и стабилизации экономики сегодня уже не могут решаться внутри отдельно взятого государства — необходимо решать глобальные проблемы. Впрочем, рассуждая о частных мерах внутри государств, Танци повторяет свои тезисы, сформулированные в предисловии и первой главе: в будущем государство должно заниматься предотвращением рисков, т.е. чрезмерные государственные расходы следует сокращать, но повышение некоторых налогов, напротив, нужно приветствовать, например, природоохранный налог и налог на деятельность на финансовых рынках.

Именно заключительная часть книги вызывает после ее прочтения неоднозначные впечатления: осторожность в прогнозах и рекомендациях (у крупнейшего специалиста МВФ) вызывает едва ли не разочарование. Подбираясь к финалу, читатель, очарованный масштабной работой автора, явно настроен на более смелые выводы и прогнозы, но в итоге Танци, по сути, не предлагает ничего принципиально нового, а его позиция периодически удивительно напоминает позицию Адама Смита и отчасти позицию Джона Кейнса. Это неудивительно — именно этих авторов Танци защищает от возможных нападок критиков, упрекающих Смита в проповеди алчности, а Кейнса — в том, что он якобы призывал к расточительным расходам в государствах всеобщего благосостояния. Впрочем, сложно однозначно определить позицию Танци, который, с одной стороны, развенчивает иллюзии о бесконтрольном рынке, который «порешает» все, с другой стороны, призывает отказаться от ряда направлений социальной политики. Неслучаен его интерес к тому, как проблема бедности решалась раньше, включая откровенное одобрение благотворительности и оптимизм в отношении частных структур, которые, в случае отказа государства от поддержки населения, обязательно помогут, предложив доступные для самых незащищенных слоев услуги,

связанные с образованием и здравоохранением, а также решив проблемы занятости. Таким образом, развитие экономики каждой конкретной страны все же является для Танзи главной целью, поскольку для него экономическая панацея — повышение общего уровня доходов. Но тогда вызывает недоумение то, что Танзи акцентирует внимание на дальнейшей стратегии развитых стран, не уделяя внимание странам развивающимся.

Безусловно, книга представляет огромный интерес для тех, кто изучает экономическую роль государства в различные исторические периоды, в том числе в современных развитых странах, причем книга оснащена большим количеством статистических материалов. Язык и стиль книги также можно отнести к ее очевидным достоинствам: она не перегружена специфическими терминами (в отличие от работ многих экономистов, которые обычно адресуют свои труды только «посвященным»), что делает ее доступной для широкого круга читателей.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-176-182

Budget expenditures: less or more?*

T.D. Zalevskaia

RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: taniau93@mail.ru)

Abstract. This article is a review of the book by V. Tanzi *Pravitelstvo i rynki: menjajushchajasja rol gosudarstva* [Government versus Markets: The Changing Economic Role of the State] (Moscow: Gaidar Institute Press, 2018. 584 p.). This is a book by a leading international expert on tax policy and its impact on the economic development, a former Head of the Office of Budget Affairs of the International Monetary Fund. Tanzi considers the economic role of the state in the 20—21 centuries in the historical and geographical context, and notes what the state should do or try to do in the economic sphere including in the near future. The review emphasizes that the book can be considered a kind of a guide on the analytical division of the market and the state, and also on the development of a strategy for overcoming budget crises of our time.

Key words: budget expenditures; public administration; state intervention; mixed economies; market

* © T.D. Zalevskaia, 2020.

The article was submitted on 27.05.2019. The article was accepted on 20.09.2019.



НАШИ АВТОРЫ

Артамонова Екатерина Александровна — кандидат искусствоведения, старший преподаватель департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Московский физико-технический институт» (e-mail: info@mipt.ru).

Буланова Марина Борисовна — доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета (e-mail: rsuh@rsuh.ru).

Егорышев Сергей Васильевич — доктор социологических наук, проректор по научной работе Восточной экономико-юридической гуманитарной академии; главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (e-mail: nauka@vegu.ru).

Залевская Татьяна Дмитриевна — аспирантка кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: taniau93@mail.ru).

Иванова Мария Геннадьевна — кандидат философских наук, ассистент кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (e-mail: ivanova-mg@rudn.ru).

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, ректор Московского гуманитарного университета (e-mail: iilinskiy@mosgu.ru).

Кечина Евгения Аркадьевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета (e-mail: eakech@tut.by).

Коваль Екатерина Александровна — доктор философских наук, главный научный сотрудник отдела научных исследований Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (e-mail: nwifesc@yandex.ru).

Копотева Инна Викторовна — доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института Руралья Университета Хельсинки; старший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: inna.kopoteva@gmail.com).

Луков Валерий Андреевич — доктор философских наук, директор Центра социального проектирования и тезаурусных концепций Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета (e-mail: v-lukov@list.ru).

Мартыненко Елена Викторовна — доктор политических наук, заведующая кафедрой теории и истории журналистики Российского университета дружбы народов (e-mail: martynenko-ev@rudn.ru).

Масловская Елена Витальевна — доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора истории российской социологии Социологического института — филиала федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: ev_maslovskaya@mail.ru).

Масловский Михаил Валентинович — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории российской социологии Социологического института — филиала федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: m.maslovskiy@socinst.ru).

Милошевич Шошо Биляна Чедомир — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Университета Восточного Сараево (e-mail: milosevic_biljana@yahoo.com).

Никула Йоуко — доктор социологических наук, главный научный сотрудник Финского центра российских и восточно-европейских исследований Университета Хельсинки (e-mail: jouko.nikula@helsinki.fi).

Платонов Владимир Михайлович — кандидат юридических наук, заведующий кафедрой политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (e-mail: vladimir@platonovvm.ru).

Поляков Алексей Викторович — кандидат политических наук, начальник управления образованием администрации Одинцовского городского округа Московской области (e-mail: al2004pol@yandex.ru).

Силкин Владимир Владимирович — доктор политических наук, декан факультета журналистики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: vv.silkin@igsu.ru).

Слизовский Дмитрий Егорович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (e-mail: de373@mail.ru).

Унусян Ульяна Вячеславовна — аспирантка кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: uljanav@mail.ru).

Ушкин Сергей Геннадьевич — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Научного центра социально-экономического мониторинга (e-mail: ushkinsergey@gmail.com).

Филинская Лариса Владимировна — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Белорусского государственного университета (e-mail: filinskalv@gmail.com).

Шарков Феликс Изосимович — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации; заведующий кафедрой общественных связей и медиаполитики и заместитель декана факультета журналистики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: sharkov_felix@mail.ru).

Шульц Ирина — аспирантка кафедры исторической социологии Карлова университета (Чехия) (e-mail: irina.sulc@gmail.com).

Щекотуров Александр Вячеславович — кандидат социологических наук, заведующий социологической лабораторией анализа, моделирования и прогнозирования рисков Балтийского федерального университета им. И. Канта (e-mail: ASHChekoturov@kantiana.ru).



К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи** — от 30 до 50 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 12 до 20 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
2. Все **таблицы, схемы, графики и рисунки** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
3. **Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
4. В рукописях необходимо приводить два списка ссылок на использованные в работе источники — «**Библиографический список**» и «**References**». Ссылки на источники в Библиографическом списке следует оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008; References — в стиле Vancouver в версии АМА. Требования к оформлению Библиографического списка и References приведены на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. К статье обязательно прилагаются:
 - ◆ **аннотация** (резюме) объемом 250—300 слов на русском и английском языках;
 - ◆ **список 7—8 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
 - ◆ **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность,

ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес; в статье **допускается не более четырех соавторов**.

Срок рассмотрения и принятия решения о публикации составляет не менее шести месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редколлегия не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации их материалов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения редколлегии.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редколлегии.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в сети Интернет: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

Для отправки статьи в редакцию необходимо заполнить форму на сайте журнала <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, где также приведена подробная информация для авторов.



AUTHORS' GUIDELINES

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, articles on the results of sociological and interdisciplinary studies covering a wide range of issues in social sciences and humanities written in Russian and English, as well as brief surveys and book reviews.

The editors will consider articles strictly complying with the following standards:

1. **The size of the manuscript** — from 30 to 50 thousand symbols for articles; from 12 to 20 thousand symbols for reviews. References are to be given in the text in square brackets, inside of which the first figure indicates the number of the source in the references list, the second one, following the capital letter “P”, indicates the page number in the source (for example, [1. P. 126]; references to several sources — [1. P. 126; 4. P. 43]). References to footnotes are to be given in round brackets, for example, (1).
2. All the **tables, diagrams, graphs, and drawings** are to be incorporated in the text of the article. They are to be numbered and supplied with a title. Tables are to be given a title placed above the table, drawings are to have captions. When several tables and/or drawings are used in the article, their numeration is obligatory.
3. **Formulas** are to be marked out, explained and provided with references.
4. The manuscript must include a list of references submitted in accordance with the Vancouver style of the AMA version. Requirements to ‘References’ can be found on the journal’s website: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. **It is obligatory to attach** the following to the manuscript:
 - ◆ **abstract (summary)** of 250—300 words in Russian and English;
 - ◆ **a list of 7—8 key terms** in Russian and English; each key term or word-combination is to be separated from another one with a semicolon;
 - ◆ **information about the author** in Russian and English, including: the author’s full name, the official name of the place of employment, position, scientific degree, as well as **the author’s contact data** — mailing address, telephone number (office, mobile), electronic address; **the number of co-authors cannot be more than four**.

The decision as to publication is made within no less than six months from the day the manuscript is registered at the editorial office. Materials which are not accepted for publication will not be returned. The editors will not enter into corre-

spondence with the authors in case of refusal to publish the articles submitted by them.

The authors will bear full responsibility for the selection and authenticity of the given facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, geographical names and other information.

The published materials may not reflect the viewpoint of the editorial board and the editors.

The author, submitting a manuscript to the editors, undertakes not to have it published, either in full or partially, in any other publication without the editors' consent.

The published issues and abstracts of the articles are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

To send the article to the editors the author need to fill in a form on the website <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, which also provides the detailed information for authors.

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

20826

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Социология»

Количество
комплектов:

на 2020 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

20826

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Социология»

Стои- мость	подписки	руб. ___ коп.	Количество комплектов:
	переадресовки	руб. ___ коп.	

на 2020 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Для заметок

Для заметок
